

ВЫШЕ СТРАХА И СМЕРТИ

Георгий
ЛУНКИН

Места
массового
уничтожения
людей
немецко-
фашистскими
оккупантами
на территории
Украинской
ССР
(1941 - 1944 гг.)

Жертвы фашистского террора, извлеченные из артемовской шахты. Артёмовск. Сентябрь 1943 г.

Георгий Лункин

ВЫШЕ СТРАХА И СМЕРТИ

Антифашистская
борьба
наших
соотечественников
в гитлеровских
тюрьмах
и
лагерях

Донецк 2008
СПД Дмитренко

УДК 82.1
ББК 84.5
Л 84

Л 84 Лункин Г.М.

Выше страха и смерти. Донецк. СПД Дмитренко 2008. - 184с.

ISBN 978-966-8965-36-4

Предлагаемая вашему вниманию книга Георгия Лункина -участника боевых действий в Великой Отечественной войне, поэта и журналиста, кандидата исторических наук и доцента - представляет собой (с некоторыми дополнительными включениями) научно-популярное изложение ряда разделов диссертационного исследования автора на тему: «Противоборство социал-коммунистической и национал-социалистической идеологий в гитлеровских тюрьмах и лагерях. 1941 - 1945 гг.». Агитация и пропаганда, журналистика и поэзия, просветительство и искусство и, наконец акт самоосвобождения - вооруженная атака, жертвенная схватка - вот составляющие этого противоборства, этой непрерывной всеохватывающей антифашистской борьбы за жизнь, честь и достоинство узников нацизма. Ее герои - выше страха и смерти.

Предназначается для всех, чья память желает быть благодарной.

УДК
ББК

ISBN 978-966-8965-36-4

© Лункин Г.М.

©Издательство “Кассиопея”

Светлой памяти моих родителей

Любови Алексеевны
Мефодия Евдокимовича

Освенцим (Oświęcim-Auschwitz-Birkenau)

***ПЛЕН – СТРАШНАЯ ШТУКА,
НО ВЕДЬ ЭТО ТОЖЕ ВОЙНА,
И ПОКА ВОЙНА ИДЕТ НА РОДИНЕ,
МЫ ДОЛЖНЫ БОРОТЬСЯ ЗДЕСЬ.***

Д. М. Карбышев,
генерал-лейтенант
инженерных войск,
доктор военных наук,
профессор Академии
Генерального штаба
Красной Армии

Умершвлен фашистами в
концентрационном лагере Маутхаузен.
Посмертно удостоен звания
Героя Советского Союза.

От автора

Какое у вас, уважаемый читатель, представление о гитлеровских лагерях времен Второй мировой войны?

Да, газовые камеры, крематории, эсэсовский произвол, голод, каторжный труд под издевательским девизом «Arbeit macht frei» попрание человеческой личности. Через губительное решето сборных пунктов, пересыльных дулагов, стационарных шталагов, командирских офлагов, гетто, рабочих, рабочих исправительных, штрафных, концентрационных лагерей и лагерей уничтожения фашисты пропустили 18 миллионов человек. Почти 12 миллионов стали там пеплом...

Все это правда. Вернее – часть правды.

Гитлеровские лагеря были местом не только страданий военнопленных и гражданских узников, но и ареной их героической борьбы за жизнь, за честь и достоинство. И они, узники, на пути к освобождению знали победы – малые и большие. Цена их борьбы – свобода или смерть...

Во мне эта тема зародилась вероятнее всего в декабре 1942 года.

Эвакуация из Ростова-на-Дону забросила нас в село Мещерское Сердобского района Пензенской области. Перед обедом я зашел в контору машинно-тракторной станции, где мама работала счетоводом. Она молча вывела меня на заснеженную веранду и дала прочесть в поллистика бумагу. Не сразу, (не сразу!?) дойдет до меня ее трагический смысл: мой отец старший батальонный комиссар Лункин Мефодий Евдокимович – зам. начальника политотдела 62-й кубанской кавалерийской дивизии 25 мая 1942 года в районе Изюм – Барвенково пропал без вести в Харьковском окружении... Позже откроются некоторые детали тех трагических дней. Командир дивизии и начальник ее штаба улетят на связном У-2 и за спасение дивизионного знамени получают награды. А командование брошенной дивизией примет на себя мой отец, еще не вполне оправившийся после ранения при первом освобождении Ростова-на-Дону. И основную часть личного состава дивизии выведет из окружения к своим на разведанных бродах, а сам, завязав с небольшой группой отвлекающий гибельный бой на глубоководье, при форсировании Северского Донца пропадет... Как?

Бригадиром тракторной бригады, где летом 1943 года я был штурвальным и потом комбайнером на «Коммунаре», окажется механик - водитель танка Т-34 18-й танковой армии, в числе немногих вышедший из того самого Харьковского окружения и демобилизованный по инвалидности.

Потом, в армии и после, уже на гражданке, я не раз встречал бывших окруженцев, военнопленных. Их скупые исповеди оставляли глубокие засечки в памяти и сердце. Но особенно пронзительно трагизм судеб этих людей я осознал при знакомстве с Семеном Петровичем Страхом – ветераном войны, свинаруем-механизатором таврического совхоза «Сивашский борец»: он бежал из эшелона военнопленных-смертников...

В диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Боевой и трудовой подвиг советских женщин в героической эпопее Одессы. 1941–1944 гг.» (Институт истории АН УССР, 1976 г.) один из разделов я посвятил борьбе женщин-военнопленных в концентрационном лагере Равенсбрюк. Антифашистское сопротивление здесь возглавила преподаватель Одесского педагогического института Евгения Лазаревна Клем.

Накапливались впечатления при многочисленных встречах с непосредственными участниками тех событий, при ознакомлении с мемуарами (опубликованными и неопубликованными) бывших узников нацизма, научными исследованиями, работами публицистов и литераторов, зарубежными изданиями. Расширялся фактаж, основу которого составили документы и материалы фондов (сохраняю прежние наименования) Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Партийного архива Института истории партии при ЦК Компартии Украины, Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР и его украинского аналога, Архива Министерства обороны СССР, Центрального военно-морского архива СССР и его Московского отделения, Научного архива Института истории СССР АН СССР, Музея Октябрьской революции (Москва), музеев Великой Отечественной войны Украины и Белоруссии, партийных и государственных архивов, историко-краеведческих музеев Киевской, Одесской, Херсонской, Николаевской, Донецкой и других областей Украины.

Со временем из частных и деталей вырисовался масштаб беды: за годы Великой Отечественной войны погибло 8 миллионов 668 тысяч 400 бойцов и командиров Красной Армии, без вести пропало 5 миллионов 59 тысяч, в плену у немцев оказалось 5 миллионов 794 тысячи 528 (по последним официальным данным 4 миллиона 559 тысяч) советских военнослужащих. С оккупированных территорий СССР на работы в Германию было угнано 4 миллиона 978 тысяч юношей и девушек, мужчин и женщин (только с Украины – более 2 миллионов). Общий счет людских потерь народов СССР достиг 27 - 30 миллионов человек.

Выкристаллизовалась тема докторской диссертации (в силу разных обстоятельств она осталась незавершенной):

«Противоборство социал-коммунистической и национал-социалистической идеологий в гитлеровских тюрьмах и лагерях. 1941-1945 гг.»

Оставляя в стороне, как отдельный предмет, детальный сопоставительный анализ, подчеркнем следующее. Основную особенность и сложность этого противоборства составляла

одинаковость идейно-политических требований обеих доктрин: установление тотальной гегемонии в первом случае – одной узкой социальной группы так называемого пролетариата, который «лучше всех» (руководящая и правящая сила – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков); в другом случае – узкой национальной группы так называемой «арийской расы», которая «выше всех» (руководящая и правящая сила – Национал-социалистская немецкая рабочая партия) и беспрекословное подчинение этим требованиям жизни и практических действий абсолютно всех членов общества с самых юных лет и до конца дней.

Составляющие этой непрестанной борьбы, всеохватывающего противоборства: агитация, пропаганда, журналистика, просветительство, литература, искусство, музыка и, наконец – акт самоосвобождения, вооруженная атака, жертвенная схватка. Ее герои – выше страха и смерти...

Весной 1946 года только что вернувшийся из плена рабочий совхоза «Гигант», что в городе Зернограде Ростовской области, случайно увидел у моей мамы фото моего отца. Он уверенно опознал в нем человека, которого летом 1942 года, в первые дни неволи, военнопленные называли комиссаром. Комиссар их ободрял, поддерживал павших духом, гордо шел впереди. Это было на сборном пункте где-то в районе Изюма. Что стало с комиссаром потом, он не знал.

В мемориальном варшавском издании 1979 года «*Obozy hitlerowskie na ziemiach polskich. 1939–1945. Informator ensyklopedyczny*» с одного из снимков на меня будто глянули глаза моего отца: его овал лица, наклон головы, губы. Подпись: Хелмно. Группа обреченных непосредственно перед помещением в газовую камеру – «*samochodu*». Самоходы – это те, кого живыми загоняли в бункеры умерщвления... Но возможно, что я и ошибся.

Вспомнилось... В первой половине пятидесятых годов моя родственница, солистка Уфимской филармонии, выступала с концертной бригадой в селениях Печорского края. Однажды после концерта к ней подошел седой изможденный поселенец и назвал ее детским домашним именем... Это был ее отец – пропавший без вести на фронте крупный военный работник, из гитлеровских лагерей

пересаженный в советские и обреченный на гибель в смертоносной шахте. Без права на связь, без права на надежду... Кто знает счет таких судеб?

Примерно в то же время к моей сестре - кандидату в депутаты Молотовского (ныне – Пермь) горсовета – с подобным обращением по детскому семейному имени пришло письмо из одного из пермских лагерей. Подпись совершенно незнакомая! Но кто, знающий столь сокровенные интимности, скрылся за неизвестной фамилией? Кем этот зэк мог нам доводиться?!.. Ответить сестра побоялась: чтоб не навредить страдальцу, да и своей семье.

Было над чем подумать...

В исследуемой проблеме обнаружился между тем еще один аспект. Пришло осознание того, что несправедливо исчислять меру мук и героических свершений попавших в фашистскую неволю советских людей территорией собственно Германии и стран, где были расположены широко известные стационарные концентрационные лагеря и лагеря уничтожения. Вся оккупированная Украина (как и Белоруссия и часть Российской Федерации) была превращена фашистами в огромный лагерь принудительного труда с разветвленной сетью штрафных и карательных учреждений. Считается установленным: на территории Украины в период немецкой оккупации было до 900 мест массового уничтожения гитлеровцами советских военнопленных и гражданского населения.

Да простится мне такое трагическое сравнение: если в старейшем концлагере Германии Дахау за двенадцать лет его существования погибло 66 тысяч человек, в концлагере Бухенвальд за восемь лет – 56.545 человек (каждая смерть – трагедия!), то в таких лагерях на территории Украины как Яновский, Станиславский, Львовский (цитадель), Ровенский, Проскуровский, Харьковский, Славутский гитлеровцы только за два года оккупации (1941–1943) уничтожили до и более 200 тысяч человек в каждом; в Каменец-Подольском, Житомирском, Киевском («Сырец»), Черниговском, Богдановском, Кировоградском, Хорольском, Кременчугском лагерях от рук фашистских палачей погибло до ста тысяч в каждом... Общий счет потерь Украины по некоторым подсчетам превышает 5 миллионов человек.

Немецкая сторона лишь на рубеже XXI столетия признала за узниками лагерей 322 населенных пунктов Украины право на компенсацию за принятые от германских оккупантов муки. В Донецкой области таких два: концентрационный лагерь политических заключенных на территории бывшей сельхозколонии НКВД в Макеевке и исправительно-трудовой (штрафной) лагерь на территории химического завода в Константиновке. Однако, если в архивах стационарных гитлеровских лагерей на территории Германии, Австрии, Польши имеются полные или почти полные списки заключенных, то списки узников по многим лагерям на территории Украины в лучшей случае сохранились частично или отсутствуют вообще. То есть факт пребывания в заключении подтвердить нечем. И в приемнице НКВД-КГБ Службе безопасности Украины сведения об этих людях "для посторонних", то есть не родственников, – недоступны. Большой секрет?!

Из-за нерадения наших соответствующих отечественных структур никто из бывших заключенных Макеевки и Константиновки, как и многих других фашистских лагерей на территории Украины, воспользоваться германской компенсацией уже не успел.

Так что до исчерпывающе справедливых оценок и воздаяний еще не близко...

А когда же сердце мне сжигала боль, строки превращались, слагались в стихи...

Автор сочтет свою задачу выполненной, если представленные в этой книге свидетельства помогут продлить эстафету памяти и лягут еще одной страницей в летопись страданий и подвигов наших соотечественников в годы Второй мировой, нашей Великой Отечественной войны.

*Героям
обороны
Севастополя,
прошедшим
фашистский
плен
и
лагеря
смерти*

МАЯК СТРОЧИТ ВО ЧЬЮ-ТО ПАМЯТЬ

На Херсонесе заикается маяк.
Шторм море рвет
на клочья волн и пены..
И вспомнил спутник мой,
седой моряк,
Как здесь в 42-м
топили пленных.
Еще не пленных! Брошенных уже...
Безвольно задыхался
штиль на море.
И стережет в изломанной душе
Людей уж четверть века злое горе.
Они прошли моря стыдов и мук,
Их перечли утраты и уроны.
Потом и их провозгласили вдруг
Героями бессмертной обороны.
С Большой,
врагом отрезанной земли,
То ль кто-то плох был,
то ль была не сила,

Да только не пришли
 к ним корабли...
Спасибо! –
 что теперь
 к ним слава их пробилась.
Они на Графской строили в ряды
Медали-ордена не по ранжиру.
Их им вручил
 за ратные труды
Уж не Калинин и не Ворошилов...
Неловкость жизни
 презирая впрах,
Смеясь гитарой
 в штормовую замять,
Поют туристы...
 А сквозь буйный мрак
Маяк всю ночь
 строчит во чью-то память.

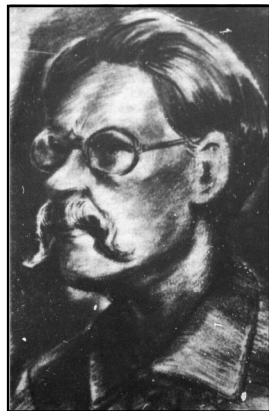
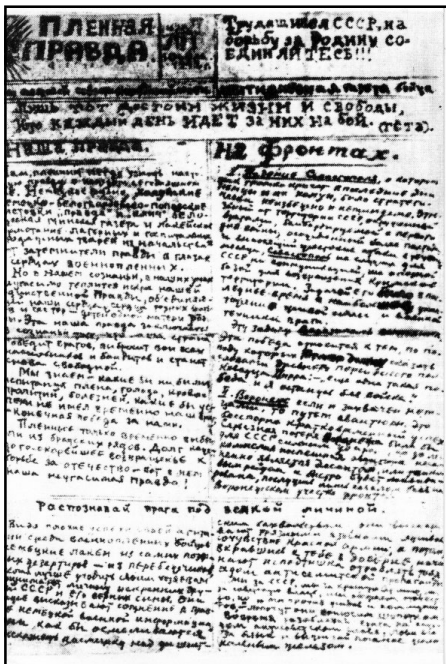
1967 Севастополь-Новороссийск

На снимке: Фрагмент картины
 А. Дейнеки
"Оборона Севастополя. 1942".

***ОРУЖИЕМ
СТАЛО
СЛОВО***

Мы и в неволе —
все равно в бою...

А. Лихов

Степан Злобин - редактор
"Пленной правды" и
"Домашней аптечки". 1942г.
Рисунок А. Пахомова

Иван Будаев - краматорский
журналист, подпольщик

Редактор журнала
"За колючей проволокой"
Иван Денисов
делится воспоминаниями
с молодыми журналистами Одессы.
1971 г.

Через четыре года после войны в развалинах военного городка на Льговском тракте минский школьник Юлик Валюкевич подфутболил ржавую консервную банку. Потом подобрал ее, вытащил тряпицу, достал что-то упакованное в промасленную бумагу, развернул... Так Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны пополнился уникальным экспонатом – рукописной газетой «Пленная правда» от 10 июля 1942 года.

Над Льговским трактом глухая ночь. Сторожевые огни опоясали бывший артиллерийский городок. Дула пулеметов уперлись с вышек в бараки. Та-та-та! – простучала короткими вспышками очередь.

На нарах лазарета возня, вскрики, проклятия, ругань, сонный бред. У столика под стеной, взволновав свет каганца, приподнял голову человек, прислушался, вздохнул и снова опустил взгляд к тетрадному листу. Рука старательно прорисовывала крупные карандашные буквы: «ПЛЕННАЯ ПРАВДА». Рядом появились слова: «Орган советской совести и непроданной чести», «Десятидневная газета бойца». А сверху призыв: «Трудящиеся СССР, на борьбу за Родину, соединяйтесь!».

В ночном дежурном лазаретного барака вряд ли кто-нибудь узнал бы тогда известного писателя Степана Злобина, автора популярного в предвоенные годы романа и кинофильма «Салават Юлаев». И очень мало походил этот изможденный человек на того новенького корреспондента газеты Западного фронта «Красноармейская правда», который и за пулемет ложился, и поднимал бойцов-окруженцев в безнадежные уже схватки под Вязьмой. Контуженный, раненный, оглохший, чуть живой он оказался здесь, в лазарете военнопленных на окраине Минска.

Позже, из материалов Нюрнбергского процесса, мы узнаем, что в Минске и его окрестностях гитлеровцы истребили около 300 тысяч советских военнопленных и мирных жителей, не считая сожженных в кремационных печах. Убили голодом, болезнями, издевательствами, душегубками, расстреляли. Уничтожали за малейшее непослушание, потехи ради, не говоря уже о таких проступках, как непокорный взгляд, резкое слово.

Особо тяжкое преступление – бумага или карандаш в руке.

Но рука дежурного твердо выводила через, всю первую полосу-страничку: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой!». Ночные санитары Степан Ведерников, Яков Белов и другие чутко охраняли своего друга. А он быстро писал заранее обдуманый, почти наизусть выученный текст... Так 10 июля 1942 года, в лагере военнопленных № 352 под Минском родился первый номер нелегальной газеты «Пленная правда».

Передовая статья «Наша правда» напоминала: «Долг каждого – скорейшее возвращение к борьбе за Отечество. Вот в чем неугасимая правда». Заметка «На фронтах» изобличала ложь германских оперативных сводок. «Товарищи и братья военнопленные, помните, что нет ничего выше достоинства сына нашей Родины. Каждую минуту почувствуйте себя гражданином СССР и держитесь так, чтобы каждый товарищ мог вами гордиться», – таким призывом заканчивалась статья «Гражданин СССР». В разделе «Хроника» приведены факта побегов военнопленных из Нижнего лагеря, лагеря при лазарете и лазарета, из команды работавших в городе: «Редакция от души желает им успеха!». Гневно клеймила изменников статья «Распознай врага под всякой личиной». Последняя страница обозначена как «Дешевая баланда». Это – лагерный юмор и сатира: поговорки, анекдоты, объявления, стихи – «Не станешь страшиться ни пули, ни грому – за проволоку, да разом до дому». Во всех материалах ни малейших признаков разуверенности, они пронизаны одной мыслью: «Помните – победа за нами!».

Тираж газеты (конечно, если можно так говорить) – три экземпляра: один был передан в Минск, второй – в рабочий лагерь, третий – читался в лазарете. Именно это – распространение по всему лагерю и выход даже за его пределы, воздействие на всю массу

военнопленных – отличало «Пленную правду» от стенных газет, которые выпускались во многих лагерях и действовали чаще всего в пределах барака (блока).

Подпольная антифашистская печать в годы Великой Отечественной войны в той или иной форме возникала практически во всех гитлеровских тюрьмах и лагерях, где оказывался советский человек в плену или на каторге у фашистов; на оккупированной территории СССР, в Польше, Румынии, Австрии, Бельгии, Франции, Греции, Норвегии, собственно в Германии. Постановка дела требовала объединения патриотов в специальную нелегальную организацию. Костяк таких организаций составляли, как правило, профессиональные писатели и журналисты, партийные и армейские политработники, строевые командиры; школьные учителя. Цель у организаторов нелегальных форм массовой информации всегда была одна: поддержание высокого морального духа и патриотического чувства, установление интернационального единства узников, разжигание непримиримой ненависти к фашизму, мобилизация людей на борьбу с эсэсовским террористическим режимом. В зависимости от требований момента, условий и возможностей выпускались листовки, воззвания, «боевые листки», стенгазеты, общелагерные газеты и журналы, даже региональные издания. Форма, внешний вид необычны, непривычны для глаза: маленький клочок или лист бумаги, тоненькая тетрадка, газета, фашистский плакат.

Уже осенью-зимой 1941 года в Рославльском лагере военнопленных № 130 (Смоленская область) подпольщики наладили регулярное распространение листовок. Особенно всех взволновала листовка о разгроме немцев под Москвой, выпущенная тиражом более 50 экземпляров. Обеспокоенные гитлеровцы предупредили: «Кто будет читать листовки – подлежит расстрелу». Подпольщики стали разрывать бумагу на маленькие узкие полоски (словно для закрутки цыгарки), делать надписи с обеих сторон, и такие бумажки разбрасывать по всему лагерю. С бумагой было туго, и курильщик не мог пройти мимо - поднимал листок и видел надпись: «Кто работает на фашистов – воюет против Красной Армии», а на обратной стороне: «Вредительство на немецкой работе есть помощь советскому народу». На другом листке: «Чем ты помог своим родным и близким, находясь

в плену?». «Подумай, что можешь сделать против немцев – сделай!». И еще: «Пленный, беги с работы в лес, там ты будешь полезен!». Многие, прежде чем искурить листок, передавали товарищам. В случае опасности прокламация моментально превращалась в цыгарку и сгорала.

В лагере у местечка Цейтхайн (Австрия) была распространена листовка о Сталинградской победе. По виду – печатная. А сделано было просто: оборотный шрифт вырезан из картона и наклеен на другой лист картона – получилось клише. В чернила добавили немного глицерина – получилась краска. Ну а валиком послужила бутылка. Просто... Только за клочок картона, за флакончик чернил, за несколько капель глицерина, не говоря уже о листовке, подпольщиков ждала смерть на месте.

В лагере военнопленных XI «Ц» (Берген-Бельзен) существовала подпольная типография. Шрифт из свинцовой проволоки вырезали И. Б. Евсеев и М. Д. Курбатов. По воскресеньям, когда немецкая охрана почти не появлялась в бараках, в блоке, заваленном всякой рухлядью, подпольщики набирали заранее подготовленный текст листовки. Литеры скреплялись воском. Готовый набор прокатывался мастикой и с него получалось необходимое количество оттисков.

Узник лагеря Шварцкольм старший лейтенант по кличке «Седой» вырезал из алюминиевых ложек литеры латинского шрифта, которыми набирались тексты листовок, обращенных к населению Германии и немецким солдатам. «Седому» помогали составлять форму и делать оттиски И. Шмаченко и М. Хавренко. Их товарищи, которых вывозили из лагеря на работы, распространяли отпечатанные листовки: сбрасывали с поездов в городах и селениях, оставляли в шахтах и на заводах, лепили на автомашины и мотоциклы, засовывали в карманы мундиров солдат и офицеров.

Своеобразно использовалась вражеская печать. Например, издававшаяся на русском языке власовская фашистская газета «Клич». (Перешедший на сторону врага советский генерал А. Власов пытался сформировать из военнопленных красноармейцев и командиров так наз. Русскую освободительную армию (РОА) для борьбы против “большевистско-коммунистического” режима в СССР-России). Гестаповцы буквально принуждали военнопленных читать

газетку. Но вот из рук в руки передается тот же «Клич»; тот да не тот. Против каждой статьи и заметки сделаны надписи на полях химическим карандашом. Небольшая группа энтузиастов сумела, превратить «Клич» в орудие контрпропаганды. Против каждой статьи и заметки на полях один писал химическим карандашом комментарии, двое других переносили их на десять экземпляров «Клича». В каждом бараке, куда такие номера попадали, находились добровольцы, которые сами переносили комментарии на другие экземпляры. Вот лишь один пример.

Рядом с хвастливыми сообщениями о победных боях в Сталинграде, вслед за статьей о том, что в России царят болезни и голод, было написано: «Фашисты хотят нас, советских людей, обрадовать тем, что наши дети и жены болеют, что им трудно жить. До чего же наш народ сплотился, если при трудностях и болезнях, в голоде и холоде все-таки нашел в себе силы остановить фашистов у Сталинграда! Да здравствует СССР!». «Клич» с такими комментариями узники называли «Спутником агитатора». Когда вместо «Клича» фашисты стали распространять в лагерях другую продажную газетку «Зоря», подпольщики лагеря 304 «Н» (Австрия) и ее превратили в «Спутник агитатора».

Поиски форм противостояния лживой фашистской пропаганде иногда приводили к неожиданным решениям. Об одной из таких находок рассказал руководитель подполья в лагерях советских военнопленных в Слобозия-веке, Тимишоаре и Калафате (Румыния) А.Е. Рындин. Лагерная администрация щедро развешивала во всех бараках плакаты, на которых боицы Красной Армии изображались в карикатурном виде. Сначала пленные срывали эти плакаты, за что многие жестоко поплатились. Больше их не трогали. Старший политрук Я. Евдокимов и И. Сучков ухитрились на обратной стороне этих плакатов оформлять стенные газеты с призывным названием «За Родину!». Здесь помещались передовые статьи по злободневным вопросам, сообщения о положении на фронтах, шуточные рассказы, ядовитые юморески о Гитлере, Геббельсе. В случае опасности плакату возвращалась официальная сторона, служившая стенгазете надежным прикрытием.

Но, конечно, труднее всего давались настоящие (без кавычек!), то есть периодически издаваемые газеты, журналы, бюллетени. Одним

из первых опытов выпуска обще лагерной нелегальной газеты следует, по-видимому, считать «Пленную правду», с которой мы начали свой рассказ. Приобретенный в Минске опыт С. П. Злобин учел при выпуске в лагере-лазарете № 304 «Н» издания, укрывавшегося за обложкой с надписью «Домашняя аптечка». Он был душой, организатором, одним из авторов и редактором ее. Кроме него для «аптечки» писали майор М. В. Черкасов, лейтенант В. В. Дударев, капитан Н. Ф. Дементьев, И. Л. Волкинд. Для того, чтобы тиражировать «аптечку», нужна была надежно укрытая конспиративная точка. Ею стала лагерная аптека. Здесь трудилась целая группа переписчиков.

Едва лагерь достигла весть о сталинградской победе, как подпольщики прокомментировали ее в трех статьях. Переписанные печатными буквами и сложенные вместе они составили объемистую брошюру. Она пошла по всем отделениям лагеря. В ответ на предательский «Манифест» Власова появляется брошюра «Что такое власовщина»; известие о капитуляции Италии послужило поводом для брошюры «Кто следующий?». Сами за себя говорят названия: «Что такое гитлеровский фашизм?», «Пламя партизанской войны бушует в Европе», «Памятка беглеца»... Всего было сделано около тридцати выпусков «Домашней аптечки».

Через группы доставки (санитаров, привозивших заболевших узников в лазарет, и надежных товарищей, отбывавших после излечения в рабочие команды) «Аптечки» рассылались в различные лагеря, находившиеся в Винтерберге, Шварцштейне, Зюдерзее, Мюльберге, Шморкау, Хонштейне, Цвикау, Альтенберге и других местах.

Подпольщики сумели распространить свое влияние на содержащихся в лагере англичан, американцев, французов, итальянцев, чьи представители, приходя в русскую часть лагеря, получали от Злобина или его помощников различные брошюры о Советском Союзе в переводе на английский язык, сделанном агрономом по профессии П. В. Высоцким. В английской части лагеря художник-рекламист в мирной жизни Броен Пробин эти брошюры «переписывал в четырех экземплярах для англичан и давал им художественное оформление», как вспоминает Злобин. Сам он, хорошо

владевший французским языком, обеспечивал «французское направление».

Систематический выпуск газет удавалось наладить в лагерях длительного действия с относительно стабильным составом. Это становилось делом крепких организаций, таких, например, как Русский военно-политический центр в концлагере Бухенвальд. Решение об издании газеты, принятое весной 1943 года, опиралось на уже накопленный опыт, выпуска «боевых листков». Постановка газеты была поручена Михаилу Левшенкову, школьному учителю по профессии. Он подобрал нужных товарищей. В редакции было три отдела: «Лагерные новости» - ответственный Евгений Яльцев (он же секретарь редакции), «Положение на фронтах» - инженер Сергей Богданов, «Вести с Родины» - Юрий Сапунов. Активными корреспондентами и консультантами были подпольщики С. Д. Котов, Н. Ф. Кюнг, К. А. Руденко.

«Правда пленных» - так называлась эта газета. Она выходила раз в месяц на 4-6 сшитых вместе листках школьной тетради, в двух экземплярах. Первая страничка каждого номера открывалась напоминанием: «Находясь в плену – помни о Родине!». Газету писали Е. Яльцев и Ю. Сапунов ночью в блоке № 7, в помещении, где хранилась одежда больных. Затем надежные товарищи передавали газету из рук в руки. Чтение осуществлялось так: тетрадка сворачивалась по продольной оси; получая газету, читатель засовывал ее в рукав и в безопасном месте, постепенно выдвигая из рукава,

На заседании редколлегии газеты "Правда пленных" обсуждается содержание очередного номера. Рисунок Р. Ефименко

прочитывал страницу. Вынималась газета лишь для того, чтобы перелистнуть страницу. В случае опасности газета моментально засовывалась в рукав.

Как вспоминает М. Левшенков, газета продвигалась и возвращалась по цепочке: редактор-

комиссар бригады-комиссар батальона-политрук роты-командир взвода - командир отделения – рядовой боец (такую структуру имела военно-политическая организация советских военнопленных). Кроме того, в каждой роте было три пропагандиста. Только политических работников насчитывалось до 140–150 человек, примерно столько же командного состава да еще актив рядовых. Таким образом, каждый номер «Правды пленных» прочитывало до 400 человек. Если учесть, что каждый, кто прочитал газету, делился новостями с верными товарищами, не трудно представить, на сколь широкую аудиторию имела влияние, идейно-политическое и воспитательное, эта газета. Путь газеты от редактора и обратно занимал в среднем около месяца. После возвращения один экземпляр сжигался, а второй подшивался и хранился между камнями стены обувного склада.

Всего за два года удалось выпустить 26 номеров «Правды пленных». Как справедливо отметил один из активистов Русского военно-политического центра Н.Ф. Кюнг, «подпольная газета была надежной опорой нашей подпольной организации. С помощью этой газеты советские военнопленные спланировали свои ряды для совместной борьбы антифашистов». После самоосвобождения узников Бухенвальда 11 апреля 1945 года газета печаталась легально под названием «Клич свободы». Она подвела итоги героической борьбы и обобщила материалы по истории подполья Бухенвальда. Одним из активных сотрудников «Клича свободы» был Роман Ефименко – впоследствии известный донецкий художник-график (детальнее о нем в очерке «Бухенвальдский урок»).

В Бухенвальде же издавался рукописный журнал «За колючей проволокой», в котором помещались лучшие антифашистские художественные произведения лагерных авторов Ф. Крутика, Е. Соловьева, М. Липы и других. Журнал распространялся в нескольких экземплярах.

Весной 1943 года в лагере VII «А» на окраине Моосбурга стал выпускаться журнал «Борьба продолжается». Сначала он был формата ученической тетради как «Аптечки», но потом подпольщики решили, что это неудобно – быстро не засунешь в карман. Стали делать его поменьше, но потолще. Возглавил это дело В. М. Шахов – учитель по профессии. Содержание первого номера было разнообразным: от последних сводок с Восточного фронта до

рецензий и пародий на материалы антисоветских газет «Клич» и «Новое время». Были помещены сообщения о сопротивлении военнопленных в соседних лагерях, анекдоты про Гитлера и его приспешников. Один из следующих выпусков был тематическим – посвящен антивласовской пропаганде, раскрывал истинную суть и цели изменников. Далее процесс был тот же: переписывание в нескольких экземплярах, рассылка в команды и филиалы лагеря.

Советские люди – участники антифашистского Сопротивления – использовали любую возможность для создания подпольной печати. В концлагере Освенцим было выпущено несколько номеров рукописной газеты «Эхо Освенцима», которая распространялась не только в лагере, но и с помощью польских антифашистов передавалась населению Кракова. В ее создании активное участие принимали советские военнопленные. Политические заключенные тюрьмы в Эйсе организовали выпуск газеты «Патриот в кандалах». В концлагере для женщин Равенсбрюк советские патриотки также издавали газету, редактором которой была А. Сокова.

Откуда брался, как добывался материал для этих изданий? Использовались все возможные каналы. Часто факт давала сама обстановка эсэсовского террора, личный пример достоинства и героизма узника. Критически анализировались сводки германского командования. Но главную силу представляли правдивые вести из-за колючей проволоки. Их получали опросом вновь прибывших, их черпали из сохранившихся у них относительно свежих газет, из сбрасываемых с самолетов советских и английских листовок. И, как ни невероятным это покажется, но в большинстве лагерей, вплоть до концентрационных, подпольщикам удавалось из добытых с огромным трудом и риском деталей собрать простейшие радиоприемники и наладить слушание и запись сообщений Московского радио и радиостанций нейтральных стран. Или же тайно использовать для этого радиоприемники лагерной администрации. Бывали и такие дерзкие удачи, когда в лагере Хеймдал в Норвегии советским военнопленным удалось похитить радиоприемник у самого коменданта.

Действовавшая в районе Нюрнберга, Швайнфурта, Ашафенбурга подпольная антифашистская организация советских людей «ЦКБ» (Центральный комитет борьбы) выпускала сборники: песен

(актуализированные варианты народных и советских песен) «Стоны рабов» и стихотворений публицистической направленности «От смерти к жизни». Многие остарбайтеры привезут потом домой из неволи эти сборнички-песенники.

Всюду подпольщики стремились объединить свои усилия. В виде брошюр на русском и в переводе на другие языки распространялись для национальных секций подпольной организации Бухенвальда написанные руководителем политотдела Русского военно-политического центра С. В. Котовым и другими беседы о дружбе народов СССР, о Красной Армии, о различии между героизмом и фанатизмом и т.п. В свою очередь немецкие товарищи, в частности руководитель Бухенвальдского подполья Вальтер Бартель, регулярно информировали советских подпольщиков. Записанные кратко, эти сообщения распространялись в виде брошюр. В центральном лагере Фаллингсбостеля текст русского издания переправляли во французскую часть лагеря, где печатали на стеклографе, или же в югославскую часть, где размножали в бараке для тифозных на пишущей машинке.

Высшее достижение подпольной печати - издание нелегальных газет и журналов полиграфическим способом. Но это становилось возможным лишь тогда, когда узникам лагерей удавалось установить связь с антифашистами на воле. В октябре 1943 года благодаря помощи и при участии ЦК французской компартии и руководителей французского движения Сопротивления стала выходить на русском языке и по-французски газета «Советский патриот» - орган центрального комитета советских военнопленных во Франции. Она распространялась во всех 20 лагерях.

Около двадцати тысяч советских военнопленных фашисты согнали для работы на шахтах северной провинции Бельгии – Лимбург. И здесь совместно с бельгийскими патриотами советским людям удалось наладить выпуск газеты, которая тайно печаталась в Льеже. Заголовок воспроизводил московские «Известия». На четырех небольших страницах публиковались сообщения с фронтов, материалы о жизни и борьбе советского народа, письма советских военнопленных. Газета призывала на репрессии врага ответить усилением борьбы, диверсиями на шахтах, массовыми побегами из плена.

В Бельгии же совместными усилиями под эгидой «Общества бельгийско-советской дружбы» регулярно подпольно издавался тиражом 25 тысяч экземпляров бюллетень-газета «Радио Москвы» на русском языке. Здесь печатались сводки Совинформбюро о боях на советско-германском фронте, другие материалы. За период фашистской оккупации вышло 198 номеров.

«Баунен» (Сигнал) - такое название имела антифашистская газета, которая нелегально издавалась в Норвегии и распространялась среди населения и в лагерях военнопленных. Незаменимую помощь подпольщикам оказывал А. Веташев, бежавший из плена. В укрытой в горах типографии он слушал радио Москвы и переводил на норвежский язык сводки Совинформбюро и другие материалы.

Для советских людей, оказавшихся в Германии, предназначала свои издания на русском языке (журнал и брошюру) одна из антифашистских групп Сопротивления немецкого рабочего класса «Внутренний ронт». Советские патриоты написали немецким товарищам письмо, в котором писали, что материалы этой группы вселяют в них надежду на скорый крах нацистского режима, крепят уверенность в победе Советского Союза, придают им еще больше мужества для антифашистской борьбы в самой Германии.

Такое единение антифашистов, их интернациональное сплочение помогало расширять возможности печатной пропаганды, повышать ее действенность в борьбе против фашизма. В том, что подпольная организация советских военнопленных, действовавшая в лагерях города Калафат (Румыния), подготовила и в августе 1944 года провела успешное вооруженное восстание, немалая заслуга журналистов издававшегося здесь под руководством капитана И. Д. Денисова журнала «За колючей проволокой». В редколлегию, утвержденную подпольным комитетом, входили также капитан Е. М. Шикин, грузинский художник и архитектор майор И. И. Лежава. Журнал также имел своих агентов, корреспондентов и распространителей (политруки М. Глазков и П. Собецкий, старший лейтенант Д. Дейнега и лейтенант П. Соин).

Однако трудно представить себе, какой удивительной изобретательности, сообразительности, отваги и героизма требовал от узников выпуск различных подпольных изданий в жестоких

условиях гитлеровской неволи. Все они – авторы нелегальных изданий, переписчики, изготовители, курьеры-доставщики и распространители прекрасно сознавали, что в случае провала их неминуемо ждут самые тяжкие испытания, муки и смерть.

А какой мерой измерить высоту подвига журналистов Абдуллы Алишева (детский татарский писатель А. Алиш) и Рахима Саттара! По заданию подпольной организаций, возглавляемой старшим политруком М. Залиловым (журналист и поэт Муса Джалиль, в подполье – Гумеров), они пошли работать в редакцию фашистской газеты «Идель-Урал», издававшейся на татарском языке. Эта предательская газета предназначалась для распространения в подразделениях создаваемого наемниками гитлеровского идеолога нацизма Розенберга – белоэмигрантами и изменниками – Идель-Уральского легиона, личный состав которого составляли советские военнопленные татарской и башкирской национальностей. Подпольщики срывали публикацию острых антисоветских материалов, стремились сделать газету беззубой, безграмотной, аполитичной, вели умелую агитацию против третьего рейха, участвовали в составлении и распространении антифашистских листовок. Московский журналист Ахмет Симаев, автор и переводчик подпольных изданий, такую же подрывную работу проводил в радиостанции легиона «Идель-Урал». И вот результаты деятельности подпольщиков: первый батальон легиона, находясь на марше к фронту, восстал и, перебив националистов и фашистских прислужников, перешел

Абдулла Алишев

к партизанам; потом восстал четвертый батальон, насчитывавший несколько тысяч советских военнопленных; совершили побег из лагеря несколько больших групп узников. На август 1943 года Муса Джалиль и его товарищи запланировали и готовили восстание в Радомском лагере, массовый побег легионеров к польским партизанам... Донос провокатора прервал эту героическую работу. (Более подробно об антифашистских восстаниях советских военнопленных в 1941–1945 гг. рассказано в очерках «Гроздь гнева» и «Главный артиллерист Маутхаузена»).

Выше страха и смерти

В сохранившемся дневнике Абдуллы Алишева есть исполненные огромной силы стихи-клятва:

Мы и в неволе – все равно в бою.
Что б ни случилось, –
 смерть мы встретим смело.
И жизнь отдав за Родину свою,
Погибнем за ее святое дело.

25 августа 1944 года в тюрьме Плётцензее с интервалом в три минуты были гильотинированы руководители подпольной организации в легионе «Идель-Урал» негнбаемые патриоты-журналисты М.Залилов, А.Алишев, А.Симаев, Х.Музай.

Погибли в застенках гестапо, сохранив верность журналистскому долгу, ответственный секретарь павлоградской районной газеты «Соціалістичний наступ» Днепропетровской области Николай Шуть, фронтовой корреспондент газеты «Красная звезда», начальник штаба подпольной комсомольско-молодежной организации в Полтаве Сергей Сапиго, белорусский газетчик Иван Денисенко.

Накануне казни, в гестаповской тюрьме оккупированной Винницы, выпустил свой последний номер газеты довоенный литературный работник многотиражки Старокраматорского завода подпольщик Иван Будаев. Из лагеря военнопленных его вызволила, назвав своим сыном, одна добрая старая женщина. Оказавшись на воле, Будаев связался с винницкими подпольщиками. Под видом дезинфектора он ездил в Жмеринку, Гайсин, Немиров, доставляя в бочке с раствором взрывчатку, листовки, написанные им самим и отпечатанные на самодельном гектографе. Попав в лапы гестаповцев, держался стойко.

Кому-то из заключенных винницкой тюрьмы принесли передачу, завернутую в лист серой бумаги. Будаев решил выпустить газету. Нашелся огрызок карандаша...

В Киевском историческом музее я держал в руках этот лист тюремной газеты, исписанный мелким-мелким почерком. Читаю передовицу:

«Кто победит: мы – смерть, или она – нас?.. Обидно умирать в гестаповском застенке, не дождаввшись нашей победы. А она будет! Мы безоружны и беззащитны, но и с нами они не могут справиться . Как же они одолеют наш народ, миллионы таких, как мы?

Выше голову, товарищи! Помните: мы сильнее этих зверей!».

Поражает сила духа двадцатидвухлетнего, измученного пытками, обреченного на гибель Ивана Будаева.

Рядом с передовицей карикатуры на тюремщиков, поздравление с днем рождения сокамерницы, стихи Ивана:

Кто прожил, не боровшись, покорно,
В своей жизни тот счастья не знал.

Эта тюремная газета обошла многие камеры, подвигая заключенных на стойкость, вселяя веру. Ее вынесли на волю.

С такою верой, не дрогнув, выполнив свой долг до конца, уходили из жизни сотни, тысячи безвестных героев. Оставшиеся продолжали их дело. Всеми доступными им средствами, в условиях жесточайшего террора гитлеровских тюрем и лагерей, они боролись против нацистской идеологии и лживой геббельсовской пропаганды, за человека, его жизнь и человеческое, патриотическое достоинство, возвышая его от рабского состояния до нестигаемого Борца. И сами тому были примером.

1975-2005 Москва-Минск-

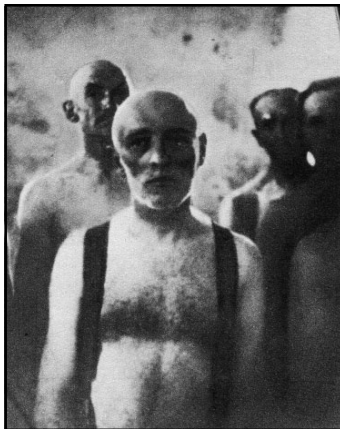
Киев-Одесса-Донецк

Встреча соратников по антифашистской борьбе в лагере 304-Н. Слева направо: врач А. Лисенков, члены бюро подпольной организации лагеря Н. Титов, С. Злобин, Н. Дементьев, врач Г. Востоков. Москва. 1959 г.

ОТВЕТ ПОДПОЛКОВНИКУ,

*приславишему в редакцию
гневное письмо
по поводу опубликования
в газете заметки
о честной совести,
смелом сердце и
высоком мужестве
бывшего советского
военнопленного*

В редакцию вчера письмо пришло –
Обида клокотала в тоне резком...
Редактор почитал, нахмурилось чело:
– Я солидарен с ним, с его протестом.
Ну как нам только было не понять:
Герои... Разве те бесстрашные герои,
Что не смогли в бореньи устоять
И жили годы, на коленях стоя?..

Обида! Страшная и злая вещь...
Да только разные они у нас, обиды!
В семью однажды принесли такую весть,
Что рот застыл, как намертво открытый.
Он – без вести пропал. И – нет его. Погиб!?
И тут же затеплился луч надежды...
И мать, лаская каждый перегиб
В остатках непроменянной одежды,
Его одежду в тощем сундуке
На самом дне святыней положила...

И долго карандаш шуршал в ее руке –
Концы с концами долго мать сводила.
А утром нам сказала: – Как-нибудь
Переживем... Теперь уже недолго...
Нам только б до победы дотянуть,
Его б с войны домой дождаться только!..

Домой, с войны!.. Тогда же шла война,
Змеей вилась от севера до юга,
И уносила каждый день она
Отца и сына, брата или друга.
Редактор это может не понять –
Он воевал с солдатками в Сибири.
А вам-то, вам-то что негодовать?
Вы слышали стрельбу не только в тире,
Войну в бою вам довелось постичь,
Вы знаете, как в рукопашной бьются,
И вам знаком, как видно, гордый клич:
«Большевики живыми не сдаются!»...
Да! Пуля в лоб, герой упал
И – извещение о красивой смерти...
Но я б супруге вашей не желал
С такой бумажкой век дожить, поверьте.
Бывал предельно бел накал в борьбе,
Но стойкий, – как железо не сгибался.
А тот, кто пулю в лоб послал себе,
Тот дрогнул и, борьбы пугаясь, сдался!?
И вдруг героем стал... А тот, живой,
Израженный, избитый, изможденный,
Уж тем, что жив, не прекращает бой
И борется, в плену непокоренный.
«Предатель!» - так его в своем письме
Не вы ли прокляли, запаса подполковник?
И вам в ответ хотелось крикнуть мне:
– Освенцима я тоже не поклонник,
Но смерть жрала там сотни жизней в день,
Рвала их даже не на полдороге...

И много городов, и много деревень
Сынов своих не досчитались многих.
Но там, где билась эта коловертъ,
Такого духа поднимались люди,
Что перед ними отступала смерть...
Героями народ их помнить будет.
«Предатель...». Тот, кто с Власовым бил нас,
С Бандерой зверствовал, был холуем фашисту,
И тот прощен, отбив... А вы сейчас
Гляди-куда в письме своем речисты.
Да, плен бойцу не честь, а злой укор,
Своих презреньем удесятеренный.
И далеко еще не мертв позор
Писания в анкете: «Был пленённый».
Он вынес все, испил все до конца.
И Колыма – земелька не чужая...

А мать моя и ныне ждет отца,
Сундук по воскресеньям открывая.
Он не пришел с войны. И не придет.
Но где б не умер он – я твердо знаю:
Мольбой к врагу не осквернил он рот,
Разбитой грудью пулю принимая.
Он, комиссар, боролся не щадя
Себя, к себе в нем не слезилась жалость...
На каторгу и в тюрьмы уходя,
Большевики когда-то не стрелялись.
Он мог стоять – стоял, ползти – он полз,
Упал израненный – он стойкости примером
Принес одну из самых главных польз –
Учил других Отечеству быть верным.
Один погиб, другой остался жить.
Мы павших чтим, но в жизнь – живым дорога,
Не надо страшной раны беречь,
Нельзя рукой холодной сердце трогать!
У всех у нас – один сегодня путь,
И честный – с нами! Но не всем поныне

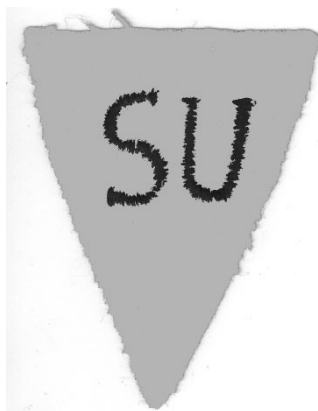
Героям золото легло на грудь –
У многих и медали нет в помине.
Но Родина – не вы, ей не идти в запас.
Не зная скупости в своих щедротах,
Она герою каждому воздаст
Как сыну, сыну лучшему народа.
А вместе с ней – ему поклон и мой,
Моя любовь и гордость. А не жалость...

В редакцию вчера пришло письмо.
Как хорошо! – оно одним осталось.

1959 Херсон

На снимке: Лагерь уничтожения
Хелмно (Польша). Группа узников
непосредственно перед
помещением в газовую камеру -
"самоходы".

С ВИНКЕЛЕМ

Винкель – треугольный лоскут ткани – использовался нацистами для различия узников концлагерей по степени их опасности для рейха и национальной принадлежности. Его, вместе с лагерным номером, заключенные носили на левой стороне груди: политические и военнослужащие – красный винкель, эмигранты – голубой, гомосексуалисты – розовый, совершившие уголовное преступление – черный. Буквы на красном винкеле означали: «P» – поляк, «T» – чех, «R» – русский (советский). Советских военнопленных, как особо опасных, фашисты помечали красным винкелем с буквами «SU».

Евгения Клем, ее вингель и лагерный номер на фоне панорамы мемориального комплекса и памятника жертвам Равенсбрюка

Занятие подпольной школы политического просвещения в блоке советских военнопленных. 1944 г.

Радостный миг освобождения узниц Равенсбрюка войнами Советский Армии. 30 апреля 1945 г.

СКВОЗЬ АД РАВЕНСБРЮКА

В конце августа 1967 года в Одессу туристическим маршрутом прибыла объединенная группа немецких антифашистов из ФРГ и ГДР. Бывших концлагерников встречали их советские соратники. Были радостные вскрики узнавания, объятия, приветствие пионеров, звучал оркестр. Гиды Интуриста пригласили прибывших в автобусы:

- Едем в гостиницу Красная.

Возникло замешательство: немцы о чем-то взволнованно совещались, а потом твердо заявили:

- Нет. Сначала мы поедem к Евгении Клем. Прямо сейчас.

И два автобуса направились на Второе городское кладбище...

В отдаленном, не для знатных, секторе встречающие и гости остановились у скромной тумбочки с надписью:

*Клем
Евгения Лазаревна
род. 1894, умерла 3 IX 1953 г.*

Памятник этот поставила группа преподавателей Одесского педагогического института и ветеранов войны. Ежегодно, 30 апреля – в день освобождения узников фашистского концлагеря Равенсбрюк, сюда приходят пожилые женщины. Они возлагают на гробничку цветы и долго стоят в молчании, словно бы мысленно отчитываясь перед той, что лежит здесь, за прожитый год, за свершенные дела. Если на их щеках блеснут слезы, не удивляйтесь: они вспоминают прошлое. Но это – минута слабости. Имя, высеченное на доске, вооружает их мужеством, силой и упорством...

Немцы и одесситки возложили на могильный холмик цветы. Помолчали. Потом заговорила Эрика Бухман:

- Есть люди, которые всегда остаются с нами. К ним относится

Евгения Клем. В фашистском концентрационном лагере всем было тяжело, а особенно тяжело было советским людям. Но среди них, среди нас, была Клем. Ей мы за многое благодарны. Она была душой и разумом не только советского сопротивления, но и всего антифашистского сопротивления в лагере. Мы, интернационалистки разных национальностей, часто шли к ней за советом, она давала ответы на все возникавшие вопросы, направляла нашу борьбу. Евгения Клем была настоящим борцом, человеком с большим и сильным сердцем. Сегодня, у могилы Евгении, я хочу сказать всем советским товарищам: мы, немецкие коммунисты и антифашисты, с еще большей настойчивостью будем продолжать борьбу против возрождения фашизма и германского милитаризма. Эта борьба должна быть памятником и подарком нашей незабвенной Евгении Клем...

Это имя материально не запечатлено больше нигде. Но его знают многие из тех, кто 73 дня защищал Одессу, кто 250 дней стоял насмерть у стен Севастополя и, не имея возможности пробиться на Большую землю, попал в плен к фашистам.

В ночь с 1 на 2 июля 1942 года на переходе из Стрелецкой бухты к Херсонесскому маяку немцы захватили санитарную часть 191-го стрелкового полка Приморской Армии. Начальник медсанчасти военврач II ранга Татьяна Ивановна Чаяло схватилась за пистолет, намереваясь застрелиться.

- Товарищ военврач! – строго сказала старший военфельдшер Клем, выбрасывая пистолет. – Не спешите! У нас еще много дела.

Они остались около тяжелораненных бойцов и командиров. С того дня Евгения Лазаревна Клем, проявившая в самую тяжкую для воина минуту пленения хладнокровие и самообладание, стала примером для женщин-военнопленных.

... Потом их гнали на север, в сторону Симферополя. Белесая, полыхала в небе июльская жара. Впереди и с боков эсэсовцы с автоматами. Позади время от времени гремели выстрелы. Небо вздрагивало в бессильном гневе.

Военнопленная... Она могла заблаговременно эвакуироваться из Одессы в тыл, друзья уговаривали ее, настаивая, указывая на возраст «ведь 47 – не юность», на положение. А она тайком от них пошла в Воднотранспортный райвоенкомат.

- Я медсестра. Даже раньше, чем историк. И я должна сейчас быть на фронте, понимаете – обязана.

... Изводила жажда, так мучили ее с гражданской войны больные ноги, что хотелось только одного – лечь и не двигаться. Но ведь идущим рядом было не легче. Многие ранены, все страшно избиты. Кое-кто пал духом. И Клем забывала о своих страданиях. Видя, как тяжело некоторые пленницы переживают неволю, она находила самые нужные слова:

- Не плачьте, не надо! Так и умереть можно от слез. Никому из нас нельзя раскисать. Вытрите слезы, и пусть враг никогда больше не увидит их.

Борьба в плену начиналась с проявлений высоких человеческих качеств: силы воли и личного мужества, заботы о товарищах по плену.

Долго держали их в Симферопольской тюрьме. Немцы собрали здесь несколько сот советских женщин, военнослужащих разных частей Красной Армии и флота, в отдельную группу. Фашистский «орднунг» начал действовать: больным и раненым по нескольку дней не давали ни воды, ни хлеба, не оказывалось никакой медицинской помощи. Всех жестоко избивали, изводили допросами. Немудрено было и растеряться. И многие женщины и девушки запомнили Клем с тех дней на всю жизнь: от нее всегда веяло бодрой верой, она всячески старалась уберечь людей от отчаяния и безнадежности.

Жестоким испытанием для женщин-военнопленных стал так называемый «Гросс-лазарет Славута, цай лагерь 301» организованный оккупантами осенью 1941 года на территории бывшего военного городка в г. Славута, близ Шепетовки. "Администрация, немецкие врачи и охрана «Гросс-лазарета»... проводили массовое истребление советских военнопленных путем создания специального режима голода, скученности и антисанитарии, применения пыток и прямых убийств, лишения больных и раненых лечения и принуждения крайне истощенных людей к каторжному труду". Это – вывод Нюрнбергского трибунала. Колоссальная смертность доходила до 300 человек в день. И в этих диких условиях Клем не потеряла самообладания. Она продолжала вести свои беседы, читала случайно попавшие к военнопленным газеты, ободряла подруг по несчастью.

После расовой и идеологической фильтрации в Ровно пленных загнали в вагоны и повезли в Германию. Надо всеми висел, как меч вопрос: что будет?! Перед Евгенией Лазаревой стоял другой вопрос: как быть в том, что будет? За эту дорогу в неизвестное очень многие пришли к мысли, которая потом выразится так!: «Нас соединила горькая судьба плена, наше единство спасло нас». Клем поняла это раньше других. Исподволь, тщательно выбирая, она сгруппировала вокруг себя женщин и девушек физически крепких, отчаянно смелых. Цель одна – с их помощью сплотить всех в коллектив, способный к организованному сопротивлению, к борьбе. К моменту прибытия узниц в Зоест, где располагался пересыльный пункт по вербовке рабочей силы, с помощью подпольной организации, насчитывавшей уже более 50 человек, Клем удалось эту работу закончить. Здесь женщины-военнопленные одержали первую победу над своими извергами. К прибывшим явились агитаторы из белоэмигрантов. Страдая и соблазняя посулами, они предлагали подписать заявление, что прибывшие являются гражданскими лицами и добровольно соглашаются работать на военных заводах. Но работать на таких заводах значило работать на врага. И все 536 узниц, подтвердив свою принадлежность к Красной Армии, категорически, как одна, отказались работать на заводах. Однако победа стоила дорого – отправка в концентрационный лагерь для женщин Равенсбрюк.

На бумагах заключаемых в концлагерь гестапо ставило две буквы «R.U.» (Rückkehr unerwünscht – возвращение нежелательно), означавшие смертный приговор. И при том узников ожидало нечто более страшное, чем расстрел.

Созданный в 1939 году концлагерь Равенсбрюк был местом, где нацисты занимались организованным истреблением людей. К каким только издевательствам и пыткам не прибегали гитлеровские палачи. чтобы сделать из человека раба, заставить его быть покорным, морально растрепать, лишиться человеческого достоинства и уничтожить. Людей морили голодом и жаждой, заставляли во время апелляций (построений на поверку) истощенных и больных узниц долгими часами стоять раздетыми на холодном ветру, под проливным дождем и палящим солнцем. Непосильной, изнуряющей работой доводили женщин до изнеможения, а когда заключенные падали, их били,

спускали на них собак, которые рвали одежду и тело. На живых людях, как на кроликах, ставили эксперименты: вводили под кожу яд эволин и гноеродные бактерии, заражали инфекционными болезнями, отрабатывали методику безоперационного обеспложивания женщин. Душили газом, расстреливали и вешали, жгли в крематории.

27 февраля 1943 года в Равенсбрюк прибыла группа советских военнопленных. Увиденное в концлагере повергло было прибывших в безнадежность. Из такого состояния их вывела Клем. Она предложила всем желающим изучать немецкий язык:

- Чтобы успешнее бороться с врагом, надо знать его язык.

Эти занятия встряхнули женщин. Затем последовали беседы на исторические темы – об освободительной борьбе прошлого, о героических подвигах и героях. И, наконец, каждую субботу Клем стала проводить политические информации. В такие вечера у входа в барак выставлялись караулы. Люди садились за столы ужинать и жадно ловили каждое слово Евгении Лазаревны – они ведь не имели ни газет, ни радио, были отделены от всего мира. А она рассказывала о положении на фронтах, на неведомо где добытой географической карте отмечала победное шествие Красной Армии. Откуда Клем получала сведения, знали очень немногие. Немецкие и советские женщины, работавшие в лазарете, доставляли ей похищенные там фашистские газеты, пересказывали случайно услышанные радиопередачи. Из пропагандистской шелухи она умело выбирала зерна правды, давала фактам правильное толкование, переводила наиболее важные сведения на русский, французский, украинский, сербско-хорватский языки и передавала все это для распространения в других группах.

Узницы называли ее учительницей.

Учительница... В 1924 году высокая, стройная, пришла она в Одесский институт народного образования. И все годы учебы Евгения Клем, строгая, с четким отношением к себе и к другим, являлась политическим вожаком студентов. Она была во многих отношениях выше других наголову – это общепризнанно считалось естественным. Такой она оставалась всегда: и в годы работы в сельских школах, и во время учительствования по самообмобилизации на Дальнем Востоке, и в школах Одессы, и в педагогическом институте...

Когда Евгения Лазаревна убедилась, что задуманное ею осуществляется успешно, она решается на большее. В фашистском концентрационном лагере начинает действовать школа политического просвещения. Естественно – подпольная. Неделя за неделей в короткие минуты, свободные от изнуряющей работы и аппеллей, шли эти занятия. В блок № 32 «Rote Armee» стали приходиться иностранные коммунистки и антифашистки: чешки, немки, югославки, польки, француженки, австрийки. Школа приобрела интернациональный характер. Как свидетельствует асессор права из Дрездена доктор Рита Шпренгель, она вместе с Клем вела на русском языке кружок для советских и югославских женщин по теме «Политическая экономия капитализма с включением представлений об экономических основах фашизма в Германии». «Кроме того, мне было известно, – сообщает Р. Шпренгель в письме автору, – что Клем организовала кружок по изучению истории ВКП(б), проводила инструктаж пропагандистов, которые распространяли полученные знания среди узниц».

Чтобы понять, какой отвагой должен был обладать человек, решившийся на такое, процитируем правила обращения с советскими военнопленными: «Прежде всего, должны быть обнаружены... лица, в отношении которых будет доказано, что они являются агитаторами или фанатичными коммунистами. Заключенные должны быть вывезены для применения к ним «специального обращения».

Клем отлично сознавала, каков риск, и все же шла на него. Самых слабых и наименее устойчивых старалась держать около себя – слишком ужасные условия окружали их, и не каждому под силу было выстоять.

20 декабря 1943 года советские военнопленные отметили сорокадевятелетие Евгении Лазаревны. Пришли и иностранки. Был торт из сэкономленных многими узницами кусочков эрзацхлеба и свекольного мармелада, были горячие поздравления и добрые пожелания. В этот вечер узница Александра Сокова прочитала свое стихотворение «Русская женщина», посвященное Евгении Лазаревне. Были в стихотворении и такие строки:

Закрывает концлагерь свастикой орла,
Но нам тепло у твоего крыла.
Ты сторожишь неверный каждый шаг,
Чтоб не посмел глумиться враг.
И здесь, среди мрачных, черных туч
Твой голос был, как солнца луч...

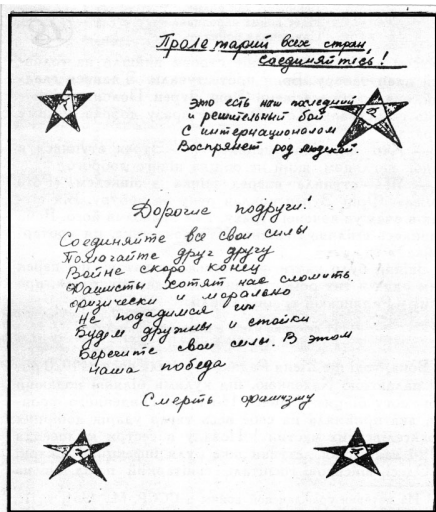
Как солнца луч... Тихая, серьезная, скромная, неприметная, эта женщина прошла все испытания, была инициатором той самодисциплины, без которой жизнь в лагере была бы еще ужасней. Вокруг нее образовался как бы культурный и политический центр. Это был своеобразный подпольный университет, душой которого была Клем. Ее широкие познания во всех областях пошли на пользу многим заключенным, которые пытались занять свой ум нужными вещами и вопреки планам эсесовцев ухитрялись даже в лагере учиться и расширять свои знания. Только среди военнопленных действовало около 80 групп по изучению иностранных языков и политическому самообразованию. Евгения Лазаревна постоянно заботилась, чтобы узницы не потеряли интереса к жизни, верили в будущее, чтобы каждая узница становилась активным бойцом антифашистского фронта. Средства использовала самые разнообразные. Она могла, конечно теоретически, научить, как приготовить любое блюдо, сервировать стол, встретить гостей и занять их беседой, как одеться модно, некрикливо, красиво. По ее заданию советские девушки организовывали концерты художественной самодеятельности в своем и других блоках. Измученные, исхудалые узницы вполголоса читали патриотические стихи, гордо пели «Священную войну», «В бой за Родину!». Совместно с узницами других национальностей отмечали торжественные даты. Это расширяло интернациональные связи, крепило дух солидарности.

Пример советских военнопленных вдохновлял на борьбу узниц русского и украинского блоков, где содержались советские девушки и женщины, вывезенные с оккупированной немцами территории. Среди них были ныне живущие в Донецке А. Н. Легеза, Е. И. Бойко, В. А. Сехина, Л. М. Болнокина, А. Е. Фидоева, В. М. Гукалова, А. Н. Менель, М. В. Ценина, Л. М. Шевелева, Т. В. Витохина, Т. А. Левандовская, Г. Г. Голубенкова.

Руководящее ядро созданной Клем подпольной организации сопротивления составили военнопленные одесситки Леля Бойко и Елена Мокряк, Лидия Безногова из Евпатории, ростовчанка Людмила Малыгина, москвички Вера Бобкова и Мария Петрушина, киевлянка Галина Матузова, Александра Сокова из Казани, Клавдия Денисова из Махачкалы и другие. Советские женщины-военнопленные, прошедшие суровую фронтовую школу, тюрьмы и лагеря, познавшие методы нацистских карателей и великую силу единения, сцементировали существовавшие национальные группы сопротивления в единую организацию – Интернациональное коммунистическое кольцо. Во главе кольца стояла руководитель самой авторитетной, советской группы Евгения Лазаревна Клем. «Евгения Клем была искренним и симпатичным товарищем. Благородное дело нашей подпольной работы было главным образом ее заслугой» – это из письма автору члена ЦК Компартии Люксембурга, секретаря Союза женщин Люксембурга Ивонны Узельдингер.

Ближайшими соратницами Е. Л. Клем были руководители национальных групп коммунистки: Германии – Эрика Бухман, Энне Кассинг, Роза Тельман; Франции – Мари-Клод Вайян-Кутюрье, Марта Дерюмо; Чехословакии – Мария Запотоцкая, Йожка Ябуркова, Густа Фучикова, Зденка Неедлова; Австрии – Мела Эрнст и другие.

С помощью этих товарищей и своих боевых соратниц Е.Л.Клем добилась массового, всеобщего участия советских женщин, женщин всех национальностей в повседневной борьбе за сохранение жизни узниц как в лагере, так и в рабочих командах, руководила саботажем и вредительством в мастерских и на предприятиях, где заключенных заставляли работать, организовывала политическую работу.

Листовка, выпущенная подпольной организацией Равенсбрюка к 1 мая 1944 г.

В лагере постоянно выпускались листовки, поднимавшие дух узниц, укреплявшие волю к сопротивлению. Существовала даже устная газета, редактором которой была А. Сокова. Особое значение Клем придавала интернациональным встречам доверенных узниц. Такие встречи проводились регулярно, на них сообща решались наиболее важные вопросы, обсуждались задачи Интернационального кольца. «Все и всё – на борьбу против СС! Всё и все – на защиту товарищей!» – под таким лозунгом вели свою упорную, мужественную борьбу женщины Равенсбрюка. Своей важнейшей задачей подпольщицы считали сопротивление эсесовским планам уничтожения людей. Одним из самых жарких участков борьбы стал ревир (лагерный лазарет). Попавшие сюда в качестве медработников советские врачи и медсестры вели поистине героическую работу. Под неусыпным надзором эсесовцев они умудрялись очень много делать для своих подруг: избавляли их от «розовых карточек» – направлений на уничтожение, заменяли в списках на отправку номера живых номерами умерших, добывали еду для ослабевших и медикаменты для больных.

Советские военнопленные явили образец бесстрашия в борьбе за сохранение жизни подруг. Однажды эсесовцы отобрали 800 женщин для отправки в Майданек – «хугельтранспорт», транспорт на тот свет. В их число попали 12 советских военнопленных. Посоветовавшись, Евгения Лазаревна Клем написала по-немецки протест против «черного транспорта» и с двумя подругами передала его в комендатуру.

- Пусть эсманы почувствуют твердость нашей воли, силу советского коллектива, – сказала она, когда комендант не ответил на протест. В день отправки транспорта эсесовцы силой взяли в блоке внесенных в списки советских военнопленных. Двенадцатую, узницу № 17426, не нашли – несмотря на угрозу расстрела, ее укрыли подруги. Было объявлено, что ее повесят. И тогда весь блок во главе с Евгенией Лазаревной Клем выступил в защиту своих подруг. Повязав чистые косынки, с песней

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная –
Священная война! –

пятьсот советских узниц военным строем вышли на главный плац лагеря. Они протестовали против «черного транспорта». Появился комендант – толстый, грузный эсэсовец Фриц Зурен. Пленницы негодуяще кричали. Комендант не сразу понял, в чем дело.

- Кто говорит по-немецки? – устрашающе уставился Зурен на узниц.

- Я! – выступила вперед женщина с винकेlem «SU». Это была Клем. Как свидетельствует в письме автору английская журналистка Гергана Б. Пит-Танева, известная под лагерной кличкой «Надя-Болгарка», Евгения Лазаревна была первой и единственной заключенной, которая не побоялась последствий и выступила с открытым протестом.

Фашист положил руку на кобуру. Он искал в глазах узницы страх и не находил его. Она смотрела бесстрашно и гневно. Кто она, эта «ротармейка»?

Откуда было знать фашистскому палачу, что перед ним одна из тех романтических личностей, о которых в советской стране восхищенно пели:

И девушка наша в походной шинели
Горящей Каховкой идет...

Сестра милосердия фронтового госпиталя Евгения Радакович. Октябрь 1917 г.

Она, тогда еще Женя Радакович, шла осенью 1920 года горящей Каховкой, под пулями беляков оказывала помощь бойцам 13-й Красной Армии Южного фронта, принявшей на себя всю тяжесть ударов отборных врангелевских частей. Позади у сестры милосердия 519 санитарной летучки уже были годы (1916–1917-й) работы в хирургическом госпитале Юго-Западного фронта первой мировой войны, инфекционные больницы военнопленных в Одессе, военные госпитали, бои на Польском фронте. В боях пришла к ней и любовь – она стала женой отважного латышского стрелка большевика Роберта Клема.

И не дано было фашистскому извергу испугать ее.

- Вы не имеете права так обращаться с военнопленными, – гневно крикнула она по-немецки Зурену. - Мы протестуем против черного транспорта! Мы требуем сохранения жизни нашей подруге Зое Савельевой, узнице № 17426.

Это было неслыханно. Это могло стоить ей дорого. Прочитируем еще раз фашистские правила: «При малейшем намеке на неподчинение, особенно в случае с большевистскими фанатиками, должен быть отдан приказ о безжалостном и энергичном действии. Неподчинение, активное или пассивное сопротивление должны быть сломлены немедленно силой оружия».

Трудно сказать, почему, но фашист не выстрелил. Видимо, так велика была сила духа этой женщины, что палач опешил, отступил. Эсесовцы с автоматами и собаками загнали военнопленных в блок. И тогда 32-й блок, все пятьсот обессиленных недоеданием узниц объявили голодовку. Это привело узниц всех национальностей в восхищение. Лагерь загудел – такого еще не бывало. Нацисты зверели. Но им так и не удалось сломить мужества и стойкости «ротармеек». Когда еду голодающих было приказано передать в другой блок, голодные узницы отказались от нее. Все узницы предлагали советским женщинам свой хлеб, но они не приняли его, заявляя, что «голодовка, есть голодовка», – свидетельствует Эрика Бухман.

Напуганный столь массовым сплоченным выступлением, немецкий комендант отменил в этот день транспорт в Майданек и объявил, что заменит узнице № 17426 повешение пожизненным штрафблоком. В этой ужасающей лагерной тюрьме, где погибали тысячи людей и тысячи сходили с ума, Савельева провела целый год. Но и здесь не оборвалась связь бойцов коммунистического кольца – Савельева получала записки со словами ободрения от Клем, иногда – еду и одежду. Всячески стремилась облегчить участь узниц штрафблока его блокная старая немецкая коммунистка Эрика Бухман.

Многие женщины-военнопленные обязаны были Евгении Лазаревне жизнью. Клем и ее советские подруги спасли, в частности, жизнь француженке Мари-Клод Вайян-Кутюрье, укрыли в своем блоке и торжественно чествовали Розу Тельман, устроили ей тайную встречу с дочерью Ирмой, взяли шефство над детьми Равенсбрюка и усыновили многих из них. Эти проявления высоких моральных качеств советских людей были примером для всех узниц.

Клем была отличным конспиратором и всегда предостерегала от безрассудной, бросающейся в глаза смелости. И лишь после освобождения многие узнали, что своим спасением от смертельной болезни, от газовой камеры, от голодной смерти, от «черного транспорта» они обязаны Интернациональному коммунистическому кольцу и в первую очередь его руководителю Евгении Лазаревне Клем.

Очень незаметно, продуманно и осторожно вела работу Клем. У себя в блоке можно было действовать смелее. Здесь своим человеком была блоковая, замечательная польская патриотка пани Молгося. Много добра сделала она для узниц. Из иностранок же других блоков Евгения Лазаревна встречалась открыто и часто лишь с тремя сербками. На случай провала было готово объяснение – отец Клем, сербский эмигрант, осел в Одессе. Здесь Евгения окончила с золотой медалью частную гимназию: отсюда и знания языков – немецкого, французского...

На всех важных для успешной борьбы участках у Е. Л. Клем были свои люди, имевшие конкретные задачи. В бане работали киевлянка Галина Матузова и немка Марта Паука – они поставляли полученную от вновь прибывших свежую информацию. Лидия Безногова, Мария Петрушина и бельгийка Филиси Мертенс, работая на ремонте канализации, обеспечивали связь между национальными группами и координацию действий Коммунистического кольца, в ревире работали врачи Людмила Малыгина, Антонина Никифорова, немецкие и французские антифашистки.

Все это обеспечило нелегальное, но эффективное воздействие на всю лагерную жизнь.

Влияние Коммунистического кольца распространялось и на рабочие команды, направляемые в филиалы Равенсбрюка при различных фирмах. Выдающуюся роль сыграло сопротивление в рабочем лагере города Барт, где производились детали для самолетов. Сюда были засланы 54 человека, проинструктированных членами Коммунистического кольца как надо проводить вредительство и сохранить свою жизнь.

Значительные акции тайного саботажа были проведены членами гентинской внешней команды, в которую входили примерно 700

молодых советских гражданских узниц. За несколько месяцев брак в цехе боеприпасов достиг таких размеров, что на завод было возвращено четырнадцать эшелонов.

Во всех акциях против эсэсовского режима Клем требовала, организуя таковые, только массовых, сплоченных, всеобщих выступлений, будь-то выступления в защиту жизни узниц или саботаж на производстве. Все – это персонально никто. Одиночку ждала смерть. Именно коллективизмом, массовым характером выступлений наших соотечественниц следует объяснять тот факт, что в Равенсбрюке было расстреляно только 65 советских женщин и только одна военнопленная.

Весной 1945 года стало ясно: близок крах гитлеровской Германии. Фашисты стали торопливо заметать следы своих преступлений. Согласно последнему распоряжению Гимmlера эсесовцы должны были погрузить узников концлагерей северной Германии на баржи и пароходы, вывезти в Балтийское море и там затопить. Для узниц, в частности, Равенсбрюка в Любекской бухте был приготовлен пароход «Дойчланд». С утра 27 до вечера 28 апреля эсесовцы колонну за колонной выводили узниц из Равенсбрюка. Через мекленбургские леса их путь лежал к морю. Благодаря стремительному продвижению Советской Армии эсесовцы не успели свершить еще одно черное дело. Клем вначале отдала приказ: «Идти как можно медленнее». Уже слышалась артиллерийская канонада – наши были недалеко, напуганные надзирательницы и эсесовцы думали уже о своем спасении. Улучив подходящий момент, Клем подала команду, и колонна распалась: узницы бросились врассыпную в лес. Это спасло им жизнь.

Утром 30 апреля 1945 года четким, насколько позволяли силы, военным строем Клем вывела своих бойцов навстречу родной Красной Армии.

Письмом, направленным в центральную массовую газету «Правда», узницы Равенсбрюка поблагодарили за свое спасение Верховного Главнокомандующего маршала И. Сталина, воинов 2-го Белорусского фронта. Письмо подписали врачи Антонина Татко (Сталино, ныне Донецк – Г. Л.), Людмила Малыгина (Ростов-на-Дону), Мария Кругман (Киев), другие военнопленные – медработники, связисты, представительницы Чехии, Югославии, Франции. И подвиг наших соотечественниц был воспет.

«О, женщины России, благодарим вас
За то, что вы боролись за нашу свободу,
За то, что вы перенесли страдания,
И даже палачи
Должны были бояться вас...».

Евгения Лазаревна Клем, Александра Сокова и Елена Мокряк около санчасти советской военной комендатуры города Нейштрелиц (Германия). Июнь 1945 г.

Так писала в своих стихах политзаключенная француженка, благодаря от имени всех узниц Равенсбрюка советских женщин за их высокое мужество.

И в светлые дни освобождения Евгения Лазаревна продолжала оставаться для всех учителем жизни. Она заботилась, чтобы вчерашние узницы побыстрее поправили здоровье и нашли

свое место в мирной жизни. Несколько месяцев по распоряжению штаба генерала Рокоссовского Клем работала переводчицей уездной военной комендатуры в немецком городе Нейштрелиц, а поздней осенью 1945 года возвратилась в Одессу, в родной свой педагогический институт имени К. Д. Ушинского.

Многие в Одессе называли Е. Л. Клем учителем учителей. И это так. До 1952 года она преподавала историю и методику, руководила педагогической практикой студентов института. Бывшие студенты приводили уйму примеров, когда Евгения Лазаревна до полуночи засиживалась с каждым из них в пустом классе, добиваясь, чтобы студент крепко усвоил все, что потом сделает из него настоящего учителя. Она была удивительно внимательна к молодым людям, эта необыкновенная женщина с грустными близорукими глазами на утомленном лице, с отечными, неизлечимо больными ногами (лагерные апелли доделали свое дело). Студенты ее боготворили.

К ней шли за советом не только молодые, но и опытные, со стажем педагоги: «Как сделать урок?». Она читала в Институте усовершенствования учителей, вела огромную работу в городском

Старший преподаватель Е. Л. Клем консультирует в историческом кабинете Одесского пединститута студентов третьего и четвертого курсов - недавних фронтовиков. 7 декабря 1947г.

методическом кабинете, выступила с призывом взять шефство над молодыми учителями. Ее полностью законченная кандидатская диссертация была озаглавлена так: «Беседа, как метод воспитания». Действительно, в умении словом воздействовать на людей она была мастером непревзойденным. О Е. Л. Клем говорили: «Другого такого методиста у нас в Одессе не было, и нет». О ее уроках вспоминают как о каком-то волшебстве, а учеников, ставших учителями, сразу узнают по особому, клемовскому почерку.

Ею восхищались. Но очень немногие знали, как тяжело было ей тогда. Ее терзали оскорбительные к ней недоверие и подозрительность отдельных кабинетных персон. Ее в конце концов лишили любимого дела, исключив из списка преподавателей института.

А у нее еще хватало оптимизма. Часто к Клем из разных концов страны приезжали подружки по Равенсбрюку – они по-прежнему искали у нее поддержки. И она спешила на помощь.

Соответствующие органы не обделяли Клем своим пристальным вниманием. Ее регулярно вызывали повесткой на улицу Бебеля, о которой одесситы говорили так: «Скажи, а какая самая длинная улица в Одессе? Не знаешь... Так я тебе скажу – это Бебеля: пойдешь и не воротись». На Бебеля находилось областное управление КГБ.

Здесь ее постоянно изводили многочасовыми изматывающими допросами, сверками, проверками. И не только здесь. С людьми тогда обращались так:

«Повестка. Гр-ке Клем Евгении Лазаревной (так в оригинале- Г. Л.). Вам необходимо явиться в УМГБ Крымской области в г. Симферополь улица Горького № 5, комната № 40 к тов. Попсуй на 1 февраля 1952 г. Явка строго обязательна. Следователь с/о УМГБ Од. обл. мл. л-т Шевчук».

На обороте:

«Клем Е. Л. явилась по вызову в УМГБ Крым. обл. Сотрудник УМГБ».

В Симферополе, по клеветническому обвинению в сотрудничестве с нацистами, судили группу врачей, бывших узниц Равенсбрюка, работавших по заданию Интернационального кольца в ревире (лагерном лазарете). Она поехала из Одессы в Симферополь, чтобы защитить своих соратниц по антифашистской борьбе.

- Ничего, ничего, девочки. Все перемелется. И все будет хорошо, – говорила Евгения Лазаревна. - Помните наши лагерные занятия? Правда восторжествует. Обо всех вас скажут еще доброе слово.

За этими словами было не столько веры в правду, сколько надежды на справедливость. Справедливость, которой дожидаться ей не было суждено. Ночью со 2 на 3 сентября 1953 года Евгения Лазаревна возвратилась с очередного допроса из МГБ уже под утро. А утром соседка нашла ее в петле – Евгения Лазаревна повесилась на перилах лестницы, ведущей на антресоль. Она, учившая других бороться за достойную жизнь до конца, ушла из жизни по своей воле. Это не был психологический, нервный срыв – просто ее лишили смысла жизни и силы ее иссякли. Поступить иначе не могла она, строгая, с четким отношением в себе и к людям.

На столе в ее комнате нашли письмо. Предсмертное. Вот его текст:

«Всю свою сознательную жизнь я честно работала, отдавая своей работе свою душу, все свои силы, Я гордилась тем, что в том великом строительстве, которое совершалось и совершается в моей родной стране, вложена какая-то частица и моего труда...

Теперь, когда я почти лишилась работы, когда я не знаю буду ли вообще иметь возможность работать, я не могу больше жить ибо жить для меня – это работать.

Выше страха и смерти

Я не знаю до сих пор в чем моя вина? В том ли, что отец мой серб, принявший русское подданство еще в 1906 году, или в том, что я, добровольно поступив в первые дни Великой Отечественной войны в Советскую Армию, была взята в плен фашистами в Севастополе и пробыла почти три года в лагере смерти?

Меня просто уволили из Педагогического института после 12 лет работы в нем, оставив за мной возможность работать на почасовой оплате. А в этом году лишили к этой возможности.

Причем никто даже не потрудился сказать мне об этом.

Неужели я такой преступник, что и разговаривать со мной не стоит? Я не могу больше жить...

3 сентября 1953 г. Клем Е. Л.»

...Через тринадцать лет довоенная студентка Евгении Лазаревны преподаватель истории 79-й школы Р. И. Бужевич во время изучения темы «Партия – руководящая и направляющая сила советского народа» предложила своим ученикам написать домашнее сочинение-раздумье: «На кого из коммунистов я хотел бы походить?». По-разному ответили на поставленный вопрос ученики. А дочь узницы Равенсбрюка № 17213 Валентины Давыдовны Фоломеенковой-Гайдай – Вера написала:

«Евгения Лазаревна Клем – вот мой идеал человека и коммуниста»...

Ни в коммунистической, ни в какой-либо иной партии Евгения Лазаревна Клем никогда не состояла. Она вдохновлялась высшими идеалами – Добра и всю жизнь стремилась воплощать их в конкретное дело.

Об узницах Равенсбрюка, об их мужественной борьбе вышли книги в Чехословакии и Германии, во Франции и Советском Союзе, И во всех этих книгах с глубочайшим уважением говорится о мужественном бойце антифашистского Сопротивления, руководителе Интернационального коммунистического кольца Евгении Лазаревне Клем.

Память о Е. Л. Клем сохранили ее однополчане по гражданской войне, ее предвоенные и послевоенные ученики и студенты, ее боевые соратники по обороне Одессы и Севастополя, ее подруги по горькой

доле пленниц и узниц Равенсбрюка, ее коллеги-педагоги. Они-то и помогли автору воссоздать облик этой замечательной женщины.

1967–1976 Одесса

Почти через сорок лет после первой моей публикации о Евгении Лазаревне Клем мне вдруг вспомнилось, что при рождении крещена она была в одесской Скорбященской церкви, действовавшей в богадельне–приюте и лечебном заведении для бедных и обездоленных. В «Скорбященской церкви при Стурдзовской общине сердобольных сестер...».

Что это: знак судьбы?

И еще вспомнилось: заполняя в августе 1924 года кадровую анкету для вступления на историческое отделение Одесского института народного образования Е. Л. Клем в графе «постоянная профессия» указала: «сестра милосердия». Окажется, что это – как жизненное кредо, как смысл и суть всей ее добродетельной жизни.

2006 Донецк

КРАСНАЯ КОСЫНКА

С Тамарой Ивановной Чаяло мы встретились 13 февраля. День тот оказался днем юбилея. Ровно двадцать пять лет тому назад у нее появилась эта красная косынка.

У въезда в Яготинский сахарный завод стоит невысокое одноэтажное здание. Занесенное по самые окна снегом, оно кажется от того еще приземистее. Мимо домика проносятся поезда из Киева и в Киев, по заснеженной дороге с трудом пробиваются бульдозеры, грузовые автомашины и автобусы, спешат люди.

В самой гуще жизни стоит этот домик с вывеской: «Горамбулатория Яготинской центральной районной больницы Киевской области». Коридор, вторая дверь направо. «Врач по внутренним болезням Чаяло Т. И.».

Хозяйки кабинета нет – она на вызовах. Она всегда до часу, двух принимает больных, а потом – на вызовах. Этот вызов – срочный. Поехали машиной. Пробьются ли через заносы?

- Не пробьются, так пройдут, – убежденно говорит медсестра, помощница Тамары Ивановны.

Выше страха и смерти

Уже тридцать лет практики за плечами доктора Чаяло. В 1938 году, после окончания Киевского мединститута и Ленинградской военно-медицинской академии она получила звание – военврач III ранга. Служила в Харьковском военном округе, в 1940-м ее перевели в Одесский, где она стала начальником медицинской службы 64-го отдельного пулеметного батальона в 54-м Тираспольском укрепленном районе. Здесь и встретила войну.

Все 73 дня героической обороны Одессы.

Все 250 дней в легендарном Севастополе.

Благодарность начальства и сотен возвращенных в строй раненных, орден Красной Звезды, звание – военврач II ранга...

Истек час, а Тамары Ивановны все нет. В амбулатории уже знают, что заболевание оказалось серьезным, больного через сугробы пришлось нести к автомашине и срочно везти в районную больницу.

Наконец, она приходит, но разговор откладывается – в коридоре ждут трое больных.

В Яготине Чаяло знают многие. Девять лет, с августа 1946-го она работала в районной больнице. Была терапевтом, главврачом, гинекологом, хирургом. Транспорта в те годы не полагалось, и ходила она ежедневно пешком семь километров туда и семь назад. Весной и осенью – по непролазной трясине грязи, зимой – сквозь мороз и метель. К больным... Два года сама тяжело болела. Последние десять лет – заведующая амбулаторией и участковый терапевт.

В 1966 году вышел Указ – за доблесть и мужество, проявленные в годы Великой Отечественной войны, врач Чаяло Тамара Ивановна получила орден Отечественной войны. Но сегодня наш разговор о самом трудном в жизни Чаяло периоде – о трех годах в фашистском лагере смерти и о красной косынке...

Мы долго идем узкой стежкой, протоптанной прямо через белые заметы спешащей в школу детворой. Тамара Ивановна говорит о страшной ночи на берегу моря, о пустой до горизонта воде без непришедших кораблей. О первом дне плена, о Симферопольской тюрьме, о Славуте – лагере военнопленных под Шепетовкой, где ежедневно от тифа и голода умирали сотни людей, об отказе работать на врага и смертном приговоре, о Евгении Лазаревне Клем, о борьбе советских женщин-военнопленных в Равенсбрюке. Обо многом мы вспомнили. В этот вечер узнал я историю красной косынки...

Однажды узницу № 17449 Чаяло и медсестру Кето Хомерики вызвали в ревир – лагерный лазарет. Им сказали, что они из Равенсбрюка будут с транспортом отправлены на военный завод в Барт. Работать на врага?

- Раз вас посылают туда как врачей для заключенных, – сказала подругам Клем, – вы не должны протестовать. Кто же там поможет нашим, как не мы?

Дела в ревире заводского лагеря хватало: от недоедания и побоев женщины много и тяжело болели, сами наносили себе увечья, чтобы уклониться от работы. На приемах Чаяло и Хомерики знакомились с людьми, обменивались вестями, завязывали связи, призывали работать как можно хуже, делать брак. Для слабых и истощенных организовывали «оздоровление» – ложили в ревир, добывали для них лишнюю ложку баланды. Они пользовались доверием, их уважали.

Одна из больных – француженка – всегда стремилась попасть на перевязку к Чаяло. Дело шло на поправку, и как-то, было это 13 февраля 1944 года, во время перевязки француженка вдруг, оглянувшись, что-то вытащила из-за фартука и сунула Тамаре Ивановне за пазуху.

- Что это? – удивилась Чаяло, и тут ее сознание обожгла дикая догадка: обездоленный, всего лишенный человек платит ей за визит?! Француженка уловила, что ее поняли не так как надо, и, возражая, заговорила испуганно и тревожно:

- Но, но, мадам! – она сыпала непонятные французские слова, среди которых прорвалось лишь несколько знакомых – Рот. Камераде. Роте Армее.

Наконец, на лагерном диалекте, состоявшем из слов многих европейских языков, они все же объяснились, и взволнованный монолог француженки зазвучал так:

- Мадам! Вы военный врач, и я поздравляю Вас с приближающимся праздником – Днем Красной Армии. Я верю в победу Красной Армии над гитлеровским фашизмом. В знак моей признательности Вашей армии я дарю Вам, ее представителю, эту красную косынку. Красное – цвет вашего флага. В нашем флаге тоже есть этот цвет. У нас одна, общая борьба – против фашистов. Солидарность, товарищ!

Тамара Ивановна приняла этот дар. А во время апелляции – утреннего построения 23 февраля 1944 года она повязалась красной косынкой. Все заключенные носили белые косынки, и только она стояла у окна ревира в

Выше страха и смерти

красной. Мимо гнали на работу узников. Когда подошла колонна наших Чаяло негромко крикнула:

- Девушки, поздравляю с праздником!

Поняв, девчата, угнанные из русских и украинских городов и сел на работы в Германию, скидывают вверх руки:

- С праздником, доктор!

Вдоль проволоки идет рабочая колонна мужчин – их приводят на завод из соседних казарм.

- С праздником! Вива! – восторженно отвечают они на приветствие Чаяло.

Красная косынка в день 23 февраля взволновала весь лагерь. Ее, повязанную на голову, узники приняли как бесстрашный призыв к солидарности, к единству, к борьбе.

Вечером через колючую проволоку, под высоким напряжением смертоносную проволоку, из возвращающихся колонн к ревиру полетели камешки с привязанными к ним записками на разных языках:

«Мы знаем, что среди вас две военнопленные, два бойца Красной Армии. Красная Армия несет нам свободу. Да здравствует Красная Армия!».

Четверть века прошло с того дня. Тамара Ивановна бережно расправляет на белоснежной скатерти красную шелковистую косынку. Ту самую косынку, которую подарила ей двадцать пять лет тому назад французская антифашистка из предместья Парижа.

Пламенно алая, она сияет радостным светом знамени Победы.

На все наши светлые праздники – Первое мая и День Победы, в День Советской Армии и на 8-е марта – Тамара Ивановна Чаяло повязывает красную косынку. На встречах со школьниками она рассказывает о том, как международная солидарность помогла узникам из многих стран Европы выстоять в аду фашистского лагеря смерти, как гордый пример советских людей вдохновлял всех на борьбу с гитлеризмом.

Красная косынка – реликвия страшных и мужественных дней.

***ПРО РАССТРЕЛЯННЫХ ЖЕНЩИН,
УБИЕННЫХ НЕРОЖДЕННЫМИ,
МЛАДЕНЦЕВ
И ПРО НЕМЦЕВ***

- Люблю ли я немцев?
Вопрос далеко не праздный.
И очень непросто
Ответить на этот вопрос.
- Люблю ли я немцев?
Но немцы бывают разные,
А с разных - и разный спрос.

В Берлине есть друг у меня.
Не сочтите его сумасшедшим -

Он Гитлера ищет повсюду
И хочет его убить...
Он видел, как наци
Голых, беременных женщин
По краю могилы
Заставили маршем ходить.
«Айн. цвай, драй!»
Шаг отсчитывал весело обер,
Дикий хохот
Стволы атоматов качал и тряс.
А они - на свои животы,
На большие свои животы руки обе,
Прикрывая стыдливо
От страшных немецких глаз.
«Айн. цвай, драй!»...
И под тот же дьявольский хохот -
«Та-та-та!» по нагим,
«Та-та-та!» по большим животам...
Остроумили фрицы:
- А можно ль угрохать,
Пулей одной двух русских
Отправить к чертям?

У русского парня
Убит сын его нерожденный.
У фрау немецкой
Под ружьем нынче сын-солдат.
... Та-там. Там-та-та, -
Льется музыка упоенно.
Бетховен...
Тоже немец
И русскому тоже не брат?
Или брат?!
Я люблю эти звуки, силы могучей.
Люблю?! Эти звуки,
Соплеменцы страшных убийц?...
Люблю ли я немцев? -

Не пытайте меня лучше.
Я Гитлера тоже стану искать,
Чтобы убить.

Лес, буковый лес...
В переводе - красиво манящий,
Влекущий в приятный
И долгий полет, будто вальс.
А без перевода
Вселенскою скорбью разящий
Бу –у –
Хен –
Вальд...

От правды, жестокой и злой,
Никуда не деться.
Я разумом немца
Полюбить, конечно, готов.
Но любят не разумом –
Любят сердцем.
Что скажешь ты, сердце?
А сердце не знает слов...

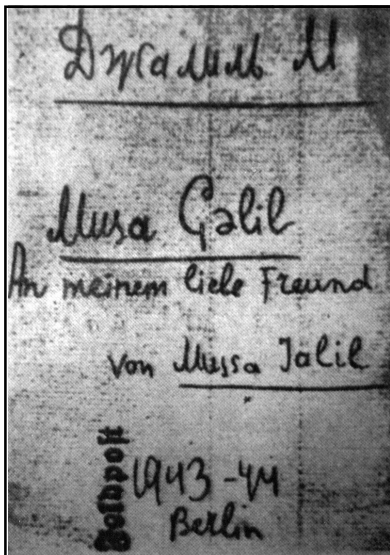
Когда где-то в мире
Сгущаются тучи ненастные,
Я снова себя испытую
Под сполохи огненных гроз:
- Люблю ли я немцев?
... Вопрос далеко не праздный.
И очень непросто
Ответить на этот вопрос.

1967 Одесса

На снимке: Узницы лагеря
уничтожения Треблинка (Польша).

Они уже предчувствуют, что еще
несколько шагов и - смерть.

***РИФМЫ
БОЯ***

Обложка блокнота, в котором М. Джалиль записал латинским шрифтом 50 стихотворений. Его вынес из Моабитской тюрьмы бельгийский антифашист Андре Тиммерманс.

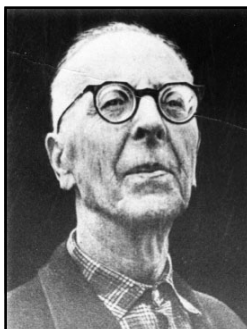
Корреспондент фронтовой газеты старший политрук М. Залилов (Муса Джалиль). 1941 г.

Луганчанин Михаил Синица

Москвич
Григорий Люшнин

Латыш
Эйжен Веверис

Всех своих узников германские фашисты всеми средствами стремились превратить в послушных рабов, в безгласных животных – тупых, ничтожных, покорных. А они – стихи слагали... Стихи!

Поэтическое слово в тех условиях было прежде всего воинственным бойцом, агитатором – и в этом его главная роль.

Горькая участь плена выпала целому ряду советских поэтов. В середине пятидесятых годов XX века читателя потрясла «Моабитская тетрадь» стихов Мусы Джалиля, сохраненная соратником поэта, узником берлинской тюрьмы на Литтерштрассе борцом бельгийского сопротивления Андре Тиммермансом. В фашистских застенках, испытав страшные муки, встретили смерть как гордые патриоты русский Дмитрий Базаров, украинец Мыкола Шпак, литовец Витаутас Монтвилла, кабардинец Али Шогенцуков, татары Абдулла Алиш и Хайрутдин Музай и другие. Несколько волнующих поэтических сборников составили стихи бывших узников нацизма москвича Григория Люшнина, латыша Эйжена Вевериса.

Осенью 1958 года, при расчистке территории бывшего фашистского лагеря смерти Заксенхаузен, в цоколе одного из барачков был обнаружен сверток, в котором оказался небольшой самодельный блокнотик. На первой его страничке значилось: «Незабываемое. Стихи в плену». Это были стихи потрясающей антифашистской силы. Некоторые из них опубликовала газета группы войск в Германии «Советская Армия», затем – «Комсомольская правда» под общим заголовком «Я вернусь к тебе, Россия». Журналисты предприняли попытку установить имя поэта. В ходе поиска открылось замечательное: стихи подобного содержания могли принадлежать целому ряду авторов. Григорий Люшнин, Василий Юдин, Зинаида Голубова (Кудрявцева), Василий Кучеренко, Михаил Даниленко, Иван Колюжный, Николай Хмелев (Коробанов), Антон Пархоменко... Заксенхаузен, Равенсбрюк,

берлинская тюрьма на Александерплац, рабочий лагерь в Грандзее, Бухенвальд... Многие стихи идентичного или близкого по содержанию текста звучали во многих тюрьмах и лагерях различного назначения. В каждом лагере, в каждой тюрьме находились люди, обращавшиеся к поэтическому оружию, Владимир Дударев в лагере № 304 у местечка Цейтхайн, Александра Сокова в концлагере для женщин Равенсбрюк, Григорий Сырков в рабочем лагере «13-Ц» в Хаммельбурге, Михаил Яркин в Заксенхаузене, Александр Меркулов в гестаповском застенке города Крустспилс (Латвия), Константин Берегов и Григорий Бутыркин в центральном лагере военнопленных VII военного округа в Моосбурге. Русские, украинцы, белорусы, представители других национальностей. Однако людей, использовавших поэтическую строку в качестве антифашистского оружия, было неизмеримо больше. Опасную и вместе с тем неоценимую работу выполнил находившийся в плену в Германии и участвовавший в движении Сопротивления Н. Н. Шевченко. С 1941 по 1945 годы он записывал и хранил стихи, частушки, песни советских граждан, насильно угнанных в Германию. После освобождения Н. Н. Шевченко с помощью бывших узников фашизма Ф. И. Селиванова, Ф. И. Симонова, И. Е. Маркова составил сборники – «От смерти к жизни» на русском языке и «Вірші та пісні з неволі» на украинском языке. И здесь, целая плеяда патриотических имен: Мария Кравченко, Мария Зотова, Галина Тонконог, Мария Цыбенко, Надежда Котина, Ольга Мартыненко, Зинаида Богданова, Павел Швачко, Михаил Капелюшный, Николай (Владимир) Бурнусенко (ему посвящено стихотворение «Еще жив!»).

Несколько десятков поэтических сочинений у вернувшихся с фашистской каторги девушек и женщин собрал в 1945–1946 годах Ф. К. Кушнир в селе Мойсенцы Полтавской области (ныне с. Приднепровское Черкасской области). Здесь новые имена. Из двух миллионов собранных на Украине и среди тысячи вошедших в рукописный сборник писем угнанных в Германию гражданских лиц немало составленных в форме стихотворений. Несомненный интерес представляют альбомчики и песенники, которые вели многие «*kostarbeiter*»ы. Вновь прибывшие переписывали тексты у лагерных старожил. Значение этих сборничков, как одной из форм эмоционального, идейно-патриотического воздействия на узников, трудно переоценить. (Об одной из составительниц такого песенника

Александре Анастасиенко и его содержании вы прочтете в очерке «Песни над колючей проволокой»).

Уроженец города Ирмино, что на Луганщине, Михаил Сеница, член подпольной организации сопротивления ЦКБ (Центральный комитет борьбы) свои лагерные стихи объединил в двух рукописных сборниках «Вірші та різні дрібниці Михайла Сениці» и «Різні дрібниці Михайла Сениці». Это впечатления 1942–1945 годов. Необходимо подчеркнуть принципиально важную деталь: многие стихи написаны украинцем Сеницей, как и представителями других национальностей, по-русски – авторы стремились, чтобы их мысли и чувства были поняты возможно большим числом слушателей и читателей. Подчеркнем: языком межнационального общения оказавшихся в неволе советских людей являлся именно русский язык.

Ограничивать славный перечень этими именами неправомерно. Сотни, тысячи советских людей обращались во мраке фашистского террора к помощи поэтического слова.

«Я вернусь к тебе, Россия», – справедливо отмечал известный советский поэт Лев Ошанин, – это не просто крылатая фраза, поэтический образ, удачная строка. Это жизненно необходимый, в ту минуту единственно необходимый порыв человеческой души. Удивительно ли, что эта строка могла прийти двум-трем, многим советским людям одновременно или почти одновременно, согревая их, помогая переносить невыносимое для свободной души чувство неволи, тяжелые муки фашистского плена. И оттого, что эта строка пришла к нескольким людям одновременно, разве каждый меньше достоин благодарности?».

Лагерный поэт Михаил Даниленко (он с Кировоградщины) свидетельствует:

«Одним из самых действенных видов нашего оружия были стихи. Их писали на клочках бумаги, которые потом передавались из рук в руки. Они кочевали из блока в блок, поддерживая моральный дух людей, зажигая их на борьбу».

Стихи звучали в декламации, кочевали в устной передаче, находя кратчайший путь к сердцу, к совести, к разуму измученных неволей узников.

Поэты-узники придавали большое значение правильному выбору жанра, формы, интонации своих произведений. В их боевом арсенале

частушка и песня, жалоба-плач и послание-призыв, лирическое стихотворение и острая агитка, фактографическое бытописание и даже поэма. Поэтов-профессионалов и людей, впервые рифмующих строки, объединяла в их творчестве общность проблематики и тем.

Необходимо обратить внимание на существенное различие в содержании и тональности сочинений невольников рабочих лагерей (бывших гражданских лиц) и узников – вчерашних воинов. Если в первом случае уныние и мольба, проблески надежды, то во втором – угнетенность, самоупрек сменяется отвердением души, заявлением уверенности в неизбежном крахе фашизма, призывом к борьбе. В этих произведениях можно выделить, исходя из оценки их смысловой и идейно-политической заостренности, как основные, главные, такие тематические направления:

- горечь и позор плена;
- тяжесть неволи, тоска по Родине;
- прославление примера героев, память о павших;
- готовность к продолжению борьбы, присяга на верность;
- уверенность в конечной победе, призыв к действию;
- программа борьбы;
- интернациональное единство, советский патриотизм.

Плен, лагерь – жесточайшее испытание для свободного человека, особенно для воина, вчера еще державшего в руках оружие. Даже у такого могучего как Муса Джалиль летом 1942 года являются строки:

Лес, лес, как доля тяжела моя,
Как низок этот плен позорный!
Скажи мне, где мои друзья,
Куда их спрятал, непокорный?
Лес, лес, веди меня скорее к ним,
Оружье дай – отваги полный,
Умру, сразившись с недругом моим
И клятву чистую исполнив.

В одном из лагерей «восточных рабочих» в 1942 году записаны стихи-песня:

Прости-прощай, родимая сторонка,
Нам не встречать веселый светлый май.
Споем о том, как девушек с России
Везли насильно в чужедальний край.
Споем о том, как завтра утром рано
Пошлют меня по скорбному пути.
Прощай, родной, забудь свою Татьяну,
Забудь про все, но только отомсти...
Услышь меня за темными лесами,
Убей врага-мучителя, убей!
 Письмо тебе писала со слезами,
 Печалью запечатала своей.

Часто в стихотворную форму облекались письма, которыми обменивались узники, угнанные на каторжные работы советские люди. Своей подруге М. Филимоновой адресует М. Сеница такое письмо:

Землячка моя, синьоока!
Тут на чужині пригадай,
Як сорок другого ще року
Ми покидали рідний край.
Як село наше окружили,
Як привели нас на перон
І як повезли на чужину
Проклять і зойків ешелон.
Цих хижих звірів у жупанах
Зметуть з землі, як те сміття.
І знову світлі і бажані
До нас дні волі прилетять.

Свой ответ на письмо военнопленного, известного под именем Иван – Звезда-Колючка; З. Л. Голубева заключает четверостишием:

Да, ты поймешь и расшифруешь –
Какой мечтой мы здесь живем.
Пусть душат нас, пусть нас газуют –
Мы выстоим, мы не умрем.

В своеобразную прокламацию соединяет два стихотворения – (привет с родины – ответ с чужбины) Мария Тарасенко:

Привіт з України і рідних степів,
Привіт з України від ваших братів,
Від всіх українців, що дома живуть,
Що вас не забудуть, поки не умруть.
Привіт! З того краю, де сонечко сходить,
Де пташки співають і хліб гарний родить...
Нехай пролунає на весь білий світ:
З плодючих садів українцям привіт!

И ответ на Родину, в село Мойсенцы на Полтавщине:

З краю чужого на рідний наш світ
Ми, українці, палкій шлем привіт.
Бажаєм щасливо діждатися нас
В щасливий прекрасний час.
На рідну Вкраїну, до свого народу
Привіт посилаєм з брудного заводу.
Як хочеться в хаті побачить батьків,
Притиснуть до серця, узнать про братів,
Про тих, що назустріч нам з вами ідуть,
Що голови гордо за всіх нас кладуть.

Крайне важно подчеркнуть: поэтическому творчеству советских людей, оказавшихся в гитлеровских тюрьмах и лагерях, где жизнь их постоянно была на волосок от смерти, абсолютно неведом безысходный пессимизм. Особенно это относится к военнопленным. Лиричность в их произведениях выступает в монолитном единстве с гражданственностью.

Я еще вернусь к тебе, Россия,
Чтоб услышать шум твоих лесов,
Чтоб увидеть реки голубые,
Чтоб идти тропой моих отцов.
Я давно не пел в густых дубравах

И не плыл по глади русских рек,
Не сидел под дубом величавым
С синеокой – другом юных лет...
Я, как сын, люблю тебя, Россия,
Я люблю тебя еще сильнее,
Милые просторы голубые
И безбрежность всех твоих морей!
Я вернусь еще к тебе, Россия,
Чтоб услышать шум твоих лесов,
Чтоб увидеть реки голубые,
Чтоб идти тропой моих отцов.

Это стихи-присяга из сборника неизвестного поэта Заксенхаузена. А бывший концлагерник Л. Растопин убежден, что слова «Я вернусь к тебе, Россия!» принадлежат Юдину Василию Егоровичу (смотри очерк «Я стихом винтовку заменил»).

20 мая 1943 года Григорий Бутыркин в запертом бараке Моосбургского лагеря горячо возглашает:

Борись! Бунтуй! Не страшны, брат, страдания!
Настанет час расплаты для врага!
Трещит по швам «великая» Германия.
Цените Родину, она нам дорога,

С полным основанием мы можем говорить о несокрушимой идейной стойкости советских людей-узников фашизма, их глубоком патриотизме.

Лагерные поэты повсеместно посвящали строки уважения и благодарности тем, кто был для них примером в неравной борьбе за колючей проволокой. «Балладой о восьмерых» откликнулся неустановленный поэт Заксенхаузена на казнь узников, бежавших из лагеря, пойманных, бросившихся в последний миг на палачей и погибших в схватке:

Они погибли. Восемь молодых,
Здоровых, полных сил и жизни.
Но будем помнить мы о дорогих
Друзьях, погибших за Отчизну.

Шестидесятипятилетний узник Павел Швачко (он из села Н. Спасовка Запорожской области) в 1944 году убежденно декламирует своим слушателям:

Под непосильным тяжким игом
Фашистов-немцев палачей
Ушли в могилу миллионы
Сынов Отчизны, дочерей.
Но близок час расплаты грозный,
Враги спасенья не найдут!
И за жестокие злодеяства
Они все кары понесут.

Они не просто непоколебимо верили в конечный исход противостояния с фашизмом, упорно вселяли эту веру в других. Они знали, что путь к победе лежит через борьбу. Призывом к действию звучат, выдвигают достойную жизненную программу стихи Джалиля (ноябрь–декабрь 1943 года):

Если кровь твоя за Родину лилась,
Ты в народе не умрешь, джигит.
Кровь предателя струится в грязь,
Кровь отважного в сердцах горит.

Холодное тело засыплет земля, –
Песнь огневую засыпать нельзя!
Умри, побеждая, и кто мертвецом
Тебя назовет, если был ты борцом!?

Замечательно, что и в лагерях, и в тюрьмах советских людей не покидало чувство юмора. У Марии Зотовой записаны в 1944 году такие частушки:

Не боюсь я морозу,
Не боюсь холоду,
А боюсь я, чтоб в Германии
Не умереть – да с голоду.

Выше страха и смерти

Надоели мне бараки.
Надоели «коечки»
Надоело мне работать
На чужой стороночке.

Частушка в данном случае исполняется в открытую, и призыв к сопротивлению здесь завуалирован. В Заксенхаузене матрос, известный под именем «Яшка», распевал сочиненные им издевательские частушки про Гитлера по камерам. Ему всыпали плетей и бросили в штрафной блок. Другой матрос, назвавшийся Степашкой, пошел в последний, смертный бой с частушками, сочиненными Люшнинным:

Я встречал чертей на свете
И за бороды их тряс,
Но таких гадюк, как эти,
Вижу в жизни первый раз.
Мы не зря тут глину месим,
Отдавая жизнь в борьбе.
Мы и мертвые повесим
Вас, фашистов, на столбе.

Воздействие такого поступка было огромно – он оставил глубочайший след в душах и сознании очевидцев и всех, кто узнал о нем потом.

М. Сеница составляет и неустанно, в шуточку, оглашает «Устав нашего лагеря» из одиннадцати пунктов:

1. Побольше кушай,
Хитри, доставай.
2. Что фриц скажет, слушай,
Но не выполняй.
3. Почаще болей.
4. Врагам не клонись.
5. Выручай друзей.
6. И сам берегись.
7. Как допрос – молчи,
Жизни не жалеи.

8. Ночью кирпичи
Пускай в палачей.
9. Поменьше работай.
10. Побольше вреди.
11. Знай, что всех свобода
Ждет нас впереди.

Итак, программа конкретных действий, программа борьбы. Поданная и в такой форме, она, безусловно, побуждала к действию.

Необходимо отметить еще один прием: за безобидным внешне названием скрывается порой острое саркастическое произведение. Пример: написанная на досках изголовья нар в Заксенхаузене «Молитва»:

Молюсь и ночью и денницей:
Всевышний, землю пожалей
И всекарающей десницей
Адольфа Гитлера убей!

Особые усилия фашисты прилагали к тому, чтобы вбить клин между представителями различных народов Советского Союза. Своеобразным ответом на это прозвучало стихотворение Н. Н. Шевченко, записанное в 1942 году в лагере г. Ротх:

Стоїть в полі березонька,
На бік похилилась.
Наша молодь з України
Дуже зажурилась.
Нашу молодь з України
Фашисти забрали,
І нема тої хвилини,
Щоб не карали.
Гнуться спина від дубини,
Тріскається шкура.
Була весела наша молодь,
Тепер стала хмура.

Выше страха и смерти

Ой ви, брати-росіяни,
Зброю зготовляйте,
Нас, нещасних, із неволі
Скоріш визволяйте!

Именно к России, к русскому народу обращается украинец Шевченко в своей надежде на освобождение из фашистской неволи.

Призыв к интернациональному единению звучит в словах, которые в растяжку, с натугой произносит под виселицей один из девяти казнимых советских узников (вспоминает бывший заключенный Заксенхаузена А. Пастушенко):

Нам приготовили гады
Петлю у самых ворот.
Смерть презирает, камрады,
Смелый, отважный народ!
Слышится звук кононады!
Армия наша идет,
Дружно сомкнитесь, камрады,
Смелый, отважный народ.

На поющего кинулось несколько эсэсовцев, и уже не напев, а скорее хрип донесся до построенных узников:

Нам ли бояться насилия!
Дружба в сто крат сильней.
Вспомни, камрад, Бастилию,
С дружбой на бой смелей!

Они прекрасно сознавали, что в единстве – сила, и утверждали это своим примером, своими предсмертными призывными стихами...

Однажды заключенные увидели, как какая-то немецкая женщина положила на могилу советского военнопленного бумажный цветок на деревянном блюде. Г. Люшнин откликнулся на это такими стихами:

Он сделан из стружек
Засохшей сосны
Руками подружек
Не нашей страны.
Лежит он на блюде,
Ему не отцвесть...
Хорошие люди
В Германии есть.

Советские люди не позволяли себе в справедливой своей ненависти к фашизму опуститься до национальной ненависти, до ненависти к немцам. Одно из убедительнейших свидетельств – стихи из заксенхаузеновского блокнота памяти Эрнста Тельмана:

Нет Тельмана, товарища, вождя.
Не надо слез. Ряды тесней сомкните.
Тропую, им проложенной идя,
За друга, воина фашистам отомстите!

Такие же заверения-призывы звучат в стихах М. Джалиля, Э. Вевериса и многих других. При этом надо помнить, что слова эти принадлежат советскому человеку – узнику и мученику немецкого фашизма, чтобы оценить всю их нравственную высоту.

Следует учитывать еще одно обстоятельство. Стихи, услышанные, прочитанные в одном лагере, возникали, восставали из пепла в другом, окрашиваясь в новые тона. В начале лета 1942 года на деревянных нарах застенка в Крустспилсе (Латвия) А. А. Меркулов, приговоренный к смерти, оставил карандашом написанные строки:

Я в плену, в краю чужом, далеком!
Дни идут печальной чередой.
Далеко отсюда на востоке
Милый край и отчий дом родной.
Часто снятся мне родные лица,
Ночью слышу близких голоса.
Грезится далекая станица

И любимых милые глаза.
Наяву завидую я птицам,
Облакам, плывущим на восток,
Там моя любимая столица,
Там живет любимый мой народ.
Пусть пожар повсюду полыхает –
Кто умеет пламенно любить,
Тот придет, я это точно знаю,
Чтоб оковы рабские разбить.

Стихи Меркулова довелось прочесть всем, кто побывал в этом застенке. И вот в блокнотике из Заксенхаузена читаем посвященное «Андрею в Грандзее» стихотворение «Тебе, Родина!»:

Я живу в стране чужой, далекой,
Дни идут печальной чередой,
Где-то полыхает на востоке
Край родимый, отчий дом родной.
Часто снятся мне родные лица,
Ночью слышу близких голоса.
Вижу я твои огни, столица,
И любимой нежные глаза...
И лишь им завидую я, – птицам,
Облакам, плывущим на восток.
Там моя высокая столица,
Там моя земля и мой народ.
Пусть пожар повсюду полыхает, –
Кто умеет пламенно любить,
Тот не сдастся, не продаст, я знаю,
Сможет вынести и победить.

Разночтение лишь усиливало конкретность, отражало ее, повышало доходчивость и действенность. Личное в этих стихах переплеталось с общепатриотическим и придавало этим стихам особую силу, обеспечивало им долгую жизнь в пучине смерти...

* * *

Ко всем стихам антифашистского Сопротивления советских людей могли бы стать эпитафией строки, ходившие по тюрьмам и лагерям Германии и Австрии:

Сквозь фронт, сквозь тысячу смертей,
Сквозь дантов ад концлагерей,
Сквозь море крови, горя, слез
Я образ Родины пронес.
Как путеводная звезда,
Сиял он предо мной всегда!

Строки горечи и печали, гнева и мужества, строки любви и верности. В какой душе не возгорится чувство восхищения теми, кто их слагал! Самое удивительное, что стихи эти вообще были написаны. Ежеминутная угроза быть убитым, муки голода и петля медленной смерти, угасание физических и духовных сил, терзания души и разума... До стихов ли тут?

Но узник-поэт, к штыку приравняв перо, поэтическое слово, был и оставался солдатом, патриотом, активным бойцом. Он стремился не просто выжить, но жил, чтобы бороться и победить, чтоб поднимать на борьбу других...

Исповедь-заклинание Г. Люшнина; дата – 1943 год:

Я пишу стихи под визги плети,
Под петлею мертвой на столбе,
Чтобы по стихам учились дети
Мужеству и стойкости в борьбе.

В идейном противостоянии фашизму своим агитстихом, своим патриотическим примером они выполнили свой долг до конца ... Запомним их имена... Сохраним в сердце своем высокий подвиг тех, кто не оставил нам имени своего!

1970–2000 Москва-Киев-Кировоград-
Луганск-Запорожье-Черкассы-Рига-
Донецк

***Я СТИХОМ
ВИНТОВКУ
ЗАМЕНИЛ***

*Но, мечтою сердце беспокоя,
Ни одной слезы не урони.
Я нашёл оружие друзей:
Я стихом винтовку замени.
Васильий Юдин*

В. Е. Юдин. 1968 г.

Узники лагеря
советских военнопленных.
Польша, 1942г.

В. Е. Юдин среди выпускниц 10 "А" класса Былбасовской средней школы.
1966 г.

Работая над этой публикацией, я проникся радостью и гордостью за наших земляков: за того, кому посвящены эти строки, и за тех, которые сберегли о нем добрую память.

Лет сорок тому назад на волнах радиостанции «Юность» на весь Советский Союз прозвучала песня «Я вернусь к тебе, Россия!». Страстный призыв был в ней:

Этих слов забывать вы не смейте
Ни в пути, ни в беде, ни в огне.
Узник черного лагеря смерти
Как молитву шептал в тишине:
- Я вернусь к тебе, Россия!..

Под эпиграфом «Я вернусь еще к тебе, Россия» значилось: «Из стихов неизвестного узника фашистского лагеря смерти Заксенхаузена». Стихи те, объединенные в небольшом блокнотике, нашли немецкие рабочие при разборке одного из барачных концлагеря в 1958 году. Они были опубликованы, и вдохновили поэта Льва Ошанина и композитора Эдуарда Колмановского на создание песни.

А вскоре из Омска пришло письмо. Бывший узник фашистских лагерей Л. В. Растопин писал: «По-моему, слова «Я вернусь к тебе, Россия!» принадлежат Юдину Василию Егоровичу, который был со мной в плену в Замостье». Обнаружились такие слова и в стихах москвича Г. Люшнина, тоже прошедшего гитлеровские лагеря. Впоследствии Л. Ошанин к ссылке на неизвестного поэта Заксенхаузена добавил: «А также из стихов узников фашизма Г. Люшнина и В. Юдина».

Кто же он – Василий Егорович Юдин?

... Как-то родились в народе на мотив известной песни такие новые слова: «Двадцать второго июня, ровно в четыре часа, Киев бомбили,

нам объявили, что началась война». Нам тогда еще и не успели объявить, что началась война, а пехотинец Василий Юдин уже вел на границе бой с вторгшимися на нашу землю немцами. В одной из схваток он был ранен и очутился в плену. Безоружный, униженный... Сборный пункт, пересыльные дулаги. Боль... Стыд... Гнев... Решимость!

Переполнившие душу и сердце муки излились у Василия Егоровича в стихотворной форме. Последней каплей явилось то, что произошло в Белостокском лагере советских военнопленных. Взятый из строя гестаповцами политрук Шевцов из зарешеченного окна второго этажа прокричал товарищам что-то прощальное. И в этом крике Юдину почудилось слово «Россия».

«... Я никогда и не ставил себе целью что-то написать, – пояснял Василий Егорович. – Просто иногда само собой получается, что слова цепляются одно за другое, становятся в строй, изгоняют из своего строя неподходящее, смотришь – получилось стихотворение».

Так в начале осени 1941 года, уже в лагере польского города Замостье, сложилось обращенное к матери стихотворение «Ждать меня теперь ты перестала». В нем были такие строчки:

Я вернусь к тебе, моя .Россия,
Чует сердце, что еще вернусь,
Чтоб услышать дождики косые
И излить накопленную грусть.

Потом это четверостишие Юдин выделил отделено, прибавил к нему еще несколько куплетов, и получилось стихотворение. Тот текст и слышали от Василия Егоровича Л.Растопин и другие доверенные товарищи – узники Замостья.

Юдин содержался в Замостье в то самое время, когда там был и генерал-лейтенант инженерных войск Д. М. Карбышев, погибший потом в Маутхаузене, посмертно – Герой Советского Союза. Это ему, Карбышеву, принадлежит призыв-приказ товарищам по несчастью:

«Плен – страшная штука, но ведь это тоже война, и пока война идет на Родине, мы должны бороться здесь».

Оружием борьбы для Василия Юдина стали его стихи. Обратим внимание: стихотворение «Я вернусь к тебе, моя Россия!» было

сознано Юдиным в самом начале войны. Оно затронуло, по свидетельству очевидцев, души многих военнопленных и побудило их к выражению своих чувств теми же словами или в той же форме и тональности, но по-своему. Запись же последнего стихотворения в заксенхаузенском блокнотике датирована 27 января 1945 года. Что в нем: авторские строки или зафиксированность услышанного от кого-то? Известно, что многие невольники рейха, особенно остарбайтеры, вели альбомчики-песенники, куда заносили все, созвучное их положению и состоянию. Вполне вероятно, что «Я еще вернусь к тебе, Россия!» из того же ряда.

«Стихотворение Василия Егоровича проникнуто тем же чувством любви к Родине и написано в том же ритме, что и найденное в Заксенхаузене, – размышлял впоследствии Л. Ошанин. – Но это другое стихотворение. Что же это значит? Написали ли их совсем, разные люди, или стихотворение Юдина изменялось постепенно, переходя из уст в уста, от узника к узнику, из лагеря в лагерь? Как в старину иногда менялась русская песня. Может быть...».

Василий Егорович вспоминал, что порой его стихи снова попадали к нему:

«... Люди, не зная автора, передавали их мне... Правда, при неоднократном переписываний, побывав во многих руках, они ко мне возвращались искаженные, приходилось их «ремонттировать» (Заметим: свое авторство из скромности и соображений безопасности Василий Егорович предпочитал не афишировать). «Отремонтированные», иногда уже в новой редакции, они снова шли в народ:

Я вернусь к тебе, моя Россия!
Только ты уймешь мою печаль.
Ведь давно не пил твоей росы я,
Ароматом леса не дышал.
Вновь увижу, что всегда любил я,
Что к себе зовет сияньем зорь:
Светлых рек разливы голубые,
Ширь полей и синь твоих озер.
Без тебя страдая, край родимый,

На святом костре горим живьем.
Есть на свете дар непобедимый,
Этот дар мы Родиной зовем.
Родников твоих живой водою
Мне лицо хотя бы оросить.
Журавли кричат, зовут с собою –
Мне у них бы крылья попросить.
Сторона зовет к себе лесная,
И, о ней вынашивая грусть,
Все стерплю, Россия, мать родная,
Все равно живым к тебе вернусь.

Эта тоска по лесам, по заводям речным, по росам от родных Юдину окрестных видений села Рыжково Сосновского района на Орловщине. Слышали от Василия Егоровича, переписывали и уносили с собой его стихи в другие лагеря узники Замостья, Освенцима, Эрлангена, штрафного лагеря в Нюрнберге и, наконец, Заксенхаузена – этот концентрационный лагерь смерти стал последним местом его заточения. Его стихи согревали измученные души узников, помогали стойко переносить физические страдания и тяжкое горе фашистского плена, побуждали к борьбе за жизнь, за честь советского человека, сами были оружием борьбы:

Нет от вас ни слуха и ни вести,
Побратимы, верные друзья.
Тех, кто пал на поле боя с честью,
Приняла родимая земля.
А меня для муки и страданий,
Знать, судьба в насмешку сберегла –
В ненавистный край, чужой и дальний,
В лагеря на пытку привела.
Но, мечтою сердце беспокоя,
Ни одной слезы не уронил.
Я нашел оружие другое:
Я стихом винтовку заменил...
Расскажу стихи друзьям-ребятам,

А наутро в лагере опять,
Прозвучат слова мои набатом,
Призывая жить и побеждать.
И хотя я вычеркнут из списков,
Остаюсь по-прежнему в строю:
Славлю в песне мать свою – Отчизну,
Воспеваю Родину свою.

Доводилось сталкиваться с упреками в адрес авторов концлагерных стихов в ритмической и интонационной подражательности их строф есенинским. А была ли подражательностью их схожесть? Великий поэт своим творчеством выразил суть и нерв русской души. Так вот эта страдальческая и гордая душа, думается мне, и излила себя многозвучным унисоном в стихах наших соотечественников – узников нацизма.

Много стихов, песен, частушек сложил в плену Василий Егорович. Некоторые из них после войны в авторизованном переводе на немецкий язык были опубликованы в Германской Демократической Республике и имели общественный резонанс. Вот одно из тех стихотворений:

Отзовись, порадуй! Где ты, где ты,
Близкий сердцу, но далекий край?
Мы идем - ожившие скелеты –
Сквозь удары и овчарок лай.
В каждом взгляде, горестном и чистом,
И в слезе, остывшей на песку,
Я читаю приговор фашистам,
Гнев и боль, решимость и тоску.
Грусть своя у каждого по праву –
О любимых, близких, о родных,
О местах заветных, о дубравах,
О хлебах, о заводах речных.
Но взгляни в глаза чуть-чуть построже,
В них другое можно отыскать:
Ведь тоска по близким и хорошим –
Это по оружию тоска.

Стихи о ненависти, несгибаемом мужестве, о жажде возмездия.
Исповедь... Присяга... Клятва!

Верность своей клятве «Я вернусь к тебе, моя Россия!» Василий Егорович сберег. Несмотря ни на что. Как и другим лагерникам, Юдину, после освобождения Заксенхаузена, довелось пройти фильтрацию, проверки «соответствующими органами», пережить боль недоверия и незаслуженных обид. Все стерпел, не утратил веры в дар непобедимый – Родину-мать. Был восстановлен в звании и влился в воинский строй.

На долю Юдина выпало еще одно тяжелое нравственно-психологическое испытание. Ему, вчерашнему мученику гитлеровских лагерей, довелось служить в команде лагеря вчерашних врагов – военнопленных немцев и японцев в городе Рубцовске на Алтае... Вот прибыл эшелон с очередной партией пленных. Прямо из вагонов их повели мыться. Приняв приземистое, удаленное строение за газовый бункер и крематорий, немцы решили, что им конец. Строки из стихотворения «Баня»:

Крик и плач. На коленях ползают.

Кто-то в руки часы сует.

Показалось, слезами пол залит:

- Kleine kinder!

- Frau!

- Mein Gott!

Ах вы черти, немцы-кудесники,

Мне ли вам о том говорить!

Не дошли до такой мы техники,

Чтобы пленных, как вы, морить.

Ну да ладно! Мы не злопамятны,

Мы ведь люди, а не зверье.

Раздевайтесь, долой обшарпанное,

Легушиного цвета рванье...

В этом страхе и в этой панике

Я другое увидеть сумел:

Вот вам, вашей «культуры» изнанка,

Вот нарыв, что давно созрел.

Здесь уже не столько поэтический образ, как философский итог: полный моральный крах гитлеровского нацизма перед лицом богатырского великодушия и нравственной высоты советского солдата-победителя.

Доскональное познание немецкого языка открыло Василию Егоровичу путь в новую профессию – учителя. Начало – сельская школа на Харьковщине. Он форсированно оканчивает заочное отделение Харьковского госуниверситета, получив специальность - преподаватель, квалификацию - учитель немецкого и английского языков. Затем Донбасс - средние школы №№ 6 и 11 в Славянске и, наконец, школа в соседнем поселке Былбасовке. Юдина властно потянуло к земле. А здешний край - душе его сердечная отрада: веселые дубравы, розовые над заводями речными зори, буйные в росах травы. В Былбасовке он своими руками поставил дом, посадил сад, заложил виноградник, освятив все это сиянием истосковавшейся по созиданию своей крестьянской хозяйской души.

Вдохновенно отдаваясь учительской работе, он снова часто ощущал, как в сердце его и сознании беззвучные слова сами по себе цепляются друг за друга, образуют четкий строй, складываются в стихотворения. В общении с коллегами, соседями он весело сыпал рифмованными шуточками-прибауточками, серьезное же поверял немногим. Стихи Юдина публиковались в славянской газете «Коммунист» (ныне «Вісті»), в областных изданиях Донбасса. И все же Василий Егорович скромно называл свое творчество любительским занятием и поэтом себя не считал. И в писательский союз чиновные ремесленники пера принять Юдина не удосужились. А он сам просто был далек от суетного честолюбия и о чьем-то формальном признании не помышлял. Ибо, как известно, истинная значимость созданного человеком определяется не наличием или отсутствием у него каких-то членских корочек. Достойную оценку поэтическому творчеству Василия Егоровича дала сама жизнь в лице его сострадальцев по плену, сослуживцев по армии, коллег-педагогов, его учеников, его читателей.

Стихи Юдина снова шли в народ, рождая в сердцах людей животворящий отклик. Юрий Иванович Стояновский - один из его былбасовских учеников, ставший, как и Василий Егорович, учителем, его другом, уже будучи директором школы, посвятил в 1987 году памяти Василия Егоровича такие строки:

Того достойно ценят люди,
Кто делом и душою чист.
Таким ты был, Василий Юдин -
Боец, Учитель, Коммунист.

Вступить в партию Василию Егоровичу предложили в 1958 году. Потом коллеги-педагоги Былбасовской школы избрали его секретарем парторганизации - на многие годы. И на этом непрестом посту в то непрестое время он продолжал служить Добру, боролся против зла, за честь и достоинство Учителя. Отеческой стезей учительства - возвращивания граждан грядущего времени - последовали дочери Василия Егоровича Лариса и Лидия, его внук Андрей, вместе с мамой Ларисой Васильевной Дерезой преподающий английский язык в Былбасовской школе, внук Евгений, совершенствующийся в киевской аспирантуре, внучка Маргарита - математик Былбасовской школы. Вот такая преемственность поколений.

В экспозиции Славянского краеведческого музея, посвященной Великой Отечественной войне, вы встретитесь с Василием Егоровичем Юдиным глаза в глаза...

В 1967 - 1968 гг. Всесоюзной студией хроникально-документальных фильмов при участии Льва Ошанина был создан фильм о Василии Егоровиче Юдине «Я вернусь к тебе, моя Россия!» - добрый и правдивый рассказ о хорошем человеке.

Через шестнадцать лет после того, как Василия Егоровича не стало, на Первой районной ученической краеведческой конференции «Слов'янщина - мій рідний край» (2003 г.) выступила ученица Былбасовской школы Маша Веретенникова. В ее сообщении «Я посмеюсь над смертью...» прозвучал горячий призыв к сверстникам брать пример с Василия Егоровича Юдина, «чья жизнь - подвиг души, ума, труда и воли».

Эстафета памяти продолжает путь.
Я радуюсь и горжусь.

***ПЕСНИ
НАД КОЛЮЧЕЙ
ПРОВОЛОКОЙ***

Александра Анастасиенко (Силезия, 1944 г.) и ее альбомчик-песенник.

Бетриб (мастерская) и лагерные деньги: крона - для еврейских гетто и рейхсмарка - для других мест принудительного содержания. Ими нацисты пытались соблазнить заключенных на высокопроизводительный труд.

Жители села Бобровый кут на Херсонщине слушают рассказ А. Анастасиенко-Рябовой о жизни рабочих с Востока - "ostarbeiter"ов.

Осенью 1943 года в лагере «рабочих с востока» силезского городка Яуер у шестнадцатилетней Александры Анастасиенко были записаны слова «Песни полонянок»:

Раскинулось поле за бором,
И в поле барак наш стоит,
Кругом обнесенный забором.
Замок на воротах висит.
Железный замок на воротах висит,
Он волю и жизнь отнимает.
Не можем замок мы сломать и разбить,
Его часовой охраняет.
Сидим мы в неволе и смотрим в окно.
Как немцы хохочут, пируя.
Мы из-за решетки проклятья им шлем,
По Родине милой тоскуя.
- Нет сил и терпенья в неволе мне жить, -
Рыдая, подруга сказала. -
От тяжелой работы все тело болит,
Всю молодость немцы отняли.
Быть может напрасно мать доченьку ждет.
Ей скажут, она зарыдает.
А дочка в Германии с голоду мрет,
Умрет и никто не узнает.
С одною надеждой глядим на восток -
Спешат нам на выручку братья.
Убьют часового и сбросят замок,
И примут в родные объятия.

Записавший песню (спасибо ему) не забыл отметить (записи эти хранятся в одном из московских архивов), что родом Анастасиенко из села Бобровый кут на Херсонщине. И вот мы (а такие случаи относятся к числу журналистских удач) беседуем с Анастасиенко, ныне Рябовой, Александрой Петровной. Опрятный домик, просторные светлые комнаты, современная полированная мебель, книги, свежие газеты. Словом - достаток. На столе - портрет дочери, ровесницы матери по тем далеким годам. В руках у хозяйки - самодельный альбомчик со стихами. Ему тоже сорок лет, и заполнен он в неволе...

«Да... Четыре раза забирали фашисты молодежь из Бобрового кута...». Летом 1943-го попала и она пятнадцати с половиной лет в третий угон. Пешком через Евгеновку и Васильевку гнали до Снегиревки (В том же московском архиве есть уже упоминавшиеся стихи «ostarbeiter»а Михаила Синицы, в которых автор зовет вспомнить:

Як село наше окружили,
Як привели нас на перон
І як повезли на чужину
Проклять і зойків ешелон).

В Перемышле погиб Витя Горевый - то была первая потеря из третьего угона на горьком рабском пути.

В Бреслау попали бобровокутцы на невольничий рынок. «Построили нас: тут девчат, там - хлопцев. Как скот выбирают на базаре, так и нас: ноги, руки, зубы, мышцы. Леню Захарова и Семена Кудрявцева купили на шахту. Так Сеня и пропал неведомо где. А меня - на сахарный завод в Алт-Яуер. Сфотографировали с номером 28 на груди. Раю Гирченко с номером 25. Как с тавром. Пригнали в бараки за колючей проволокой. Соломенная подстилка на полу, вались покотом. Скот...».

Ой, не співай, соловейко,
Рано-вранці на зорі,
Не завдавай нам печалі,
Бо ми в чужій стороні.

Выше страха и смерти

На чужій сторонущі
Сонечко не гріє.
Без рідної мамочки
Ніхто не пожаліє.
Ти думаєш, ненько,
Що я тут не плачу.
За дрібними слізюньками
Стежечки не бачу.

Через три недели раздали узникам красочные открытки: пишите письма. Все спешили подать весточку домой.

«Здравствуйте, мамочка! - писала Александра. - Как же мы скучаем по вас! Особенно скучаем за дедушкиным портфелем» (это должно было означать, что страшно голодно в Германии, ибо дома, до войны, в школу мама клала в портфель всегда полно вкусной еды). А лагерный рацион был таков: хлеба на день 250 граммов, на завтрак - кружка мути, именуемой кофе, обед - отварная брюква или шпинат, на ужин - кружка поила “вот как руки от теста помыть - такая вода”.

«Да... На другой день увидали мы наши письма в выгребной яме уборной. Поняли: до конца нам писать некуда». Строки из стихотворения «Прощание»:

Не гулять мне как бывало
По украинским степям -
Моя молодость завяла
По германским лагерям...

Рядом был лагерь наших военнопленных, Они и того не имели. Александра с подругами Ниной Павлушенко, Аней Герасимовой, Раей Кобзар, Валею Демчук, возвращаясь с работы, кидали им за проволоку буряки. И это были дорогие подарки - сиянье благодарных глаз.

Потом попали бобровокутцы на завод в Кольберге - до войны там шили шляпы, теперь - изготавливали детали для авиамоторов. Вредили чем могли врагу: отверстие в детали чуть сдвинуто, и она уже негодна. Прогнали «тупых славянок» и определили на завод Карла Вельфа, который своей жестокостью славился далеко вокруг.

«Да... Нарботали мы им и тут... Мастер за нами следил, а мы за

ним». За острый язык выпадали дополнительные издевательства - не раз теряла сознание в чадущих ацетоновых красках. Как торжествовал немец-кассир: «Александра! Иди получать двухнедельную свою зарплату - пять пфенигов. Ха-ха-ха!». Как гордится этим Александра Петровна, а также тем, что швырнула тогда ненавистные гроши на стол кассиру. Надзирательница поучала: «Я, немка, стою, а ты должна бегать!».

«Да... Разные были немцы. Один из надзирателей (узнали мы -это был старый коммунист) с нами был ласков, жалел. Постоянно пересказывал фронтовые сводки Москвы, утешал: «Скоро, мои детки, будете дома. Не печальтесь, фашизму приходит конец». Услышанные от немца-антифашиста добрые вести летели в Александровых письмах в Глогау - до бобровокутских хлопцев и прежде всего будущему мужу Рябову, Александру Степановичу, в Мюнхен - к двоюродному брату Владимиру, в Штутгарт - к двоюродной сестре Елене Назаровой. Владимир не раз остерегал: осторожней, Шура. Однако самонадеянные нацисты плохо контролировали переписку «рабочих с востока», и это спасало и облегчало агитаторскую работу.

Интересно, что за колючую проволоку лагерей в Германии был кем-то завезен и записан во многих альбомчиках знаменитый «Огонек». Помните: «На позицию девушка провожала бойца...»? А ведь популярен он стал уже после оккупации фашистами Украины. Или «Синий платочек» под новым названием «Ost» (такую нашивку обязаны были носить «рабочие с востока») и с новыми словами:

С нежной и милой улыбкой
Ты повстречала меня
В черном жакете,
В белом берете.
«Ost» на груди у тебя.

Может мы встретимся снова,
Время для нас впереди.
Встреча как прежде,
В той же одежде,
Но без «ost»а на груди.

Выше страха и смерти

«Да... В субботу нам давали хлеб на выходной. Мы его, конечно, в субботу и съедали. Голодные все воскресенье. Так мы пели... Как пели! Цивильные немцы специально приходили послушать. А уж мы старались...».

Есть в альбомчике Александры Петровны «Фронтная Катюша» с такими словами:

Разгорелась битва мировая,
Немцы косо смотрят на восток.
Нарушили договор о дружбе
Людоед-Адольф и Риббентроп.
Под Москвой бои были жестоки,
Не одна дивизии легла,
Разгромили впрах Гудериана,
Обратили в панику врага...
Ты шути, громи врага, Катюша,
Пробивай дорогу на Берлин.
Мы тебе, любимая Катюша,
Привезем снаряды и бензин.

«Нравилось немцам наше пение... А уж мы старались!»
Есть в альбомчике стихи-песня «Волга»:

Из-под Волги ветер гонит
Едкий дым пороховой.
Слышно кто-то тихо стонет
За Украиной родной.
Расскажи, кто умирает,
Волга-матушка река,
С чьей груди кровь истекает,
Кому смерть недалека?
Он бесстрашен, поет Волга,
Был за Родину в бою,
Защищал упорно, долго
Мать - родную сторону.
Слава, слава, поет Волга,
Слава тем, кто пал в бою...

В песнях за колючей проволокой были, как видим, воспеты и победа под Москвой, и великая Сталинградская битва, и звучал призыв «пробивать дорогу на Берлин». Вот зачем с таким старанием велись скромные блокнотики-песенники, вот зачем так вдохновенно и вдохновляюще звучали пусть не очень гладкие с точки зрения законов стихосложения, но высокого патриотического звучания строки...

Вот стихотворение “Анюта”:

Дул холодный порывистый ветер,
И во фляге замерзла вода.
Нашу встречу и зимний тот вечер
Не забыть ни за что, никогда.
Был я ранен, и капля за каплей
Кровь горячая стыла в снегу.
Наши близко, а силы иссякли,
И не страшен я больше врагу.
За сто лет мне казалась минута.
Шел по-прежнему яростный бой.
Медсестра, дорогая Анюта,
Подползла, прошептала: “Живой!
Поднимись и взгляни на Анюту,
Покажи, что ты, парень, герой,
Не сдавайся ты смертушке лютой!
Мы еще посмеёмся с тобой!”.
И взвалила на девичьи плечи,
И во фляге согрелась вода...
Нашу встречу и зимний тот вечер
Не забыть ни за что, никогда.

Немало в девичьих лагерных альбомчиках было текстов, которые предостерегали от соблазна недостойный образом облегчить свою участь, призывали свято блюсти честь гражданина Союза ССР.

Не сломались физически, не покорились они духовно врагу.

«Да... На рассвете 12 февраля 1945 года у городка Болкенгай (нас на расчистку дороги выгоняли) увидели мы страшное: чуть стало развидняться, ликвидировали фашисты на наших глазах большой концентрационный лагерь - строили группа за группой -и из автоматов,

в ров... Через день мы с Верой Соколенко и Валей Кулик утехали с работы. Вскорости, однако, поймали нас. И снова в Болкенгай». Снова их гнал немец с автоматом на работу. Да какая уж тут работа - рядом наш фронт. А как завидят девчата наш краснозвездый самолет - не помнят себя, вскочат в рост, кричат и руками машут... В десять часов утра укрывшиеся узницы увидели верховую разведку и парня с повязанной головой и красной звездой на пилотке, Наши! Не знали от радости, что делать, плакали, смеялись...

«Да... Кто по-русски заговорит в те дни, то брат, то наш». Работала Александра некоторое время в советской военной комендатуре Яуера, вела регистрацию немцев. Нет, не опустила она до того оскорбительного пересчета, что совершали с ними в лагере - на работу и с работы, на поверках... Живите и становитесь людьми.

А дома, возвратясь, трудилась с радостным упоением, будто наверстывая потерянные почти два года на фашистской каторге. В родном бобровокутском колхозе, а затем двадцать пять лет ткачихой в Калининском ткацком цехе. Похвальных грамот - не счесть, с Доски почета портрет не снимали, последние три года - победитель социалистического соревнования. Для ткачихи пятьдесят лет - пенсионный возраст. Да разве усидишь дома, если на селе - нехватка рабочих рук? В 1982 году Александра Петровна имела 190 выходов на разные работы в колхозе «Червоний Жовтень». За полгода 1983-го - более 130, Где надо - безотказно туда: на огороды, на ферму, в консервный цех. И не лишь бы для счета, а на совесть, добротню делается дело.

«Да... И для себя - своего авторитета среди людей, и для односельчан, для детей тоже». Сын Александры Петровны Николай трудится в колхозе «Червоний Жовтень», дочь - Валентина -крановщица на судостроительном заводе в Херсоне. «Важно, чтобы шли дети верной дорогой. И внуки тоже - их у меня трое. Свои дети дороги, а внуков пусть кто попробует тронуть...».

Свое отношение к факту, приоткрывшему для них еще одну, трагическую (уже почти что забытую - о тех муках не говорить же на каждом перекрестке) страницу биографии их скромной односельчанки, жители Бобрового кута выразили радушно - в знойную июльскую сушь собрали они по дворам букет цветов. Вручили его

Александр Петровне председатель сельского Совета Леонид Федорович Розсоха и секретарь партийной организации колхоза «Червоний Жовтень» Дмитрий Михайлович Куценко.

Поблагодарила Александра Петровна за внимание и отнесла цветы к памятнику землякам-бобровокутцам, не вернувшимся с войны. О чем думала она в тот миг? Видимо, и о брате своем Михаиле Петровиче Анастасиенко, погибшем в концлагере Бухенвальд, об угнанных вместе с нею в Германию двадцати односельчанах, из которых пришли домой лишь семеро... Обо всех, может быть, мордованных гитлеровской каторгой, о погибших в годы войны соотечественниках.

Сгрудились возле нее в сельсовете почти ровесники ее по тем страшным годам хлопцы и девчата, присели партийный секретарь и председатель сельсовета. Трепетно прикоснулись они к немногим уцелевшим за сорок лет страничкам альбомчика-песенника.

И думали все они, и говорили они все о том, что фашизму и войне не должно быть места на земле.

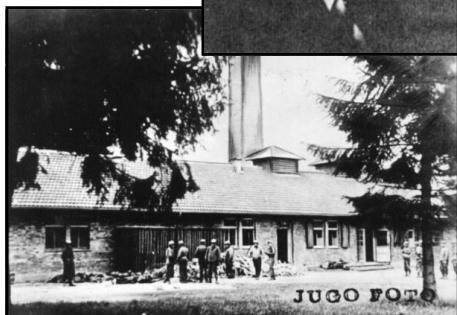
***ТАНГО
СМЕРТИ***

Игриво звучит бравурная мелодия оркестра. А человека на тележке везут на казнь.
Маутхаузен. 1943 г.

Крематорий концлагеря Дахау, во дворе которого Кириленков был расстрелян, а потом сожжен в печи.
Сентябрь 1944 г.

Последнее выступление оркестра Яновского концлагеря. Львов.
Ноябрь 1943 г.

В смотрите в этот снимок (слева внизу)...

За то, чтобы запечатлеть этот трагический миг, человек заплатил жизнью...

Да-да, на снимке, оркестранты, и в их руках музыкальные инструменты. Слышите - Музыка?!

... В правом углу сгрудились фигуры с другими инструментами. Это - эсэсовцы, они здесь для того, чтобы обеспечить ordnung.

Звучит «Танго смерти» - прощальный привет и реквием по узникам фашистского концентрационного лагеря, что на Яновской улице города Львова.

Концлагерь и оркестр?! Да, это еще одна сторона нацистского цинизма. Из заключенных музыкантов гитлеровцы создавали практически во всех крупных лагерях различные по составу оркестры. Их назначение - услаждать в воскресные дни арийский слух эстетствующих палачей прекрасной музыкой. Лагерная музыка являлась также элементом бутафории, демонстрируемой разным международным комиссиям, инспекциям, высокопоставленным нацистским бонзам. Однако музыка эта доставалась и узникам, дарила живо погребенным за колючей проволокой людям хоть миг забвения, будила в их душах и сердцах жажду к жизни и волю выстоять. Но и музыку фашисты превращали в орудие издевательства и пытки.

Смотрите: на тележке - человек, его везут на казнь. Впереди - музыканты. Звучит коронный номер эсэсовского репертуара - бравурный вариант известной мелодии:

Ах, попалась птичка, стой.
Не уйдешь из сети.
Не расстанемся с тобой
Ни за что на свете.

Подобнее практиковалось во многих, печально известных нацистских казнилищах...

Комендант Яновского лагеря оберштурмфюрер СС пожелал иметь собственную, оригинальную музыку для таких акций. По его приказу был арестован и доставлен в лагерь профессор Львовской консерватории Штрикс.

- Вот и хорошо, господин Штрикс, - ухмыльнулся эсэсовец. - Чувствуйте себя здесь, как дома. Мой помощник предложил осчастливить обитателей нашего хозяйства музыкой хорошего оркестра. Что касается музыки, то я ее заказал другому профессору, композитору, он тоже здесь. Вам надо будет только аранжировать мелодию. Вот и будете заниматься своим любимым делом.

Когда через несколько дней принесли ноты, профессор Штрикс, просмотрев их, похолодел. Это была печальная, траурная мелодия, более всего похожая на похоронный марш, Такой же как и он, обреченный на гибель музыкант, вложил в нее нестерпимую боль утраты, безысходность, тоску по свободе.

В числе оркестрантов оказались известные на Украине музыканты. Дирижером стал дирижер Львовской оперы Якоб Мунт. Состоялось первое исполнение оркестром скорбной мелодии, сразу же названной узниками «Танго смерти».

- Кровь стыла в жилах и сердце цепенело, когда оркестр играл это танго, - свидетельствовали очевидцы.

С тех пор постоянно, изо дня в день, из месяца в месяц в течение двух лет звучало в Яновском лагере это «Танго смерти». Под музыку оркестра немцы подвергали узников пыткам, истязали и казнили людей...

В канцелярии Яновского лагеря работал заключенный Штрайсберг. Как-то он сказал своей знакомой, посудомойке на солдатской кухне, что вряд ли кто из узников останется в живых и что надо бы сфотографировать и сохранить до прихода наших снимки, запечатлевшие злодеяния гитлеровцев. Женщине удалось принести из города и передать ему фотоаппарат и пленку. Штрайсберг из окна третьего этажа тайком сделал несколько снимков. Так появилась и фотография оркестра обреченных - сомкнутый круг музыкантов на плацу лагеря. Как ни старался быть осторожным Штрайсберг, гитлеровцы все же узнали об этом. Они повесили Штрайсберга. Но пленки уже были вне лагеря.

Вспомните в этот снимок...

Серый ненастный день ноября 1943 года. Грозный рокот канонады - ко Львову приближаются советские войска. Наступила трагическая развязка.

Оркестрантов на плацу поставили в круг. Раздалась команда: «Музик!». Дирижер Мунт привычно взмахнул рукой. Над лагерем понеслись терзающие душу звуки. И тут грянул выстрел - первым от пули палачей пал дирижер. Но, вздрогнув, музыка продолжала звучать. Как можно громче старались играть музыканты, сознавая, что на сей раз они исполняют реквием самим себе...

По приказу коменданта каждый оркестрант выходил в центр круга, клал свой инструмент на землю, раздевался донага. Грохал выстрел, человек падал, его предсмертный стон сливался с мелодией «Танго». Вот уже замолкла первая скрипка... Вся группа смычковых сократилась наполовину... Один за другим падают флейтисты, валторнисты, гобоисты... С каждым выстрелом все тише становились звуки музыки, все слышнее были крики умиравших...

Тут я хочу сказать еще об одном музыканте - трубаче Алексее Кириленкове. Выпускник Московской консерватории, он перед войной был первой трубой в Государственном джаз-оркестре СССР и солистом Московской оперы, с неизменным успехом выступал как в столице, так и в разных городах страны. По мнению музыкальных авторитетов, молодой артист, обладавший великолепной техникой пальцев и губ, несомненно стал бы нашей гордостью и превзошел бы своим искусством всемирно известных мастеров (В московском Доме звукозаписи среди уникальных музыкальных записей и поныне хранится запись негритянского блюза в исполнении А.И.Кириленкова). Но тут грянула война. В составе фронтовой концертной бригады Кириленков попал под Вязьмой в окружение, в плен. В лагерях активно включился в подпольную антифашистскую работу, за что в 1943 году и оказался в концлагере Дахау.

Узники узнали, что Кириленков музыкант, и через несколько недель он стал уже самым популярным солистом лагерного оркестра. С виртуозностью подлинного мастера он исполнял зажигательные кавказские танцы, грустные мелодии монгольских степей, русские народные песни и уличные песенки, изысканные парадные мотивы и оперные арии...

Друг и соратник Кириленкова по лагерным мукам, австрийский публицист Рудольф Кальмар напишет потом: “Узники с благодарностью принимали эти радости в безрадостности своих буден. И если нам удавалось с помощью этой музыки вырвать для заживо погребенных за колючей проволокой хоть несколько часов ничем не отягощенного забвения, то даже самый скромный артистический труд был в тех невероятных лагерных условиях подобен подвигу. Всякий раз ему бурно аплодировали тысячи людей. То были самые благодарные и самые искренние аплодисменты, какими когда – либо мог быть награжден музыкант. Он сам солировал с оркестром или я аккомпанировал ему на старом рояле”.

Однажды Кириленкова увезли в Мюнхенское гестапо, подвергли допросам и пыткам, а затем, возвратив в Дахау, поместили в изолированный от остального лагеря штрафной блок.

3 сентября 1944 года оркестр заключенных должен был дать два концерта - для эсэсовцев, а потом - для своих товарищей. Накануне, в субботу, дирижер-итальянец по договоренности с подпольщиками заявил через лагерфюрера коменданту лагеря, что без русского трубача-виртуоза оркестр не сможет играть - не получится. Когда Кириленкова привели из штрафблока, оркестранты дали ему еды, курево, принесли его трубу. После репетиции - снова в штрафблок, наутро - в оркестр. Товарищи постарались сделать концерт для эсэсовцев покороче, причем выбрали такие вещи, в которых почти не было сольного исполнения на трубе. Зато после обеда оркестр играл для заключенных до самого вечера.

Голландский журналист Нико Рост, нелегальный летописец лагеря, так отразил в своем дневнике события этого дня: “Огромная площадь была загружена людьми в полосатых куртках. Они простояли, не шелохнувшись, несколько часов под палящими лучами солнца”.

Почти все время солировал Кириленков. «Грустная песня» Чайковского, ария из оперы Римского-Корсакова «Садко», «Серенада» Шуберта, «Почта в лесу» и старинное соло «Пусть хранит тебя Бог, ведь было так чудесно...» из «Трубача из Зеккингена», соло для трубы из «Лебединого озера», «Ивана Сусанина», «Князя Игоря»... Алексей вкладывал в этот концерт, в эти мелодии всю свою любовь к музыке, к жизни, к Родине. Он, видимо, забыл и о тупорылых пулеметах, глядящих на апельсплатц с вышек, и о том, что его уже завтра не

будет на свете. Он жил сейчас целиком в мире прекрасных звуков, где не было места ни для палачей в черных мундирах, ни для смерти. Из его трубы высоко в небо неслись ликующие и печальные мелодии, но серебрянный голос его трубы пел о жизни на земле, которая торжествует, несмотря ни на что «(Была сработана идеологизированная версия финала этого прощального концерта: «Кириленков, вскинув трубу к губам, вознес над площадью суровую, тревожную, призывную мелодию «Священной войны»! «Вставай, страна огромная...». На него накинулись эсэсовцы...»).

Действительное было обыденнее и трагичней. По свидетельству Кальмара, аккомпанировавшего ему в том, последнем его выступлении, Кириленков еще раз “исполнил партию из оперы «Садко» - эту скорбную песнь русских просторов. Никогда не слышал, чтоб он так играл...».

Очевидцем этого прощального концерта был семилетний узник Дахау Витя Декалюк (с 2003 года В. Ю. Декалюк возглавляет совет Донецкого областного отделения Украинского союза узников-жертв нацизма).

Закончив, Кириленков поцеловал свою трубу и отдал ее дирижеру. Попрощался с оркестрантами. Под конвоем эсэсовца трубач ушел в штрафной блок. На другой день Алексей Иванович Кириленков (конспиративная кличка «Музыкант») в числе 92 руководителей и активистов подпольной антифашистской организации «Братское сотрудничество военнопленных» был расстрелян и сожжен в крематории Дахау.

... А на плацу Яновского лагеря, в центре обреченного и уже растаявшего круга, лежала кучка инструментов, одежда и тела оркестрантов. Перед эсэсовцами остался один профессор Штрикс, продолжая в одиночестве исполнять «Танго смерти»

- Господин профессор, ваша очередь, - с ухмылкой сказал комендант лагеря. - Командование благодарит вас за музицирование, оно доставило нам истинное удовольствие.

Гордый старик бережно опустил скрипку на грудь инструментов, воздел смычок и, в такт рассекая им пространство, запел на немецком языке польскую песню: «Вам завтра будет хуже, чем нам сегодня...». Глумливые ухмылки сошли с лиц палачей. Выкрикнул комендант, и эсэсовец выстрелил. Пуля оборвала профессора на полуслове.

Так погиб оркестр Яновского лагеря. Истекал ноябрь 1943-го.

Сама процедура расстрела музыкантов была, несомненно, выбрана каким-то эсэсовским знатоком музыки в подражание исполнению «Прощальной симфонии» И. Гайдна. Симфония эта исполняется при свете свечей, установленных перед каждым попитром. Закончив свою партию, музыкант гасит свою свечу и покидает сцену. Наконец, остается один исполнитель. Истаивает последний звук. Солист сбивает смывчком пламя свечи и уходит под рукоплескания зала.

В Яновском лагере не было ни свечей, ни рукоплесканий. Но жизни заключенных музыкантов гасли под пулями фашистов с такой же неотвратимостью, как огни над попитрами при исполнении симфонии Гайдна.

Сорок музыкантов дополнили счет 200 тысяч узников, уже уничтоженных гитлеровцами в Яновском лагере. Это столько, сколько в таких всемирно известных казнилищах, как Бухенвальд, Маутхаузен и Дахау вместе взятых. Вместе взятых!?

Ни имени автора «Танго смерти» установить, ни восстановить нот не удалось. Рожденное за колючей проволокой лагеря смерти, оно там и умерло. А вот труба Алексея Кириленкова, спасенная узниками Дахау, вернулась на Родину. В Москву, в его семью...

* * *

Скорбный перечень имен талантливых музыкантов - исполнителей и композиторов, геройски павших на фронтах Великой Отечественной войны и погибших в фашистском плену, не короток: уроженцы Киева Михаил Душский и Александр Мипоз, москвичи Борис Трошин, Владимир Кривоносов, Абрам Дьяков, Виктор Морошкин, волжане Николай Голубев и Александр Окаемов, ростовчанин Константин Шилтов, ашхабадец Алексей Головков, чебоксарец Владимир Иванишин, бакинец Михаил Чагалян...

Да будут вечно хранимы светлые их имена в нетленной памяти народа.

ЕЩЕ ЖИВ!

*В. (Н.) Бурнусенко,
другу-журналисту
бывшему
военнопленному*

С работы изгнали у нас журналиста
За то, что был он в плену у фашистов.
Изгнали с презреньем, изгнали с позором,
С ехидным и злым беспощадным укором
За то, что он в плен без сознания попался,
За то, что в плену он живым оставался,
За то, что вины своей кровью не смыв,
Еще жив.

С работы изгнали у нас журналиста -
Все сделано было законно и чисто -
За то, что с именем павшего брата
Он спасся и не был сослан куда-то,
За то, что его не превратили
В пылинку из страшного облака пыли
И он (вот нахал) всех и вся обхитрив,
Еще жив.

С работы изгнали у нас журналиста.
Приказ - как выстрел и взгляды - как выстрел.
Как загнанный волк, он один в коридоре,
И коридор, словно путь в крематорий...
Он камер избегнул, а в миг тот, поверьте,
Он вспомнил, как о спасенье, о смерти
И пожалел, что, по сути не жив,
Еще жив.

С работы изгнали у нас журналиста.
Куда же деваться?! И двести, и триста
Дверей перед ним, отвергая, закрылось
А он - к триста первой!.. Скажите на милость.
Опять добивается журналистить.
Пошел бы уж лучше уборные чистить...
Он был, безработные зубы сцепив,
Еще жив.

Недавно я встретил того журналиста,
Вновь журналиста. Опять журналиста!
Минувшие годы мы с ним вспоминали
И тех, кто в те годы его изгоняли...
Преуспевают они и сегодня,
Хоть сердце у них, словно пес в подворотне.
Того и гляди снова вдруг завизжит:
Еще жив!?

1953 - 1970 Херсон-Симферополь

На снимке: А он все еще
жив, этот скелет из Дахау.
И это - его победа. 1944 г.

БУХЕНВАЛЬДСКИЙ УРОК

Учиться, чтобы жить,
И жить, чтоб победить

Дети Бухенвальда. Рисунок Р. Ф. Ефименко

Роман Федорович
Ефименко.
Автопортрет.
28 апреля 1944 г.

Дончанин Гаврила Иванович Кривонос только что завершил рассказ о Бухенвальдском восстании и об уроках патриотизма в подпольной школе, присел и снова почувствовал себя школьником 1944 года и бойцом 1945 года. 11 апреля 1987 г.

Итак, дети, - по-домашнему негромко, но торжественно-взволнованно сказал высокий седой человек. - Поздравляю вас с началом учебного год! Великий немецкий поэт Генрих Гейне утверждал:

«Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой». Так вперед же, друзья! За дело.

Так в блоке № 8 начался первый урок подпольной школы Бухенвальда. Здесь содержалось около четырехсот детей от 7 до 17 лет - сыновья расстрелянных партизан, партийных и советских работников, командиров Красной Армии, ребяташки из Польши, Югославии и других стран. Старших эсэсовцы гнали на работу в тяжелых командах, дети до 12 лет не работали. Немало из них не успели постичь грамоту. Этим озаботились советские подпольщики. С помощью немецких, чешских и французских товарищей достали бумагу, карандаши, ручки, мел и небольшую доску, маленькие счеты. Даже несколько учебников на русском языке, невесть как попавших в концлагерь, отыскали на складе. Разработали учебный план, сформировали группы.

Для обеспечения дела интернациональная подпольная организация сумела устроить штубовыми (дежурными) по блоку № 8 советских военнопленных Николая Задумова, Яна Гофтмана (дядя Яша), Владимира Холопцева.

И вот ученики сидят за столами. Выставленные подпольщиками посты зорко следят за подходами к блоку. Поздравительное слово сказал директор и завуч этого необычайного учебного заведения старый учитель из Днепрпетровска Никодим Васильевич Федосенно, по отзывам знавших его - великой души человек. Начинался февраль 1944 года.

С этого дня распорядок для семидесяти младших стал такой: подъем, проверка, физзарядка, которую проводил Петр Авдеенко, уборка в блоке, туалет, завтрак. И - занятия.

Федосенко побуждал своих воспитанников помнить кто они и откуда,

учил чтению, счету, письму. Ему помогали Александр Головки и Николай Иванов. Николай Кюнг вел занятия по истории и географии - в школе даже имелась русская географическая карта. Большое значение придавалось пониманию немецкого языка - это оберегало узников от многих неприятностей. Привлекались к преподаванию и лагерные художники - они давали детям навыки рисования.

Одним из них был Роман Ефименко - впоследствии известный донецкий художник-график. Рисовальщик божьей милостью, он посвятил любимому делу всю жизнь. В любых обстоятельствах, даже в лагере смерти, как только предоставлялась возможность, он брал в руки карандаш. И стал летописцем борьбы и победы узников Бухенвальда. А до этого было окружение, каторжные работы в Германии и за саботаж - концлагерь. Затаясь в укромном уголке, охраняемый товарищами, он запечатлевал лица соотечественников - руководителей и борцов бухенвальдского подполья, друзей-антифашистов - немцев, поляков, чехов, голландцев, датчан, французов.

Через много лет в его маленький домик на Еленовской улице почтальон принесет вот такое письмо от президента Французской Республики: «Мосье, я был тронут, получив портрет своего шурина, так искусно выполненный Вами во время Вашего совместного заключения в концентрационном лагере Бухенвальд. Вы проявили чувства дружбы к французскому народу. Искренне Вас за это благодарю. Шарль де Голль».

Впечатляющая особенность портретов лагерных соратников Ефименко: вы не увидите здесь павших духом, смирившихся, покоровшихся. Да, они измучены убийственным трудом и беспредельным голодом, но это - Люди, Борцы, Победители.

Такими выглядят на рисунках Ефименко и дети Бухенвальда - ученики школы...

В случае опасности дозорные сигналом извещали учителя, он давал знак, и дети без суеты и шума расходились по своим местам, надежно прятали школьные принадлежности.

Когда в конце 1944 года в восьмой блок поступило двести еврейских детей из Венгрии, ученики и учителя подпольной школы взяли их под свою опеку, а педагоги организовали занятия по русскому языку.

Завершался учебный день уроком нравственности. Нет, это не был менторский диктаж перечня правил хорошего тона. Каждому ученику вручался подарок - бесхитрое угощение, составленное из

Выше страха и смерти

добровольных пожертвований взрослых узников от своего скудного лагерного пайка, и продуктов, добытых Эрнстом Буссе и другими немецкими товарищами. Эта трапеза - безмолвный акт: «Возлюби ближнего как самого себя», «Помоги слабому».

Вечерами для вернувшихся с работы старших детей блока № 8 давался урок патриотизма. Его вел член Русского военно-политического центра, входившего в Интернациональный лагерный комитет, Николай Кюнг. Темы его бесед четко целенаправленны: «Разгром Александром Невским шведов и немцев на Чудском озере», «Дмитрий Донской и Куликовская битва», «Северная война и битва под Полтавой», «Минин и Пожарский в Отечественной войне 1812 года», «Отечественная война советского народа». Эти уроки патриотизма на всю жизнь запомнились нашему земляку Гавриле Ивановичу Кривоносу, проживающему ныне в Донецке.

Программой целью школьных занятий было поддержание в детях интереса к жизни, воспитание гуманизма, человечности, чувств интернационального единения и патриотизма. И дети из страдальцев-заморышей преобразались в борцов - непримиримых борцов против фашизма.

Существование школы и ее работа (последним днем занятий было 1 апреля 1945 года) так и остались для эсэсовцев тайной.

Урок нравственности (поделись последним с более слабым!) в концлагере Равенсбрюк. Рисунок неизвестного автора

В концлагере Освенцим фашисты поместили двести детей, вывезенных из Смоленской области, Белоруссии и Украины, в отдельный блок № 15. Подпольному Интернациональному центру удалось устроить сюда советских учительниц Нину Гусеву и Надежду Котенко. Они учили детей грамоте, читали по памяти сказки, рассказывали о Родине, устраивали игры - делали все, чтобы как-то облегчить участь маленьких узников. За детьми по-матерински ухаживали врачи Ольга

Никитична Клименко, Любовь Яковлевна Алпатова и студентка Ростовского мединститута Зоя Таралина. Детям доставали теплую одежду, помогали продуктами, оберегали от побоев надзирателей. Наша землячка-дончанка М. С. Серебрякова навсегда сохранила чувство глубокой благодарности к Любви Яковлевне Алпатовой, которая в Освенциме спасла ее от смерти.

В учебных занятиях черпали духовные и физические силы для мужества и борьбы за жизнь не только дети, но и взрослые узники нацизма. Конспиративные школы (кружки) действовали во многих фашистских лагерях на территории Германии, Австрии, Польши, Румынии, даже на нашей оккупированной территории. Вот некоторые примеры.

Рабочий лагерь «№ 13-Ц». Хаммельбург. Здесь действовала, как вспоминает один из ее учащихся Г. К. Сырков, настоящая фельдшерская школа. В лагерном лазарете «врачи читали лекции с видимым удовольствием. Мы получали знания по фармакологии, учились разбираться в лекарствах, готовить и применять их. Постоянно шли практические занятия, которые особенно интересно проводил опытный врач Николай Иванович Меркулов. А потом нас экзаменовали. Представьте только себе: полуживые люди отвечают пленным изможденным экзаменаторам, делают повязки, инъекции, ставят диагноз. Оценкой был вывод: ученик усвоил науку, сможет помочь больному. Так я стал фельдшером. На всю жизнь».

Они встретились вновь, моряки, прошедшие крепость-тюрьму Вюльцбург.

Снимок из газеты "Правда" за 15 апреля 1988 г.

В баварской крепости Вюльцбург, куда немцы заключили команды шести советских судов интернированных в портах Германии в первые дни войны, была организована мореходная

школа. Капитаны Леонид Новодворский, Хрисанф Балицкий, Савва Дальк, Михаил Богданов обучали молодых товарищей штурманской науке, судовые механики Алексей Устинов и Владимир Шилин вели занятия по своему делу. И для учителей, и для учеников учеба в фашистском застенке была своеобразным средством поддержать дух и веру в будущее. По рукам ходил макет диплома со штампом: «Подлежит обмену в Балтийском морском пароходстве». После войны знания уцелевших «курсантов» из крепости Вюльцбург были высоко оценены уже на настоящих квалификационных экзаменах в Ленинграде.

То, что вы прочтете сейчас, с сегодняшних высот может быть воспринято неадекватно. Но попробуйте-ка поставить рядом два понятия: история коммунистической партии и фашистский лагерь смерти. Да, в концлагере для женщин Равенсбрюк действовала подпольная школа по изучению истории ВКП(б). Ее организатором и лектором была Евгения Лазаревна Клем (подробно об этом рассказано в очерке «Сквозь ад Равенсбрюка»). Эти занятия вооружали слушателей опытом конспиративной работы, вдохновляли на борьбу. И крепло мужество и интернациональное единение узниц.

Опыт организации детской школы подпольщикам Бухенвальда пригодился при подготовке вооруженного восстания. Из цехов «Густлов-верке» по деталям проносилось в лагерь и собиралось оружие. В этом смертельно опасном деле непосредственно участвовал наш земляк Иван Михайлович Булгаков, ныне проживающий в Макеевке. Только из советских военнопленных было тайно сформировано 56 боевых групп, налажена боевая учеба. По рукописным памяткам бойцы освежали знания боевого устава пехоты, способы ориентировки на местности, изучали тактику партизанской борьбы, учились пользоваться самодельными компасами и рисованными топографическими картами окрестностей лагеря. В блоки поочередно (один неверный шаг - и провал, смерть!) доставлялись образцы немецкого оружия для изучения: винтовка, пистолет, ручная граната, бутылки с горючей смесью. После вечерней поверки 5-6 человек сходились в умывальне или уборной, выставляли дозор, запирали двери. Так проводились занятия в 44, 20 и 30 блоках, где содержались советские люди. Кроме того, из узников 44-го блока

была укомплектована авторота, и ее командир Геннадий Щелоков проводил занятия по автоделу. Они готовились к тому, чтобы использовать бронемашину и грузовики в момент восстания.

Вся эта учеба дала свои плоды, когда 11 апреля 1945 года в 15 часов 15 минут по призыву Интернационального центра 178 боевых групп узников Бухенвальда штурмом взяли укрепления эсэсовцев и водрузили над брамой Знамя Свободы.

* * *

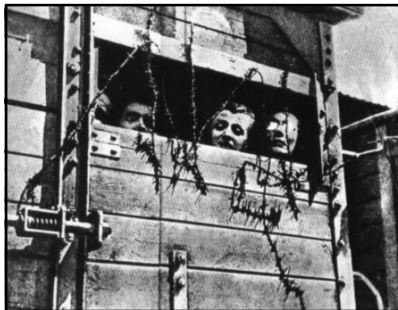
В своих публичных лекциях, особенно перед молодежной аудиторией, по истории антифашистского движения Сопротивления и участия в нем советских людей я с благодарностью и благоговением поминаю Учителя Федосенко Никодима Васильевича, его соратников – педагогов подпольной школы и с акцентом цитирую Гейне:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой!

1970 - 2003 Москва-Киев-
Днепропетровск-Донецк

ОДИН ЗА ТРОИХ

*С. П. Страху –
свинарью-механизатору,
ветерану
Великой Отечественной войны,
бывшему военнопленному*

Колеса бились на стыках рельс,
Стуча эшафотную дробь,
И мчали пленных в последний рейс,
Дорогой короткой - в гроб.
Вагонов много! И все - как один.
И жизни немного в них.
И каждый от трупов непроходим.
И каждый давно утих...
Утих ли?

В окошка звездной дыре
Качнулся, как тень, силуэт.
Он так не хотел, силуэт, умереть!
И выдохнул горько: «Нет...».
О, как же далек ты,
с холодной звездой
Свободного неба клочок...
И рядом с первым - дыбом второй,
Как первый - и он изнемог.
В вагон их бросили больше, чем сто,
И ста уж окно ни к чему.

И вдруг из-за трупов кричащий стон,
И двое ползут к нему.
А третий: «Видел... Один не уйдешь -
Нет мочи окошко достать».
И первый сказал тем двоим:
 «Ну ж то ж.
Так приступом будем брать!».
Надеждой вспыхнуло шестеро глаз,
Пришлось четверым остыть:
«Ты, третий, сильней, чем любой из нас.
Ты должен остаться жить!».
На четвереньки - один силуэт,
Тень рядом, и третьему: «Лезь!»
«Так... Поднатужься!»
 «России привет...»
И третий в дыре исчез.
Колеса стучали на стыках рельс
И эхо вторило им.
 Двоих тех умчал крематорный рейс,
 А третий ушел к живым...
Горящий Берлин. Слова на стене:
«Нас трое, и вот вам сполна!»
И не было надписи той видней,
А подпись была одна.
 Нас трое!..
 Мелькает лет перестук.
 Но нам постареть нельзя...
Работая сразу за шестеро рук,
Тот, третий, живет не зря.
Он долг перед теми, двумя, не забыл,
Он помнит о тех, двоих!
И дней не щадя, не жалея сил,
Живет и творит за них.

1961 с. Князе-Григорьевка-Херсон

На снимке:

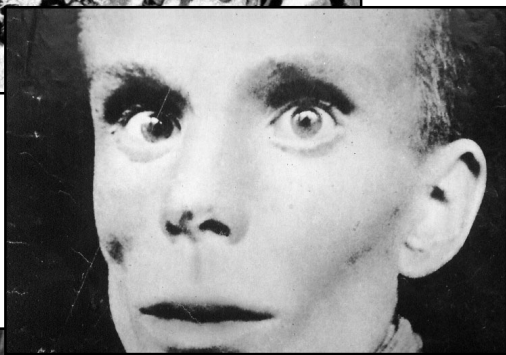
В вагоне смертников. 1942 г.

***ГРОЗДЬЯ
ГНЕВА***

Хроника
антифашистских
выступлений
узников
нацизма

Восставший Бухенвальд. Рисунок узника и участника восстания Бориса Теслицкого (Франция).

Это взор не раба, но война.

Узники блока смертников № 20 концлагеря Маутхаузен устремились в свои последний бои. Рисунок неизвестного автора.

Каждый год 11 апреля отмечается Международный день освобождения узников фашистских концентрационных лагерей. 11 апреля потому, что в этот день 1945 года узники концлагеря Бухенвальд подняли вооруженное восстание, изгнали эсэсовцев и совершили акт самоосвобождения. Героический подвиг!

Однако факт этого восстания не следует воспринимать, как исключительное явление в истории антифашистского движения Соппротивления в годы Второй мировой войны. До него, одновременно с ним и после него подобные восстания имели место. В них самое активное участие принимали наши советские люди, особенно - военнопленные. Именно они составляли костяк национальных военных секций подпольных Интернациональных комитетов, помогали разработать планы подготовки и руководить вооруженными восстаниями узников лагерей и тюрем.

По своему характеру и течению эти восстания можно квалифицировать как:

- Вспышки гнева безоружных или вооружающихся в ходе выступления за счет фашистских охранных подразделений пленников;

- Тщательно подготовленные вооруженные акции с предварительным конспиративным накоплением оружия, обучением боевых групп, выработкой тактики и точным выбором момента восстания;

- Использование советскими военнопленными, принужденными, спасая жизнь, вступить в созданные под эгидой германского вермахта национальные воинские части, оружия против своего врага - гитлеровского фашизма.

В основной своей массе советские военнопленные с первых же дней неволи всячески противились попыткам гитлеровцев использовать их против советского народа, искали возможность продолжить борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. В случаях, когда здравый смысл и обстоятельства допускали это, они отвечали на силу силой, на насилие - насилием, то есть вооруженными выступлениями.

СВОБОДА ИЛИ СМЕРТЬ

Цель восстания - вырваться из лап эсэсовцев. Вырваться с оружием или даже без оружия в руках. И массовая акция неповиновения, массовый жертвенный побег - разве не восстание?

1941 - 1945 годы

Вот что произошло в начале августа 1941 года в лагере Сухожебры у железнодорожной станции Поднесьно (Польша). Тысячи привезенных сюда советских военнопленных по сигналу бросились на конвоиров, на ограждения из колючей проволоки, прорвали их и вырвались на свободу. Большинство их (уже не пленники, а снова - бойцы!) пало под пулеметными очередями, однако часть смогла уйти.

15 августа того же 1941-го с одной из железнодорожных станций под Торунью (Польша) сразу же по прибытии туда транспорта с пленными бежало 340 красноармейцев и командиров.

Уникален по своему трагическому звучанию подвиг советских военнопленных - безруких и безногих калек 24 декабря 1942 года под Бердичевом. Ночью из лазарета каратели стали их вывозить ко рву на расстрел. Вторая группа, каким-то образом узнав о гибели первой, кинулась на своих палачей, разоружила и перебила их, помогла освободиться третьей группе. Представьте себе: они скрываются в ночи кто как способен: бегом, ползком, скоком, опираясь на плечо безрукого товарища. Известно, что некоторым из них удалось спастись.

16 июля 1943 года во время ночной воздушной тревоги в Дахау из концлагерной рабочей команды «Прецификс» бежало четыре советских узника. Через двенадцать дней из другой команды этого концлагеря бежало 37 советских граждан.

В августе 1943 года из Майданека, прикончив косами четырех конвоиров, бежало 13 военнопленных, занятых на жатве. Эти побег все чаще сопровождался нападениями на эсэсовцев и уничтожением их. Девяносто процентов пленных, совершивших до сентября 1943 года побег из лагерей в Италии, являлись советскими людьми.

Согласно данным полицейской статистики, из одного только Освенцима с 22 января по 8 июня 1944 года бежало 29 советских военнопленных. И только в июле зафиксированы побег 6 военнопленных из лагеря в Меве (Западная Пруссия), 10 из рабочей

команды Ильдерн в районе Неймарк, 9 советских офицеров из лагеря в Быдгоще и 8 из рабочей команды в Вейльберге, 46 советских военнопленных из двух железнодорожных эшелонов, следовавших из Быдгоща в Пилу и из Рунова в Штаргард.

10 августа из лагеря военно-воздушных сил в Хазельтале бежало 33 советских военнопленных, 28 августа из лагерей в Олехове и Притлице - 42, 27 октября из лагеря в Кенигсберге - 30 советских офицеров.

По официальным данным немецких властей на территории Германии и оккупированных ею стран только в 1941 - 1944 гг. из различных лагерей было совершено 66.694 побега узников.

Бесстрашие и отвага, проявляемые советскими военнопленными, рождали прямо-таки невероятные случаи. Бежали пленники, закованные в кандалы, улетали на вражеских самолетах. То, что произошло в концлагере Свинемюнде (на острове Узедом в Балтийском море) по своей необычности и беспрецедентности занимает особое место в истории движения Сопротивления в годы Второй мировой войны. 2 февраля 1945 года советский военнопленный летчик-истребитель Михаил Девятаев вместе с девятью товарищами захватил на аэродроме Свинемюнде немецкий бомбардировщик «Хейнкель-III» и взмыл в небо. Несмотря на преследование вражеских истребителей, Девятаев долетел до своих войск и посадил на пашне захваченный самолет.

Эти побег-восстания начались, еще раз подчеркнем, с первых месяцев войны и продолжались вплоть до Победы. Общее число вырвавшихся из немецкой неволи советских военнопленных достигает 450 тысяч человек. Они стремились на свободу для продолжения борьбы с врагом и незамедлительно включались в нее, вливаясь в подпольные организации антифашистского Сопротивления и партизанские отряды, укрепляя их своим боевым опытом, создавали самостоятельные отряды на территории не только Украины, Белоруссии, России, но и Польши, Чехии, Словакии, Югославии, Австрии, Италии, Франции, Бельгии, Болгарии, Греции, Голландии, Норвегии и даже - в Германии. В нашей великой Победе неоценим вклад этих героических борцов с гитлеровским нацизмом.

С ОРУЖИЕМ В РУКАХ

Пребывание в стационарных местах изоляции - шталагах, офлагах, штрафных и концентрационных лагерях, в тюрьмах - открывало возможность для консолидации и интернационального единения узников, для выявления людей, способных организовать сопротивление и здесь, за колючей проволокой, для тщательной и всесторонней подготовки вооруженных выступлений. Вот хроника вооруженных восстаний узников нацизма.

1943 год

16 февраля началось восстание в городе Павлограде Днепропетровской области. Военнопленные Павлоградского лагеря установили тесную связь с местными подпольщиками и хорошо подготовили выступление. Под руководством лейтенантов С. А. Чумака и И. Г. Носача было сформировано 35 боевых групп. Командиром объединенных сил стал майор П. А. Кравченко, начальником штаба - старший лейтенант К. В. Рябой. Восставшие разгромили местный немецкий гарнизон и встретили подошедшие советские войска как победители.

2 августа узники-смертники лагеря уничтожения Треблинка (Польша) овладели складом оружия и устремились к свободе. Многие погибли в неравном бою, но некоторым удалось уйти от погони. В это же время восстали узники Белостокского гетто (Польша), которыми руководила сильная подпольная организация, связанная с советскими партизанами. Восставшие противостояли гитлеровцам месяц и восемь дней.

14 сентября в лагере уничтожения Собибор, что в сорока километрах севернее Хелма (Польша) произошло восстание обреченных. В течение трех недель готовились к этому подпольщики во главе с лейтенантом Красной Армии Александром Печерским. Восставшие разоружили и убили более десяти эсэсовцев и охранников, захватили оружейный склад и, отстреливаясь, вырвались за пределы лагеря. На свободу устремилось более 500 узников, пробилось же к белорусским партизанам только сорок человек - сорок бойцов возвратились в строй.

В ночь на 30 сентября вступили в схватку с врагом 300 смертников Бабьего яра в Киеве. Руководил подготовкой восстания чекист Федор Ершов. По его команде безоружные пленные внезапно напали на

вооруженную охрану. Большинство восставших погибло в этом последнем бою, но двадцати военнопленным посчастливилось вырваться за пределы лагеря. Они донесли до нас весть об этом подвиге.

1944 год

С начала 1944 года во всех двадцати лагерях на территории Франции, где содержались советские люди, были созданы комитеты Сопротивления. Они вели патриотическую пропаганду, формировали боевые организации. С мая начались массовые побеги советских военнопленных. Бежавшие вливались в боевые формирования французского Сопротивления, создавали отряды, полностью состоявшие из советских людей, давая им названия имени Чапаева, Ковпака, «Родина», «Донбасс», «Свобода».

В трех департаментах северной Франции действовало 6 партизанских отрядов советских военнопленных, насчитывавших более 400 бойцов.

На юге Франции на базе возникших отрядов советских партизан был создан 1-й советский партизанский полк, которым командовал майор А. А. Казарян.

С июля по День Победы в провинции Лимбург (Бельгия) военные действия против немцев вела боевая часть под названием «Бригада «За Родину!». Она была сформирована из бежавших из плена

Бойцы 1-го советского партизанского полка, которым командовал майор А. А. Казарян. Франция. 1944 г.

Бойцы первого отряда партизанской бригады "За Родину!". Бельгия. 1945 г.

советских военнопленных и состояла из семи отрядов общей численностью от 300 до 500 человек. Организаторами и руководителями русской (советской) партизанской бригады были подполковник К.Д. Шукшин, лейтенанты И. А. Дядькин и А. В. Воронков, старший политрук Г. Ф. Маринов, сержанты Зеньков и Боборыкин. Действуя самостоятельно, но в координации с армией бельгийских партизан, бригада нанесла врагу существенный урон.

На территории Люблинского и Келецкого воеводств (Польша) только в отрядах Гвардии Людовой и Армии Людовой сражалось до 10 тысяч советских граждан, а две партизанских бригады на 85 процентов состояли из советских военнопленных.

25 августа в штрафной тюрьме города Слобозия (Румыния) началось восстание советских военнопленных офицеров, которых перевели сюда из лагеря в городе Калафат. Руководили восстанием полковник В. В. Хазанович и батальонный комиссар А. Е. Рындин. Разделавшись со своей охраной и вооружившись, 430 восставших двинулись к расположенному поблизости лагерю пленных красноармейцев, где содержалось полторы тысячи человек, и освободили их. В ходе боев, которые продолжились до 1 сентября, было уничтожено и пленено около 800 немецких солдат и офицеров, взяты большие трофеи. Подошедших к лагерю советских танкистов вчерашние узники встретили с оружием в руках как готовая к бою часть Красной Армии. Воодушевленные своими товарищами, подняли

восстание и узники лагеря военнопленных в Калафате. С Дуная их обстреляли три немецких канонерских лодки, появились убитые и раненые. Тогда узники разоружили охрану, вооружились сами и захватили румынскую артиллерийскую батарею. Из ее орудий они расстреляли канонерки, две из которых были потоплены. Колонна из двух тысяч освободившихся пленных выступила навстречу советским танкам.

7 октября узники филиала лагеря уничтожения Освенцим (Польша) Бжезинки (Биркенау), работавшие в команде по сжиганию трупов, схватили ненавистного оберкапо (старшего надзирателя), связали его и швырнули в печь, куда он отправил до того тысячи жертв. И подожгли весь третий крематорий. В течение пятнадцати минут был разгромлен барак внутренней охраны. Вооружившись заранее припасенным и отнятым у врага в ходе восстания оружием, они сделали в проволочном ограждении проход и вырвались за пределы лагеря. Большинство из них погибло с оружием в руках, отбиваясь от преследователей. Это было самое массовое в истории Освенцима выступление узников.

В составе Югославской народно-освободительной армии прославились героизмом и дерзкими боевыми действиями бойцы 1-й Советской ударной бригады, которую возглавлял военный моряк А. И. Дьяченко.

В группе партизанских дивизий «Модена» (Италия) одной из самых боевых частей был русский ударный батальон под командованием В. Я. Переладова.

1945 год

В конце января работавшие на химическом заводе в районе Дрездена (Германия) советские военнопленные перебили охрану лагеря, вооружились и бежали в леса. Созданный ими отряд, которым командовал Серафим Шумилин, носил название «СССР». Это был первый и единственный случай действия советских партизан на территории Германии.

Самым страшным местом в концлагере Маутхаузен (Австрия) был блок № 20 - тюрьма в тюрьме. Здесь содержались приговоренные к смерти: летчики, политработники, другие «неподдающиеся

исправлению» советские военнопленные. Офицеры Герой Советского Союза Николай Власов, Александр Исупов, Кирилл Губченков были единодушны в том, что лучше пасть в последней битве с эсэсовцами, чем идти на смерть без боя. Началась подготовка восстания: подобраны штурмовые группы, подготовлено оружие - камни, обломки бетона, два огнетушителя - ослепить пулеметчиков на сторожевых вышках и дать возможность восставшим преодолеть оградительную стену. Предатель сделал свое черное дело: 27 января все 17 человек, входивших в руководящее ядро, были расстреляны. Однако в ночь на 2 февраля смертники ринулись на врага. Руководство восстанием взяли на себя полковник Макаров и майор Леонов. Из захваченного на вышке пулемета узники открыли огонь по эсэсовцам. С помощью топчанов и одеял восставшим удалось прорвать проволочное ограждение. Одни, погибая, открывали путь другим. Вырвавшиеся за пределы лагеря направились к чешской границе. Три недели шла массовая облава. Гитлеровцы хвастливо заявили, что ни одному из 800 узников двадцатого блока скрыться не удалось. Однако стали известны имена нескольких беглецов, избежавших смерти: Николай Цымкало и Иван Сердюк из Донбасса, Виктор Шепетя из Полтавы, Михаил Рыбчинский из Киева. Они победили - живые и мертвые.

11 апреля. Бухенвальд (Германия). Самое резонансное вооруженное восстание как по числу непосредственно участвовавших в самоосвобождении - 178 боевых групп (из них 56 - советские военнопленные) и около 850 бойцов, так и по числу обретших в тот день свободу - 21 тысяча узников 32 национальностей. Победоносное наступление Красной Армии позволило войскам западных союзников быстро войти в Тюрингию. Воспользовавшись непосредственной близостью американских войск и стремясь спасти узников от уничтожения, каковое было предписано эсэсовцам нацистской верхушкой, подпольный Интернациональный комитет, в котором весомую роль играли советские военнопленные, дал команду начать военные действия. К этому дню все было готово: кадры, оружие - карабины, пистолеты, гранаты, бутылки с горючей смесью. Военная организация Сопротивления выполнила приказ. В 14.50 были штурмом взяты лагерные ворота, разоружены и пленены 220 эсэсовцев, сопротивлявшиеся уничтожены, захвачены пулеметы, фауст-патроны, арсенал. В 15.15 над воротами лагеря развевалось знамя Свободы.

В последние месяцы оккупации в Норвегии действовал довольно крупный партизанский отряд бывших военнопленных советских граждан под командованием В. А. Андреева.

2 мая на борту транспортного судна «Норд» в открытом море восстали узники, четыре дня тому назад пригнанные сюда из лагеря советских военнопленных и штрафного лагеря, расположенных северо-западнее Шиботна (Норвегия). С помощью немца-антифашиста руководители восстания Федор Якубенко, Иван Дорошенко, Николай Жмаев обезоружили охранявших в трюме оружие немецких солдат, вооружили своих товарищей и вступили в схватку с конвоем. Трое гитлеровцев были убиты, семеро ранены, остальные пленены. Восставшие потеряли 9 убитыми и 11 ранеными. Над судном взвилось победное знамя, и оно повернуло назад. 6 мая «Норд» вошел под красным флагом в залив Намефьорд и бросил якорь у города Намсус. Горожане восторженно приветствовали теперь уже не пленных, а бойцов Краской Армии - освободительницы.

5 мая по сигналу Интернационального комитета восстали узники концентрационного лагеря Маутхаузен (Австрия). (Подробно об этом героическом выступлении рассказано в очерке «Главный артиллерист Маутхаузена»). 5 - 6 мая на соединение со своими товарищами пробилась восставшие узники филиала концлагеря Маутхаузен в Эбензее (Австрия). Ими руководили советские офицеры В. Соколов, К. Кравченко и другие.

Свидетельства очевидцев и документальные данные говорят о том, что вооруженные восстания узников готовились во многих лагерях советских военнопленных: дулаге № 182 и шталаге № 349 «Уманская яма» (Украина), шталаге VII-A близ Моосбурга (Германия), 304-Н в местечке Цейтхайн (Австрия); в концлагерях Заксенхаузен, Нойенгамме, Флоссенбург (Германия); в «Гросс-лазарете» Славута (Украина) и других. Всюду план действий был один: формировались боевые группы, отработывались различные варианты действий, добывалось и накапливалось огнестрельное и холодное оружие, готовились подручные средства боя. Однако состояться этим восстаниям не было суждено. Иногда мешали изменившиеся условия, грозившие большими жертвами в случае выступления, но чаще - трагические обстоятельства: гестапо проникало в замыслы подпольщиков и уничтожало их руководителей. . . Светлая память героям!

ОРУЖИЕ ВРАГА - ПРОТИВ ВРАГА

Особо следует сказать о тех, кто оказался в воинских формированиях, созданных немцами осенью 1942 года из советских военнопленных. Плен не оставлял широкого выбора: или мучаться и гибнуть в террористическом режиме гитлеровских лагерей или сохранить жизнь в тайной надежде еще сразиться с ненавистным врагом. Суровое осуждение однополчан, не понявших замысла, не остановило многих. Пленных рассортировали по этническому признаку. Появились туркестанский, крымско-татарский, идель-уральский, грузинский, азербайджанский, армянский, северо-кавказский легионы. Удалось создать более 180 частей: русских - 75, кубанских, донских и терских казаков - 26, туркестанских и татарских (из Татари и крымских татар) - 42, грузинских - 11, народов Северного Кавказа - 12, азербайджанских - 13, армянских - 8. В их рядах значилось азербайджан 36.500, грузин 19.000, народностей Северного Кавказа 15.000, татар (Татария) 12.500, крымских татар 10.000, армян 7.000, калмыков 5.000. Три «русских» бригады насчитывали 43.000 человек.

Слов нет, были в их числе такие, которые верой и правдой служили врагу: русские добровольческие батальоны, формирования СС - украинская дивизия «Галичина» (62 тысячи добровольцев - в основном гражданских лиц пожелали облачиться в ее форму) две латышских дивизии «Латвия» (104 тысячи), литовские (36 тысяч 888), эстонские (10 тысяч) отряды, другие националистические части.

Много это и насколько массово или мало? Напомним: в плен к немцам за войну попало 5 миллионов 734 тысячи 528 бойцов и командиров Красной Армии. Сравните.

История войны дает нам немало примеров того, когда советские военнопленные при первой же возможности стремились вернуться к своим. И на родной земле, и в странах Европы советские люди в форме легионеров изыскивали пути и способы, чтобы выступить против гитлеровцев. Вот хроника некоторых из тех событий:

1943 год

21 февраля солдаты 825-го батальона, сформированного гитлеровцами из советских военнопленных, заранее установив связь с подпольщиками, перебили немецких офицеров и в полном составе - 1016 человек со всем своим вооружением - 680 винтовок, 130

автоматов, 24 пулемета, 8 минометов и 6 орудий - перешли на сторону белорусских партизан, чтобы громить фашистов.

В апреле 300 советских военнопленных, сколоченных немцами в саперную роту, в районе Опочки (Белоруссия) с оружием, боеприпасами и снаряжением ушли к партизанам и влились в их ряды.

Подводя итоги битвы под Курском, Гитлер объяснил поражение предательством «вспомогательных частей». Действительно, на южном участке на сторону Красной Армии тогда перешла одна из таких частей в 1.300 бойцов - практически целый полк наших людей, попавших в плен в начале войны. Гитлер распорядился: «Приказываю разоружить немедленно все части и послать всю эту банду на шахты Франции». Что из этого получилось по прибытии советских военнопленных и бывших легионеров на французскую землю мы уже знаем.

В лагерях на территории Германии - Свинемюнде, Радом, близ Дрездена и Гамбурга с большим умением и редким мужеством вела широкую работу по мобилизации на продолжение борьбы против фашистов советских граждан татарской национальности организация подпольщиков во главе с Мусой Джалилем (татарский поэт, на фронте - армейский журналист М. Залилов). Их деятельность скоро принесла плоды. В конце мая из Радомского лагеря совершила побег большая группа военнопленных. Затем восстал и перешел к польским партизанам находившийся на марше к фронту первый батальон Идель-Уральского (татаро-башкирского) легиона. На арест гестаповцами Джалиля и его соратников в августе восстанием ответил четвертый батальон - несколько тысяч человек - и воссоединился с польскими партизанами.

14 ноября в города Бихач (Босния, Югославия) восстали 80 легионеров-грузин из охраны немецких складов и с оружием в руках пробивались в расположение Народно-освободительной армии Югославии, сражались против немцев в ее рядах.

1944 год

В мае в бою с карателями, прикрывая отход белорусского партизанского соединения, погиб В. В. Гиль-Родионов. Кто это? Начальник штаба стрелковой дивизии, он раненым, в самом начале войны, попал в плен к немцам, сполна испил муки лагеря

военнопленных. Выносил и осуществил дерзкий план: получив от немцев согласие на формирование в районе Минск-Валуйки так называемой «Первой русской национальной бригады», вывел с собой из лагеря тысячи пленных. Когда немцы решили отправить бригаду воевать против Красной Армии, соответственно обмундировали, вооружили, приставили «контролеров» в лице жандармов и фашистских офицеров, Гиль-Родионов призвал к восстанию. Уничтожив по пути сотни гитлеровцев, бригада пробилась на соединение к партизанам. За тот подвиг по личному распоряжению Сталина В. В. Гиль-Родионов был награжден орденом Красной Звезды и произведен в полковники Красной Армии. Созданная им часть была сохранена как боевая единица и получила наименование «Первая антифашистская партизанская бригада».

В начале лета 28 солдат туркестанского легиона, отправленного гитлеровцами в Черногорию (Югославия) для борьбы с партизанами, восстали, перебили немецких офицеров и ушли в горы. Они стали бойцами партизанского Интернационального батальона.

3 июля, перебив гитлеровцев и захватив несколько пулеметов, минометов и автоматов, во главе с капитаном Котэ Лежава на сторону итальянских партизан перешли 90 солдат грузинского легиона.

1945 год

На голландском острове Тексель, затерявшемся в просторах Северного моря, оказался грузинский батальон, привезенный немцами для боевых действий против англо-американцев. Однако легионеры, бывшие советские военнопленные, направили оказавшееся в их руках оружие против гитлеровцев. Они наладили сношения с местной организацией антифашистского движения Сопротивления, создали руководящее повстанческое ядро во главе с капитаном Шалвой Лоладзе, сумели установить связь с находившимся в Англии командованием союзников и 5 апреля подняли вооруженное восстание. Более месяца на острове шли ожесточенные бои, в ходе которых восставшие уничтожили около четырех тысяч гитлеровцев и победили... Каждому, кто прибывает на Тексель, голландцы непременно покажут здешнюю святыню - братскую могилу, где покоится прах 522 героев-грузин.

В ряд героических выступлений узников гитлеровских тюрем и лагерей, легионеров так называемых национальных формирований следует безусловно (и это не должно показаться странным!) поставить совершенное бойцами 1-й дивизии Русской освободительной армии (РОА) под командованием генерала С. К. Буняченко. Это они, как войсковая в полном составе единица не участвовавшие в вооруженных столкновениях с Красной армией (Гитлер не доверял ни Власову, ни его войску), первыми пришли на помощь восставшей Праге и 10 мая 1945 года изгнали немецко-фашистские части из чехословацкой столицы... И сложили оружие перед своими. Это тоже было всплеском ненависти к нацистам наших людей, не пожелавших остаться изгоями собственного народа... Советские дивизии, позже пришедшие на помощь пражанам и якобы самостоятельно освободившие город от фашистов, будут удостоены чести именоваться «Пражскими». Коммунистическое руководство СССР, не в пример и поныне бережно хранящим благодарную память чехам, по-своему «поблагодарило» действительных освободителей и спасителей Праги. Командир 1-й дивизии РОА. Сергей Кузьмич Буняченко (полковник Красной Армии, раненым попал летом 1941-го под Херсоном в плен, испытал муки лагерей и, видимо были причины, стал на путь борьбы против большевистского режима) будет по приговору Военного трибунала казнен вместе с Власовым. Бойцов и командиров его дивизии поглотит ненасытный ГУЛаг.

В РОА с большим трудом была создана авиационная часть. Истребителями командовал Герой Советского Союза старший лейтенант Б. Антилевский, ночными бомбардировщиками - Герой Советского Союза капитан С.Бычков. Однажды летчики целой эскадрильи (тоже из советских военнопленных) подняли свои машины в воздух и приземлились... на одном из аэродромов советских войск... И их участь печальна.

Убежден, здесь приведен далеко не полный перечень вооруженных выступлений наших соотечественников - узников фашизма против своих мучителей. Его, несомненно, необходимо дополнять. Память о героях, и об этих героях антифашистского движения Сопrotивления, не должна умереть.

* * *

Концлагерь Бухенвальд встречал прибывавших сюда вот таким кованым изречением на главной броне (воротах): «Jedem das seine» («Каждому - свое»). Каждый день каждому уводимому на работу и увозящему его она указывала их место в том мрачном мире:

- Недочеловеку-узнику - безропотно гнуть спину и покорно пропадать.

- Сверхчеловеку-арийцу - безраздельно властвовать надо всем и всеми.

«Jedem das seine!».

Донецкий художник Роман Федорович Ефименко, узник и летописец Бухенвальда, предельно лаконично и выразительно передал дух Бухенвальдского восстания, всех подобных восстаний. Всмотритесь в воспроизводимый на обложке его рисунок, и вы согласитесь, что все это завершилось тем, чем и должно было завершиться:

«Каждому - свое!».

1970 - 2002.

Москва-Киев-Севастополь--Одесса-Донецк

***ГЛАВНЫЙ
АРТИЛЛЕРИСТ
МАУТХАУЗЕНА***

Митрофан Алексеевич
Шамшеев. 1979 г.

*Сквозь фронт,
сквозь тысячу смертей,
Сквозь дантов ад концлагерей,
Сквозь море крови, горя, слез
Я образ Родины пронес.
Как путеводная звезда
Сиял он предо мной всегда.*

*Стихи неизвестного
узника нацизма*

Маутхаузен. 5 мая 1945 г.
Митинг победителей.
На трибуне -
руководители восстания.

Маутхаузен. 7 мая 1945 г. Последнее (уже легальное)
заседание Интернационального антифашистского комитета.

Впервые его имя я услышал в конце лета 1951 года. Мы добрались в совхоз им. Тельмана, что в пойме речки Ингулец и неподалеку от Херсона, - написать о достижениях овощеводов.

- Поезжайте к Шамшееву. У него наивысший урожай и самые лучшие борщики.

Действительно, и помидоры, и перец, и синие, и кавуны оказались восхитительны - будто экспонаты ВДНХ!. А люди!... Свидеться же с самим управляющим отделением не довелось - убыл по делам...

Через 23 года, собирая дополнительный материал по истории городов и сел Одесской области, я попал в Саратовское винозаводоуправление, что в центре Буджакской степи - междуречье Дуная и Днестра. Ну кто откажет себе в удовольствии показать товар лицом? Появились бокалы.

-А что это? - с удивлением глядел я не на тонкую, как обычно, пленку на поверхности золотистого вина, а на темный, словно торец крупной монеты, плотный слой.

-Это - «Пино», золотой рубль, - улыбнулся хозяин. - Вот она, наша, продукция.

Пригубил. А рубль все наверху - невероятно!

-Ну как? А нас заставляют принимать так называемый виноматериал - алжирскую кислятину - в знак солидарности с африканскими социалистами. Да Шамшеев ни в жизнь не принял бы эту бурду.

-А кто это Шамшеев?

- Наш бывший директор. Правильный человек. За что его и съели.

Сказано это было в 1974-м. Съели же, как оказалось, в 1949-м. Тогда-то Шамшеев и попал в совхоз им. Тельмана на Херсонщине...

Мы сдвинули бокалы:

- За Шамшеева!

Должно будет пройти еще пять лет, прежде чем в апреле 1979 года я отправлюсь в таврическое село Большие Копани на встречу с

Митрофаном Алексеевичем Шамшеевым. И не как с управляющим передового, коммунистического труда, отделения винодельческого совхоза-завода им. Фрунзе, а как с главным артиллеристом концентрационного лагеря Маутхаузен.

В Маутхаузене Шамшеев оказался в конце лета 1944 года. До этого два года и девять месяцев длилось испытание гитлеровскими лагерями: пересыльными (дулаги), офицерскими (офлаги), стационарными (шталаги). В руки врага ветеран РККА, начальник артиллерии 274 стрелковой дивизии полковник Шамшеев попал 11 октября 1941 года при отходе направлением на Мариуполь - близ деревни Андреевка был ранен в обе ноги. Но и в плену, едва поджили раны, изыскивал и находил свое место для продолжения борьбы против фашистов.

В июле 1944, года гестапо раскрыло подпольную организацию в лагере советских военнопленных в Регенсбурге. Среди арестованных членов партийного комитета был и Шамшеев. После обработки в гестапо, с пометкой «возвращение нежелательно», их отправили для уничтожения в Маутхаузен. И многих спасло восстание.

Осенью 1944-го Интернациональный подпольный комитет Маутхаузена принял решение о подготовке вооруженного восстания. Был создан, военный штаб, в который вошел и Шамшеев.

- Полковник, - вспоминает В. И. Сахаров, - тяжело переживал отсутствие возможности бить врага с оружием в руках и с радостью принял предложение комитета возглавить группу офицеров для разработки плана восстания.

К началу весны 1945-го в центральный лагерь Маутхаузена стали прибывать тысячи заключенных из других эвакуируемых концлагерей и филиалов Маутхаузена. Подпольщики и среди них находят новых бойцов. Когда стало известно о секретном приказе Гимmlера «в случае приближения советских войск уничтожить всех заключенных Маутхаузена», Интернациональный комитет принимает решение: действовать!

К этому времени (конечно же - скрытно) было сформировано 10 штурмовых групп: три русских (советских), две немецких; австрийцы, чехи, испанцы, югославы составили по одной группе, французы и бельгийцы объединились в одну. На вооружении - пистолеты, тайно

пронесенные по деталям и собранные в лагере, гранаты, изготовленные из подручных материалов под руководством Шамшеева. Наиболее многочисленным группам - русским, испанской и чешской – отведены самые трудные участки штурма. Майор А. И. Пирогов и Шамшеев проводят последний инструктаж командиров штурмовых групп.

И - грянул бой!

Стремительным натиском штурмовые группы забросали гранатами и подавили сторожевые башни, разоружили охрану, захватили эсесовский арсенал и склады оружия, вооружили тысячи восставших.

Разгромлены казармы эсесовцев, захвачено здание комендатуры.

Акт самоосвобождения завершен. Еще одно усилие, и орел с ненавистной фашистской свастикой рухнет с каменной арки главной брамы Маутхаузена наземь - “Jedem das seine”!

Интернациональным комитетом создан штаб обороны, в который от советских военнопленных вошли полковники Шамшеев и Н.Иванов, майоры И. Кондаков и И. Панфилов. После уничтожения фашистского гарнизона из штурмовых групп сформированы два батальона, которые возглавили майоры Белозеров и Петров. Каждый батальон по указанию штаба занял свой участок обороны. Маутхаузен превратился в боевой лагерь - сплоченный, сильный железной дисциплиной и воинским порядком. И это соратники ставят в заслугу Шамшееву. Истекал день 5 мая 1945 года. Радостный, победный день!

Однако впереди было еще два дня ожесточенных боев. Батальон Петрова отражал натиск эсесовцев с севера, уничтожая их отдельные группы. 6 мая фашисты попытались захватить удерживаемый батальоном Белозерова мост через Дунай и форсировать реку. Атакующих и катера с десантниками восставшие отразили

пулеметным и минометным огнем. Захваченные в каменоломне противотанковые пушки Шемшеев расставил на наиболее угрожаемых направлениях. Артиллеристы поставленную задачу выполнили.

Восставшие очистили от фашистов город Маутхаузен, выбили их из других прилегающих населенных пунктов. 6 мая на соединение со своими товарищами пробилась восставшие узники филиала концлагеря Маутхаузен в Эбензее. На помощь восставшим в другом филиале - Гузене была послана сильная интернациональная группа. 5 - 6 - 7 мая восставшие препятствовали попыткам уйти на запад отдельным подразделениям отступающих фашистских войск.

Седьмого же мая в город Маутхаузен и концлагерь вошли американские танки. Союзнички обошлись с советскими людьми по-своему: их отделили от остальных в изолированных бараках за колючей проволокой, выставили вооруженную охрану. Группе наших офицеров удалось бежать и прорваться к советскому командованию - произвол был пресечен.

Затем прошло последнее, уже легальное расширенное заседание Интернационального антифашистского комитета. Транспарант над заседанием гласил: «Да здравствует Красная Армия и товарищ Сталин!» На митинге победители дали клятву свято хранить боевую дружбу и защищать мир на земле.

9 мая бывшие советские узники отправились в советскую военную зону.

Вспоминает А. И. Пирогов:

- Со слезами на глазах провожали все заключенные своих русских побратимов, которые по всеобщему признанию были мужественны перед лицом смерти и в беде отличались добрыми, отзывчивыми сердцами. Последний марш от крематория до лагерных ворот продолжался долго. Нужно пожать на прощание руки сотням боевых друзей...

Потом они еще не раз встретятся: и в 1960-м, и в 1961-м, и 1965 году. А в 1945-м Митрофан Алексеевич Шамшеев был подвергнут специальной проверке в 143 стрелковой дивизии. Его, добровольно вступившего в Красную Армию еще в 1919 году, восстановили в звании полковника и 17 декабря отправили в запас. Наград же за такие подвиги (подвиги в плену!) тогда еще у нас не давали. В 1946 году Шамшеев, уже гражданский человек, принял Саратовское винозаводоуправление...

Выше страха и смерти

Уникальный документ держал я в руках в день нашей встречи:
«Товарищу Митрофану Алексеевичу Шамшееву. Совхоз им. Фрунзе.
Большие Копани.

Вам, товарищ Шамшеев, и товарищам Пирогову и Сахарову, организаторам и руководителям восстания в немецком концентрационном лагере Маутхаузене, с торжественного собрания и товарищеской встречи в Белграде, посвященным двадцатой годовщине нашего освобождения от нацистских преступников, шлем пламенный привет и желаем долгих лет жизни на счастье своего народа и вашей советской родины. 15 ноября 1965 года».

Это приветствие-благодарность подписали секретарь югославской секции бывших политических заключенных профессор Боривоје Тасич и еще 64 узника концлагерей из разных стран Европы - герои восстания в Маутхаузене. Вот фрагмент оригинала этого волнующего документа:

Товарищу
Митрофану Алексеевичу Шамшееву,
директору Совхоза имени Фрунзе
Большие Копани

Вам, дружбе Шамшеев, и друтовима Тирогову и
Сахарову, некадашњим организаторима и вођама устан-
ка у немачком концентрационом логору Маутхаузене,
са свечане академије и друћарске вечери у Београду, по-
свећене двадесетогодишњици нашег ослобођења од нацистич-
ких злочинаца, шљемо пламене поздраве и желимо да
још дуго поживите за добро свој народа и Ваше
советске домовине.

13. новембра 1965. године
Београд

Учесници академије
и друћарске вечери:
Проф. Боривоје Т. Тасич/
Браничевска ул. бр. 8/1
(В.л. Маутхаузен, бр. 22978)

Милић П. Борисав

Во время нашей беседы я сделал снимок: Митрофан Алексеевич Шамшеев - он весь там, в мае 1945-го, где рядом шли свобода и смерть... Место съемки - Большие Копани, ул. Карбышева, 6; дата - 9 апреля 1979 года - канун Международного дня освобождения узников фашистских концлагерей...

Через два с половиной года, 1 сентября 1981 года, главного артиллериста Маутхаузена не стало.

...Поклонимся и мертвым и живым...

...Всем тем, которых забывать нельзя...

...Поклонимся за тот великий бой!...

1951 - 1979

Сарата-Одесса-Херсон

ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА

Два милых дорогих лица
Соединила рама.
Большой портрет -
 портрет отца.
В углу, поменьше - мама.
И не судилось им вдвоем
Пройти по жизни вместе -
Под Харьковом, в 42-м,
Пропал отец без вести...
А годы вяли как трава,
Мела седая вьюга.
Меняла карточки вдова
При карточке супруга.
И странный выпал им удел,
И дивно было дело:
Супруг, казалось, молодец,
Супруга все старела.
Минуло десять, двадцать лет.
Затем - и тридцать, сорок...
Нет для нее разлуки... Нет!
И нет забвенья сроков.
К святому Вечному огню
На День Победы не ходила -
Живой храня любовь свою,
Она живым его любила...
И вот день Свадьбы Золотой
Запечатлела рама:
Отец - нетленно молодой,
Совсем старушка мама.
Как будто мать ему она?!...
А я - ему ровесник...

На землю вновь пришла весна.
Над кладбищем развесил
Май стяги вишен и берез
И ритм хорала строгий...
Плывут сквозь волны
тихих слез

На обелиске строки:

*Война-беда пытала их
Разлукой сорокатрехлетней.
Да будет благостен и тих
Супружеский приют последний.*

Два дивно молодых лица
/Год 41-й/ - мамы и отца.

1942 - 1983 - 1993
Мещерское- Новомосковск

***ВДОВА
ПАРТИЗАНА***

Мария Ивановна
Калитинова с дочерью
Валентиной (первый
послевоенный снимок).

Опознание жертв,
извлеченных из
захоронений
Константиновского
штрафного лагеря
и лагеря военно-
пленных.
Сентябрь 1943 г.

Члены комиссии по
расследованию злодеяний
гитлеровских оккупантов
на территории лагеря
советских военно-
пленных. Константиновка.
Сентябрь 1943 г.

Чем еще удивить, что нового можно поведать о той войне - Великой, Отечественной? Рассказать еще об одном, ярком, как вспышка, как салют, подвиге? Можно. Привести статистику героизма и трагических утрат? Можно. Но не лучше ли нам вспомнить прежде всего о том, что была та война всенародной, а Победа стала суммой миллионов свершений - больших и малых.

Великий всеобщный подвиг народа не завершился 9 мая 1945 года. Он продолжается и по сей день: обыденный и незаметный - в скромных, неброских судьбах и жизнях. А на людях, его вершащих, и держится земля наша, весь белый свет. На таких людях, как Мария Ивановна Калитинова - вдова партизана.

Вдовою Мария сделалась в неполные двадцать два года.

А что было до того? Что есть вспомнить?

При единоличном хозяйствовании, когда родители, объединясь с соседями, косили ниву косами, снопы вязали, ее, шестилетнюю, брали в поле - нянчить сестренку. Это летом, а зимой - за прялку, учиться прясть.

«А тут начали объединять в колхозы. Приходят родители с собрания, продолжают спорить, а я плачу тихонько, чтоб никто не видел. А потом все обошлось, привыкли к колхозам».

«Прослышали родители, что в Александро-Шультине, на Донбассе, колхоз крепкий, председатель умный. Оставили родную Волобуевку, что на Харьковщине и поселились на хуторе Редкодуб - третья бригада колхоза им. Ленина. Здесь и работали».

Мария к тому времени (шел уже 1939 год) окончила семилетку, Алексеевское педучилище и стала работать учительницей младших классов русско-украинской школы на шахте 7/8 близ города Красный Луч. Ей шел восемнадцатый год. Здесь, на какой-то конференции, Мария познакомилась с Колей Баевым, зоотехником из Ивановки.

«Он был очень хорошим человеком. Дружили. И когда его забрали в армию, еще до войны, я обещала ему, что буду его ждать».

«А потом война. В школе нас рассчитали, написали в справке, что по собственному желанию».

Куда деваться? Поехала, а больше шла, к родителям, в Редкодуб.

«Николай был на войне. В Умани он попал в окружение, в плен. Но там местные женщины назвали его и еще некоторых своими, и их отпустили. Он с товарищем пришли к нам, в Редкодуб. Николай рос сиротой, может быть еще и потому мои родители полюбили его, а он их. И мы поженились. 27 января 1943 года у нас родилась дочка».

«Немцы колхозы не разоряли, но скот и все машины были вывезены. В хуторе немцев и полицейских не было».

Николай Баев часто ходил в Александро-Шультино, не всегда на ночь возвращался. После Мария узнала, что стал он членом подпольно-партизанской группы. Руководил подпольщиками М. А. Гриценко: официально бухгалтер общины (колхоза), на самом деле - капитан инженерных войск, направленный особым отделом Юго-Западного фронта для организации партизанского движения в тылу врага. Ближайшим его помощником стал А. М. Петров, ранее работавший на Константиновском заводе «Красный Октябрь» и имевший опыт истребительного батальона. Константиновские подпольщики помогли отряду обзавестись оружием: более 20 винтовок и автоматов, 2 пистолета, гранаты, взрывчатка и даже пулемет. С лета 1942 года в группе состоял и отец Марии - Иван Яковлевич Калитинов.

- Они были очень дружны, тесть и зять, - вспоминает Валериан Симоненко, попавший в плен под Сталинградом и вступивший потом в отряд Гриценко. - По подозрению в диверсии на «железке» они были арестованы. Улик не нашли. Но их все же побили хорошенько и бросили в лагерь города Константиновка. Удалось бежать. Скрывались в городе у земляков. Связались с командиром, и снова в строю.

В начале февраля 1943 года партизанам из Шультино пришлось перебазироваться в хутор Редкодуб. С ними были двое военнопленных, Симоненко Валериан и Петр, лейтенанты-однофамильцы. Отряд во главе с командиром ночами выходил выполнять боевые задания на шоссейную дорогу Константиновка - Артемовск. Неоднократно вступал

в перестрелки. Возвращались с трофеями: оружием, документами. Уничтожили нескольких пособников оккупантов. Среди односельчан распространялись листовки, сводки Совинформбюро. Бедствующим через общину помогали продуктами.

«У нас был штаб. В одной комнате находились руководители, а в другой мы: я с маленькой дочкой и мужем, мама, две сестры и отец. И еще на полу спали партизаны. Мы их кормили. Провожали и встречали с заданием, шили им белые халаты из простыней».

«А потом партизан выследили немцы из Артемовска. Партизаны отступили сначала в лес, а потом - по домам. Оружие, которое было у нас (патроны, гранаты, автоматы) перенесли в Шультино. Симоненки Валера и Петр куда-то ушли. Позже узнали, что Валера перешел линию фронта, рассказал о себе все, и ему дали десять лет, что был в плену. Потом, когда нас освободили, мы написали о нем, и его освободили».

«Из Редкодуба нас выгнали, хутор разорили. Мы перешли жить в Шультино - в одном из домов мой муж и отец отремонтировали квартиру. Партизаны продолжали действовать. Село стало на подозрении».

Отряд готовился к тому, чтобы при приближении Красной Армии открыто ударить по врагу с тыла. Но партизан опередил шпион-провокактор Михаил В. В конце июня 1943 года немцы провели в Александро-Шультино облаву. Согнали всех, оказавшихся дома жителей от 15 до 50 лет, на площадь, окружили пулеметами.

«А Гриценко и Петрова (указал на них кто-то) перед нами били до потери сознания. Гриценко плохо видел, очки разбили. Их поливали водой и снова били».

Взятых в облаве человек 200 - 250 загнали в закрытые машины и повезли. Так Мария с односельчанами оказалась в Константиновке, в штрафном лагере, рядом с лагерем военнопленных на территории химического завода. Три дня их морили голодом, а потом стали водить на допросы.

- Что ты знаешь о партизанах, о Гриценко? - повторяла вопросы переводчица.

- Ничего не знаю. Никуда не хожу. У меня маленький ребенок, - отвечала Мария.

«Начали выпускать допрошенных, и меня выпустили. А Гриценко, наверно боялся невольно выдать товарищей, - повесился в камере... Предатель все-таки обнаружился - Владимир Р. Назвал всех партизан».

Немцы снова нагрянули в Шультино. Забрали всех, кто не попал в первую облаву. Изъяли оружие. В Константиновском лагере партизан зверски пытали, некоторых водили на перевязку в медпункт, за лагерь для военнопленных.

«Страшно били моего отца, он был очень сильным (характер), долго не признавался, а может быть вообще не признался. Нам сказали, чтобы мы принесли для своих одежду. А зачем им одежда, если их приговорили к смерти? Но мы отнесли одежду 1 сентября 1943 года. Потом партизан куда-то вывезли. Мы сами видели, мы все время там дежурили. А пятого сентября нас освободила наша армия».

Что же стало с партизанами? Мария Ивановна хранит в памяти их живые образы и их имена:

Гриценко Михаил Алексеевич - руководитель

Петров Алексей Михайлович - комиссар

Петров Григорий Михайлович - командир боевой группы

Сапожков Федор Яковлевич - командир боевой группы

Лукичев Николай Михайлович

Муранов Иван Леонтьевич

с сыновьями Михаилом и Владимиром

Краснощеков Дмитрий Максимович

Петрова Мария Михайловна

Моисеенко Василий Евстафович

Судейко Иван и Екатерина - брат и сестра

Семилет Василий и Яков - братья

Горлов Филипп Федорович

Величко Сергей Алексеевич

Ледовской Андрей Сергеевич

Бурлаков Алексей Макарович

Бышинева Владимир Филиппович

И конечно же самые дорогие: отец Иван Яковлевич - пятидесяти лет, муж Николай Дмитриевич - двадцати четырех лет...

Выше страха и смерти

Только вот где и как их убили - неизвестно.

«Некоторые женщины тогда, как немцев прогнали, сами ходили искать: в Часов-Яр, в Артемовск. Мама тоже ходила с двумя женщинами куда-то под Артемовск. Там доставали из песчаного карьера побитых. Но своих они не нашли. Такой видели ужас, оттуда домой насилу дошли... Уже в шестидесятых годах был слух, что наших расстреляли в силосных ямах какого-то совхоза близ Часов-Яра. Говорили, что они кричали, что они шульчане. Там теперь памятник есть погибшим - с именами и не опознанным».

В фондах Государственного архива Донецкой области немало документов, запечатлевших трагизм тех дней. На территории Константиновского химзавода было раскопано четыре больших массовых захоронения - 7.800 тел, и еще две братских могилы в суперфосфатном цехе и на свалке. Из 13 тысяч жертв опознано 340 человек. На территории Артемовска обнаружено 44 места массового захоронения расстрелянных и замученных - 7.908 человек, и только из алебастровой шахты извлечено свыше 3 тысяч тел. Опознано 20. В одном из песчаных карьеров между Часов-Яром и Артемовском из 700 погребенных опознаны 21 человек. Имен партизан Александро-Шультино в тех списках нет. Сколько неизбывных печалей безвестности... Видимо и шульчанам уже не суждено узнать, где покоится прах их родных и близких...

Так в свои неполные двадцать два года Мария Ивановна Баева-Калитинова стала вдовой. Замуж второй раз она не выходила - живет своей единственной, нетленной любовью уже шестьдесят лет. И приняла на свои юные хрупкие плечи всю осиротевшую семью: маму - Матрену Филипповну, двух младших сестер - Анастасию и Анну; дочь.

«При отступлении немцы село Александро-Шультино сожгли. Полностью - все 76 домов и хозяйственные постройки. Жителям велели эвакуироваться, но все население, кто в чем был, попрятались в поле, в камышах».

Каратели настигли группу беглянок на кукурузном поле. Бабушка Матрена во весь рост шагнула им навстречу, подняв над головой внучку Валюшку.

- Здесь только женщины и дети! Не стреляйте!!

Немец запустил длинную очередь. Рядом женщина упала убитой, другая повалилась, схватившись за бок. Марии пуля угодила в ногу.

Недель пять Мария не ходила, а потом, хромая, пошла. Пошла в школу: дали ей второй-четвертый комбинированный класс. Ютилась семья в полусгоревшей хате одного старика. Добрый человек, он давал им рядом на ночь, на постель.

«Я теперь думаю: ну как мы выжили? Ни обуться, ни одеться, ни есть. У меня осталось пальто (пряталась в нем), и в классе снять его не могла - так и не раздевалась. В конце учебного года, весной 1944-го, попросила, чтобы меня перевели в Дылеевскую школу. Нам там дали квартиру, две комнаты. Мама спала на лежанке, я с дочкой на обгорелой, кровати, а Настя и Анюта насобирают бурьяну, положат на пол, а закрыть нечем. Из школы мне дали ведро (временно) для воды».

Зарплату учителя получали. Купила Мария рядом, подушки, одеяла, постепенно все обулись, оделись.

«В 1960 году я даже купила хатенку, в которой и сейчас живу».

Через Министерство и Харьковское облоно Мария Ивановна восстановила сгоревшее в Шультино свидетельство об окончании педучилища. Закончила (заочно, конечно) учительский физмат в Славянске и стала математиком. И проработала в Дылеевской семилетке без перерыва 33 года. Была лет двадцать депутатом сельсовета - безвозмездная работа, во время выборов - секретарь участковой избирательной комиссии.

«Когда зав. районо предлагал мне стать директором школы, я отказалась - руководителем я быть не могу. А награды... Какие награды учителям? Грамоты есть. «Победитель соцсоревнования 1975 года». Медали «Ветеран труда» и «Ветеран праці».

После выхода, на пенсию, просили поработать - шла. Последний раз три месяца работала в 1995 году. Скольких, из года в год юных, дылеевцев оснастила Мария Ивановна знаниями для продвижения в жизнь!

Риторичен, наверно, вопрос: легко ли было стать на ноги самой, магушку содержать, сестер и дочь выводить в люди? Конечно - не легко. Но помощь была.

«Справку нам дали в райкоме партии».

«Дана Калитиновой Марии Ивановне в том, что ее муж Баев Николай Дмитриевич являлся участником партизанской группы села Александро-Шультино и в 1943 году расстрелян немцами».

Выше страха и смерти

«Я получала на дочку небольшую пенсию. За мужа. А моя дочка не видела своего отца даже на фотографии - его не стало, когда ей было только семь месяцев».

Валентина Баева, дочь Марии и Николая, после дылеевской семилетки закончила Краматорский машиностроительный техникум, вышла замуж за Анатолия Семеновича Андриенко и уже с мужем закончила машиностроительный институт. Вместе работали на Новокраматорском машиностроительном заводе, а потом Валентина Николаевна стала инженером-конструктором в Научно-исследовательском институте. И тоже уже на пенсии, но продолжает работать - надо.

«Конечно, мы живем бедно. У меня пенсии хватает на хлеб, электричество, газеты и лекарства. Мне уже очень много лет - с 15 февраля 1922 года. Сильно болею: сердечная недостаточность, да еще теряю слух и зрение. Боюсь до смерти ослепнуть».

Вот так и доживает свой век вдова партизана. Благо еще, что свой огород, что не забыли признать ее участницей войны, в пенсионном удостоверении отметили «вдова погибшего воина» и прибавку в сорок гривен дали к пенсии. А вот на законную медаль «Захиснику Вітчизни» что-то поскупились...

Разнесчастная, что ли, выпала Марии Ивановне судьба? Да, нелегкая, непростая, типичная для тысяч и тысяч наших старших сограждан. Но не сломалась, не оборвалась ветвь отдавшего жизнь за Родину партизана Николая Дмитриевича Баева и учительницы Марии Ивановны Калитиновой. Есть у них два внука, три правнука и правнучка. Жизнь сегодня ставит перед всеми непростые задачи, и решать их они стремятся сообща, помогая друг другу, поддерживая друг друга. Летом Марьино подворье вновь звенит юными голосами правнучат.

Нет, им, Марии и Николаю, будь он жив, есть чем гордиться и чему радоваться. Несмотря ни на что!

Теперь, когда я поминаю своих родителей и близких, не вернувшихся с войны и ушедших после, когда молюсь о Божьей благодати для своих живущих, в сияющем лике Пречистой Девы-Богородицы мне видится светлый образ дылеевской Марии - вдовы партизана.

2004

с. Дылеевка-Константиновка-Донецк

БАБИЙ ЯР

*У Бабьего яра издавна
расположились богатые
еврейские кладбища. После
оккупации Киева в 1941 году
немцы в районе этих кладбищ,
разоряя и варварски разрушая их,
устроили лагерь, куда заключили
пленных бойцов и командиров
Красной Армии, захваченных
партийных и советских
работников, оставшихся в
городе евреев. Здесь за два года
от рук фашистских палачей
мученически погибли более ста
тысяч советских граждан...
Смерть не делила жертвы по
признакам национальности и
веры.*

1

У Бабьего яра нет обелиска.

Ни что не зовет:

- Не забудь! Не забудьте...

У Бабьего яра, склоняясь низко,

Льют синие слезы лишь незабудки.

1962

2

У Бабьего яра - весна!
Весна, голосисто-зеленая.
И только березка одна
Стоит, над обрывом склоненная.
Печально в зеленых глазах,
Сережки - как слезы искристые.
А где-то в далеких годах
Забыто-далекие выстрелы.
Не надо, березка, грустить,
Оплакивать давние рытвины:
Живому положено жить,
Положено согнуть убитому.
Пусть веселится весна,
Весна, голосисто-зеленая...
Но так же березка - одна
Грустит, над обрывом склоненная.

1963

3

Бабий яр... Тишина.
Над обрывом березка растет.
Молодая березка.
Да много ли помнит она?
И заросший окоп.
Он никак глаз своих не сомкнет.
И тревожна
В окопных глазах глубина.
Посмотри! - если выдержишь
Этот пугающий взгляд.
Нет! Ты все же смотри! -
Чтобы в памяти встало твоей
То, как здесь, на обрывах,
Стонала от боли земля
Голосами безвестных и страшных,
Незванных смертей.

Видно с давних тех пор
У обрывов седые виски.
И они онемели...
Земля не умеет кричать...
Бабий яр... Тишина...
И те страшные дни далеки.
Тихо... Но на кладбище
Кукушка считает опять.
Словно жалоба-крик,
Словно стон: «Не могу, не могу!»
Словно бы перекличка
Вдруг голос обретших смертей,
Над разрушенным мрамором
Мукой бездомной «ку-ку»
Бродит в этом городе
Дважды убитых людей.

Бабий яр... Тишина...
Над обрывом березка растет.
Молодая березка,
Зеленые, в солнце, глаза...
Пусть березка не помнит,
Не знает далекий тот год.
Только людям о нем
Никогда забывать нельзя!

1964 Киев

***ЖИЗНЬ ПОД
НЕМЦЕМ***

Трагедия дончан,
переживших
фашистскую оккупацию

Взорванный ствол пахты 4-4
бис "Калиновка", куда
оккупанты сбросили десятки
тысяч тел замученных детей,
стариков, женщин, бойцов и
командиров Красной Армии.
Сентябрь 1943 г.

"Минута молчания" у мемориального комплекса
памяти погребенных здесь в день 60-летия
освобождения Донецка от немецко-фашистских
оккупантов. Сентябрь 2003 г.

Первый транспорт
горняков-угольщиков
отправляется на работу в
Германию.
Снимок из газеты
"Донецкий вестник"
за 22 февраля 1942 г.

С 20 октября 1941 года по 8 сентября 1943 года Донецк (Сталино, Юзовка) пребывал в ведении немецко-фашистских оккупационных властей. Для жителей города это была непростая пора. Что знаем мы о нем, том времени?

Нам известны выводы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, а также ее подразделения - Сталинской областной комиссии.

Приводятся трагические цифры замученных, расстрелянных, казненных, угнанных немцами на работы в Германии.

Немало написано о действиях подпольщиков, партизан.

Но какими были условия существования горожан в оккупированном Сталино? Нет, жизнь не замерла, не остановилась тогда в нашем городе. Изложенное ниже является попыткой показать некоторые стороны той жизни такими, какими они были в действительности. Названы подлинные фамилии тех, кто счел возможным взять на себя риск и нашел в себе силы потрудиться тогда не только для себя, но прежде всего и более всего - для родного города и его жителей.

Начнем, пожалуй, извинившись за жесткий каламбур, с буквального значения вынесенной в заголовок фразы.

Вот что поведал донецкий журналист Л. М. Винокуров:

«Этот документ я увидел среди прочих бумаг и фотографий у нашей соседки, когда она в начале шестидесятых перебиралась в другой дом. И я спросил:

- Тетя Клава, вы такая симпатичная, добрая, а работали там?

Где работала тетя Клава при немцах знали, говорили. Но чаще без осуждения.

Гостиница "Великобритания".
Современный снимок.

В.С.Абакумова, датированный сорок седьмым или сорок восьмым годом, предписывал оставить женщину в покое... Жаль не додумался тот документ сохранить».

Итак, «тетя Клава» работала в заведении, на вывеске которого значилось «Hotel», в бумагах, оно именовалось «Гостиница «Великобритания». В марте 1942 года газета «Донецкий вестник» дала объявление о наборе сюда девушек-официанток. Желающих набился полный двор. Но когда на дверях кабинета учредителя заведения Г. М. Бондаря, получившего патент от городской управы и биржи труда, пришедшие прочли «набор в дом терпимости», осталось только семеро. Добровольно. Но что такое «добровольно» в оккупированном немцами Сталино?

В нынешних публикациях такие заведения хлестко именуют фронтовыми борделями, а работавших там женщин - жрицами любви, обеспечившими успех гитлеровской секс-индустрии. Скрупулезно исследуется регламент и распорядок дня, рацион питания, норма и объем выполняемой «барышнями» работы, подсчитывается размер заработка (в рублях и марках). Но нет ответа на вопрос: как и почему оказывались в «Великобритании» (для немцев - солдат и унтер-офицеров) и в «Итальянском казино» (для прочих оккупантов) наши женщины и девушки?

Были среди них, чего греха таить, любительницы такого занятия - как во все времена. Других брали во время селекционных ночных облав и привозили в заведения прямо из дому или со сборного пункта. Многих

- А ты, Лёвушка, кушать хочешь? - сказала тетя Клава. - Вот когда есть попросят твои детки, а тебе, не дай Бог, им дать будет нечего, - поймешь.

Тетю Клаву некие ретивые службисты соответствующих органов задержали, и она нашла понимание на самом верху. Документ из ведомства преемника маршала Л. П. Берии (да-да, того самого!),

сюда загнала крайняя нужда. Большая часть «барышень» - это семейные, ставшие в войну одинокими женщины, мужья которых были призваны в Красную Армию или отправились в Германию на заработки. Все они - Жанна, Тамара, Рая, Вера, Надя, Люба, Нина, Лена, Мария - имели одного или двух детей. У «тети Клавы» на руках был сын, у ее сестры Нюси - дочь. Нет, не были они ни «жрицами любви»; ни профединицами гитлеровской секс-индустрии. Обстоятельства вынудили их добывать средства к существованию, и другого варианта не представилось. И они работали.

Но что реально давала та работа? Чтобы купить, скажем, буханку хлеба, надо было обслужить пятерых, десяток яиц - семерых, килограмм коровьего масла стоил тридцать одного. Дополнительной платой были «немецкие пайки», оставляемые «барышням» посетителями - то ли в благодарность, то ли из сочувствия.

«Тетя Клава», выходя в город, приносила из «Великобритании» продукты и делилась ими с теми из соседей, кто бедствовал больше других, в первую очередь - с детьми: русскими, украинцами, греками, армянами, укрываемыми евреями - без различия. Претерпевая все, она спасала и спасла от голода себя и свою семью, реально помогла выжить другим.

Заступившись за «тетю Клаву» после войны и оградив ее от преследования, верхи тем самым признали за собой часть вины и ответственности за то положение, в которой оказались советские люди, в частности, дончане, во время немецко-фашистской оккупации.

- Что, не было другой работы? - попробует обличить кто-то.

Известно, что для оставляемых Красной Армией наших территорий действовал беспощадный приказ: часть специалистов, ценное оборудование предприятий, хлеб, продовольствие - вывезти на восток; все, что эвакуировать не удастся, - взорвать, уничтожить. Что и было сделано, насколько удалось. В полное расстройство пришло городское хозяйство. Усугубил разруху прокатившийся фронт. Миллионы людей оказались брошенными на произвол судьбы и новых, оккупационных властей.

Для населения всех оккупированных территорий германские власти сразу же, в 1941 году установили обязательную трудовую повинность. Вот что, в частности, гласил приказ оберфельдкоменданта генерала фон Клера:

«Все жители на территории действия оберфельдкомендатуры Донец, начиная с 14-летнего возраста, подлежат всеобщей трудовой повинности».

Действовавшая тогда на оккупированной Украине специальная «Служба праці» уточнит:

«Частина їх відслужить обов'язок праці на Україні, друга частина - в Райху».

Помимо обязательной трудовой повинности была и насущная необходимость добывать средства к существованию. В оккупированном немцами Сталино оказалось только горожан более 400 тысяч. Им надо было как-то жить, а для этого - где-то работать. Кто-то должен был взять на себя функцию организации жизни города.

Проведя после ухода советских войск несколько дней в тревожной - без света, без воды, без хлеба - неопределенности «что будет?!», город оживал. 23 октября началось создание новой системы местного самоуправления: Юзовской, при бургомистре немце А. Эйхмане, городской управы и семи районных управ, биржи труда и т.д. Штаты этих управленческих структур были укомплектованы местными специалистами - инженерами, научными работниками, врачами, учителями, бухгалтерами и т.д., отозвавшимися на призыв инициативной группы помочь наладить жизнь в городе. Распространено мнение, что люди, занимавшие такие посты, как и все другие сотрудники административных органов, в большинстве своем будут потом занесены в списки лиц, сотрудничавших с оккупантами, т.е. пособников фашистов со всеми вытекающими из этого последствиями. Но вот документ от 11 марта 1944 года. Это составленный специальной комиссией «Список виновников злодеяний, причиненных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками по г. Сталино». В нем названы преступники - немцы и их подручные - наши сограждане. Фамилий ни одного из поименованных ниже должностных лиц в списке не окажется. Весьма отрадный факт! Однако... Это «однако» будет потом, а в тот момент надо было как-то жить, а жить только для себя невозможно - такого не бывает.

Председателем Юзовской городской управы стал Н. Г. Петушков; его заместителем и начальником отдела городского хозяйства - Т. И. Ражуков, работавший раньше главным инженером облкоммунхоза. Отдел индустрии, торговли и ремесел возглавил Н. Г. Рагуз, а

подотдел торговли - А. Е. Лобода. Финансовым отделом руководил Б. И. Борнецкий, жилищным - Прохоров, Тишинский, продовольственным - С. Н. Чеботарев. Начальником отдела здравоохранения и главврачом города был доктор А. А. Гензель. Начальником полиции - Москаленко, затем Шильников. Претерпевал трансформацию орган, занимавшийся вопросами образования и культуры. Сперва это был отдел народного воспитания и культуры (начальник Ф. Н. Смирнов - преподаватель современного русского языка и истории русского языка пединститута), с 1 января 1943 года он был переименован в отдел школ и культуры (начальник В. С. Баранов, затем Р. М. Селезнев). Здесь имелись подотделы: школ и культуры (Г. И. Колесников), зрелищных предприятий (А. Ю. Волков), дошкольных учреждений (В. П. Турбин). Редактором газеты «Донецкий вестник» стал профессор Г. Ковалевский, его сменил Н. Антонцев.

Все они и их сотрудники, явив немалую отвагу, приняли на себя нелегкий труд: в условиях оккупационной власти обеспечить жизнеспособность населения города.

В городе появился свет - была возобновлена подача электроэнергии с Рыковской подстанции, заработал водопровод. Стали открываться магазины, заработали хлебопекарни. Мелкие предприятия, пущенные в ход в первую очередь, не только предоставили работу тысячам людей, но и обеспечили выпуск товаров и продуктов первой необходимости: индпромкомбинат, завод металлоширпотреба, швейные и ватные фабрики, кирпичный завод, мясокомбинат.

Получило возможность проявить себя частное предпринимательство, ранее всячески ограничиваемое. Поощряемые городской управой инициативные люди Юзовки-Сталино уже к январю 1942 года имели 352 своих заведения: 78 сапожных, 17 портяжных, 17 слесарных, 8 часовых мастерских, 38 парикмахерских, 19 фотографий, 3 предприятия по выдылке кож, 3 мыловаренных завода и т. д. Проявила себя частная инициатива и в организации общественного питания и переработки сельхозпродуктов. Открыты и работали пивной и лимонадный заводы, два предприятия по изготовлению плодовых и виноградных вин, 4 завода газированных вод, 5 мельниц, 2 пекарни, 2 крупорушки, 2 столовых, 4 кафе-закусочных. Число частных предприятий неуклонно росло. Если на 1 сентября

1942 года в городе и районах городской черты их было 872, то на 1 января 1943 года - 1874, из которых в Юзовке-Сталино 718. Они дали работу тысячам и тысячам горожан.

Главный врач города д-р А. Гензель сумел укомплектовать кадрами и оборудованием, медикаментами 50 больниц, поликлиник, амбулаторий, что позволило наладить медицинское обслуживание населения.

Все поступающие в гражданские учреждения или частные производства направлялись на рабочие места только с согласия биржи труда, где предварительно проходили обязательную регистрацию. Касалось это и работавших в «Великобритании» и «Итальянском казино».

Если следовать хронологии, то необходимо отметить такой факт: ровно через месяц после ухода из города советских войск в школах Юзовки-Сталино начались занятия. К лету 1942 года работало 45 начальных школ с числом учеников 3962, на начало 1943 года к ним присоединились 22 семилетки. Общее число учащихся достигло 12.178. Преподавательско-воспитательный процесс обеспечивало 654 учителя.

Ситуация обязывала учиться и взрослых. В городе действовали муниципальные и несколько частных курсов немецкого языка. Они были укомплектованы преподавателями индустриального и педагогического институтов, института Наркомпищепрома, учителями школ № 6, 13 и др.

Возобновились занятия в Сталинском (Юзовском) медицинском

Доктор А. Гензель ведет практические занятия со студентами 5-го курса медицинского института. 1942 г. Компьютерная реставрация снимка из газеты "Донецкий вестник".

институте, профессорско-преподавательский состав которого был укомплектован не сумевшими эвакуироваться и оставшимися в городе преподавателями различных вузов. Студентам читались специализированные

лекционные курсы, с ними проводились практические занятия. Только на пятом курсе обучалось 106 человек. Студенты обеспечивались продовольственными карточками, обучающиеся по направлению предприятий получали 50 процентов от прежнего оклада. Этот факт принято трактовать как стремление германских оккупационных властей обеспечить себя здоровой и дееспособной рабочей силой из местного населения.

Огромных затрат и усилий потребовал хотя бы частичный пуск шахт, крупных предприятий тяжелой индустрии, понесших особенно большие потери. Из 17 шахт комбината «Сталинуголь» уцелели только новостройки. Разрушена и требовала ремонта значительная часть копров, вентиляторов, подъемных машин, силовое хозяйство. Организацией и обеспечением восстановительных работ занялось Юзовское (немецкое) горно-металлургическое акционерное общество «Восток».

12 февраля 1942 года главный инженер горного управления профессор Б. П. Шерстюков сообщал в газете «Донецкий вестник»:

«Сегодня уже работают несколько шахт, как например: «Ново-Мушкетово», № 12 «Наклонная», «Бутовка», «София» и «Иван» треста «Макеевуголь», 5 - 5 бис «Трудовская» и др. Начинают давать уголь шахты 1 -2 «Смолянка», № 4 «Ливенка», № 1 «Щегловка».

Восстанавливалась старейшая юзовская шахта «Центральная-заводская». Число угледобытчиков росло. Так на шахте «Смолянка» в апреле 1942 года по направлению биржи труда работало 203 человека, то в ноябре уже 822.

Заработали кузнечный, котельный и литейный цеха завода Боссе, производившего горное оборудование. Знакомым горожанам басовитым гудком возвестил о своем воскресении Юзовский металлургический завод (в немецких бумагах - предприятие фирмы «Дортмундер-Унион», в рабочей заводской документации «Металлургический завод г. Сталино», ныне ДМЗ). Начинали действовать коксохимические заводы. Рабочие, занятые в тяжелой промышленности, получали недельный паек, состоявший из 200 гр. мяса, 100 гр. масла, 2500 гр. хлеба, 500 гр. крупы, 250 гр. сахара и 3500 гр. овощей. Шахтерам предоставлялось место в общежитии.

Постепенно налаживался транспорт. Только на железнодорожной станции Юзовка ежедневно было занято более 1000 человек. Весной

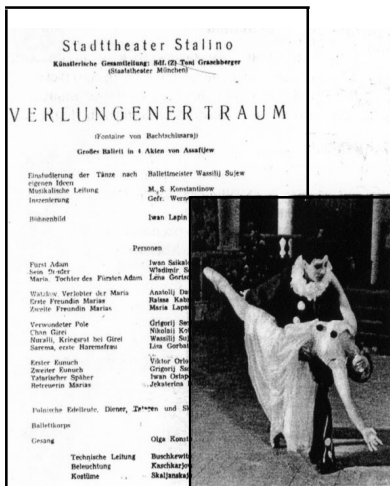
1943 года было пущено пять трамвайных маршрутов протяженностью 45 километров, затем пошел троллейбус.

Это - некоторые фрагменты из производственно-трудовой сферы. Но у жизни была и другая сторона.

Напомним, в отделе народного воспитания и культуры Юзовской городской управы был отдел зрелищных предприятий. В его ведении находилось 5 клубов, 4 кинотеатра - действовали кинотеатры «Комсомолец» и «Красный», аттракционы парка им. Щербакова. Готовилась к открытию библиотека.

Зафиксировано в публикациях и считается, что в городе работало три театра: оперы и балета, украинский музыкально-драматический и кукольный. На самом деле это была одна труппа, выступавшая в различных ипостасях. Когда давались представления под патронатом мобилизованного в армию режиссера Мюнхенского музыкального театра Тони Грашбергера, ставшего здесь художественным руководителем, то это была «Front-oper. Stalino», как значилось в программках. В другой раз зрители узнавали из других программ, что они посетили «Stadt theater. Stalino». Здесь ставились оперы Д. Верди «Травиата», П. И. Чайковского «Евгений Онегин», балет Б. Асафьева «Утраченные иллюзии», оперетты И. Штрауса «Летучая мышь» и

«Цыганский барон», давались концерты варьете. Представление о репертуаре украинской музыкальной драматургии дает афиша апреля 1942 года: «Сорочинський ярмарок», «Запорожец за Дунаєм», «Катерина», «Бувальщина на вечорниці», «Пошилися у дурні». И в тех и в других постановках были заняты одни и те же актеры. Труппа была укомплектована артистами сталинских театров, которые не сумели эвакуироваться, как другие, в Киргизию, людьми, застрявшими на оккупированной территории. В разное время значилось: актеров-солистов от 15 до 33, певцов

Программка и сцена из балета Б. Асафьева «Утраченные иллюзии». 1943 г.

хора 50 - 55, балетно-танцевальная группа 58 - 100, оркестр 42 - 64; 17 человек работало в кукольном театре для детей.

Выступали артисты не только в помещении театра оперы и балета. Формировались мобильные группы на выезд. В танцевальный ансамбль входило 18 человек, в ансамбль русских народных песен - 15, группа эстрадных артистов насчитывала 13 чтецов, певцов, танцоров. Формировались также бригады для выступлений во фронтовых частях германской армии - специальным приказом артисты (перечень фамилий) просто объявлялись мобилизованными. Что, имелось время заглянуть в будущее и отказаться?... Я знал хорового дирижера, который получил 10 лет ГУЛага за то, что руководимая им капелла исполняла то, что предписывали германские оккупационные власти.

Директор С. А. Левченко заслужил благодарность «за большую работу по восстановлению театра». Чем же, помимо искусства приходилось ему заниматься? Директор добивался выделения для артистов и технических работников театра и их иждивенцев хлебных карточек, просил продотдел городской управы обеспечить поставку продуктов в столовую № 16, где питались 227 сотрудников театра; просил полицию «выделить документ на лошадь»; просил председателя городской управы «ввиду предстоящих военных концертов германской армии с 1 по 12 февраля 1942 года» дать распоряжение на получение 100 тонн угля и выделить 10 подвод для перевозки его...

Однако 4 марта 1942 года последовал приказ начальника отдела народного воспитания и культуры:

«В интересах музыкального искусства, которое обслуживает доблестную армию прифронтовой полосы, воспитывает и облагораживает гражданское население, считаю необходимым, чтобы во главе Украинского музыкального театра стояло лицо с широким музыкальным образованием, и потому...». Директором театра стал М. С. Константинов. Кстати, именно Константинов значится режиссером и музыкальным руководителем постановок опер и балетов под эмблемами «Front-oper. Stalino» и «Stadt theater Stalino»...

Говорят, что после прихода советских войск и освобождения города от оккупации часть артистов, пройдя соответствующую проверку, влились в подразделения 8-й воздушной армии.

Сомневаться не приходится: работа наших земляков в шахтах, на заводах и фабриках, в земледельческих общинах и государственных

(т.е. являющихся собственностью новой власти) хозяйствах, в сфере культуры и услуг и т.д. была одновременно работой на себя (для собственного прокормления) и принудительным, вынужденным трудом для удовлетворения нужд и потребностей Германии и ее оккупационной армии.

Несмотря на очевидное оживление производства и предпринимательства все же рабочих мест на всех, особенно угольщиков, не хватало. На 3 января 1942 года в Юзовке-Сталино было зарегистрировано биржей труда 92 тысячи безработных - мужчин и женщин. И неудивительно, что призыв немецких властей отправиться на «временную работу в Германию» нашел отклик. 15 февраля из Юзовки-Сталино отбыл на Запад первый транспорт рабочих Донбасса - 1000 горняков. Да-да, они поехали добровольно, надеясь таким образом прокормить свои семьи. «Донецкий вестник» прокомментировал этот факт так: «Великая Германия принимает и дает работу первой тысяче горняков-угольщиков, оставленных без работы и хлеба большевистско-жидовскими правителями».

19 апреля биржа труда сообщала, что с отправкой пятидесятого эшелона число убоивших из Сталинской области в Вестфалию, в Дортмундский угольный район и Рейнскую область, в Кельн, достигло 50.000. К концу июля 1942 года из Донбасса был отправлен уже 101 эшелон с рабочей силой для Германии.

Оккупационные власти всячески старались представить дело так, что в Германию наши люди едут исключительно добровольно. Однако газеты пробалтываются, что едут «призванные», «назначенные на работы в Германии рабочие с востока» («частина їх відслужить обов'язок праці на Україні, друга частина - в Райху»). И тут же: кто не явится на работы в прифронтовой полосе (в том числе объявленные мобилизованными артисты) или на отправку в Германию, «будет наказан как саботажник по законам военного времени».

С разными чувствами отправлялись в дорогу убывающие: со страхом и слезами, с любопытством, а кто-то и с радостью, поверив тому, какой красивой представляли жизнь «ostarbeiter»ов в рейхе публикуемые в газетах материалы и письма тех, кто оказался в Германии ранее. По социальному признаку классифицировать их невозможно: забойщик, мастер доменного цеха и горный мастер, шофер, бутчик, парикмахер, инженер-металлург, кочегар, учитель, чернорабочий, завмаг, повар, фельдшер, продавец, учащиеся, водитель

троллейбуса, артист балета, оркестра, акробат, вышивальщица, плотник. От 14 лет и за 50.

Разные источники дают нам разные данные о числе наших земляков, убывших (принудительно и добровольно) в 1942 - 1943 гг. в Германию. В архивных документах специальной комиссии (ноябрь 1943 г.) значится: «... по неполным данным насильственно было угнано в Германию до 100.000 человек населения области», «по г. Сталино - 27.976 человек, из них мужчин - 13.723» (Это – без районов городской черты). Потом уточненная цифра возрастет до 125 тысяч, и, наконец, в официальных советских изданиях закрепится маловероятное: «на каторжные работы в Германию угнано 252.239 человек»...

Весной 2000 года Верховная Рада Украины приняла Закон «О жертвах нацистских преследований», которым эти люди рассортированы на оказавшихся на работах в Германии принудительно и выехавших добровольно. Последним отказано в праве на какие-либо льготы. Но кто повинен в их «добровольности»?! Как будто не потому, что власти СССР не сумели оградить советских граждан от вражеского нашествия, они, граждане, вынуждены были под властью оккупантов искать и находить пути к выживанию («А ты, Лёвушка, кушать хочешь?»). А вот власти современной Германии не делят бывших «рабочих с востока» по этому признаку и считают «добровольность» выезда особо циничным способом принуждения населения оккупированных фашистами стран находить средства к существованию. И возмещают эксплуатацию «*ostarbeiter*»ов достойными компенсациями.

И все же эта немецкая добродетельность односторонняя и далека от справедливости. Речь вот в чем.

У нас почему-то стало общепринятым понимать словосочетание «*ostarbeiter*» как «восточный рабочий». На самом же деле его значение иное - «рабочий с востока» (от Германии), то есть приехавший, привезенный из Польши, Украины, Белоруссии, России. А «восточный рабочий» - это человек, работавший на востоке от Германии - на оккупированной немцами территории Украины, Белоруссии, России.

В условиях жизни и работы «*ostarbeiter*»а и «восточного рабочего» много сходного.

- *Ostarbeiter* (в Германии, Австрии, Польше) находился в полной власти нацистов. Обеспечивался местом для житья (спанья) в лагере или у бауера, работал по 12 - 14 часов в сутки, получал некоторую

зарплату и еду, имел выходной день - воскресенье с увольнением в город без конвоя.

- «Восточный рабочий» (в Украине) находился в полной власти нацистов. Жильем не обеспечивался, работал не менее 10 часов, получал некоторую зарплату и карточки на продукты, имел выходной день - воскресенье со свободным (в границах установленного режима) передвижением в городе.

За самовольное оставление работы обоих ждало суровое наказание.

Однако между ними пролегла жесткая разграничительная черта.

Тем, кому посчастливилось уцелеть и возвратиться из Германии после войны домой, посчастливилось быть включенным в категорию «*ostarbeiter*» со всеми вытекающими из этого последствиями - компенсации, льготы, приравнивание к разряду «Участник войны» и даже «Участник боевых действий». А «восточному рабочему»? Ничего... Если бы только «ничего».

Упомянутым Законом наши законодатели решили признавать жертвами нацизма только тех, кто сможет доказать, что подвергнулся со стороны немецко-фашистских властей репрессиям. Но что такое «репрессии»? Принудительный (обязательный!), под страхом наказания за уклонение судом, концлагерем и даже смертью труд наших соотечественников на оккупированной украинской территории, оставшихся на этой территории не по своей вине и воле, а брошенных - разве не был репрессивен? По крайней мере, для большинства. И кто-то ведь должен дать понять немцам, что они, зверски эксплуатировавшие «восточных рабочих», в долгу перед этими людьми.

Но что мы видим? О сотнях и сотнях тысяч этих жертв нацизма попросту забыли. Или вспомнить недосуг? Печально... Горько... Постыдно!

Но вернемся в оккупированную Юзовку-Сталино.

Важнейшая роль в общественной жизни города принадлежала, как мы сказали бы сегодня, средствам массовой информации. С 15 ноября 1941 года по 29 августа 1943 года выходила газета «Донецкий вестник» - орган Юзовской городской управы. К февралю 1942 года заработало городское радио: в его программе - новости на украинском и немецком языках, музыкальные концерты, трансляции из Берлина. Подобные издания принято у нас обозначать бескомпромиссно - как рупор

немецко-фашистской пропаганды (заметим по поводу: любое официальное издание любой власти является ее рупором). Однако такая оценка односторонняя, а потому не вполне справедлива. «Донецкий вестник», как и городское радио, при всей их тенденциозности, были одновременно жизненно необходимыми средствами информирования населения, помогали людям сориентироваться в сложной, непривычной обстановке, избежать карательных акций, способствовали стабилизации общественного бытия.

Страницы газеты пестрят извещениями о наказании штрафами, каторжными работами, расстрелами провинившихся перед властью и порядком. 18 января 1942 года за подписью полевого коменданта сообщено о казни пятерых молодых женщин: «следующие лица провинились в том, что благоприятствовали и содействовали бегству военнопленных, и были потому 15 января 1942 г. расстреляны. Кто провинится подобными действиями - будет расстрелян».

Целая сеть лагерей военнопленных покрывала город. Пленные содержались на территории центральной поликлиники и клуба им. Ленина (ныне ДК им. Ленина и областная клиническая больница), на территории завода резино-технических изделий, шахт № 1, 10 и «Трудовской» группы шахт, в лагере «Ланц», в пересыльных лагерях (дулагах) №№ 108 и 182, в стационарных лагерях (шталагах) №№ 387 и 312. Несмотря на смертельную опасность жители города всячески стремились помочь попавшим в беду бойцам и командирам Красной Армии продуктами, вещами, вызволяли их, выдавая за своих. Общее число погибших в этих лагерях достигло 92 тысяч.

Мрачную славу у горожан приобрела шахта 4-4 бис «Калиновка». В ее взорванный шурф за время оккупации фашисты сбросили 75 тысяч живых и замученных советских граждан - стариков, женщин, детей, участников донецкого подполья, военнопленных бойцов и командиров Красной Армии... Сейчас там, в мемориальном комплексе вы увидите памятный знак: «Вечная им слава... Вечная память... Вечный покой...».

А вот история другого рода. 12 апреля 1942 года «Донецкий вестник» публикует извещение: «Благодаря энергичной работе украинской вспомогательной полиции г. Сталино обнаружены и задержаны убийцы г-жи Чеботаревой З. Ф.». 20 марта она ушла на

работу и исчезла. Как оказалось, ее заманили в дом, зверски убили, ограбили, а тело зарыли под полом. Бандиты - женщина и трое мужчин «приговорены к смертной казни. 9 апреля приговор приведен в исполнение».

Да, криминал, как и во все смутные времена, разгулялся. Он добывал себе на жизнь воровством, грабежами, убийством сограждан. Задача поддержания правопорядка, борьбы с преступностью и была возложена на так называемую Украинскую вспомогательную полицию. Сюда биржа труда направляла людей, умеющих обращаться с оружием, т.е. служивших в армии, а также добровольцев, Юзовская городская полиция была укомплектована этими кадрами и имела 15 участков. Она выполняла функцию понятной нам милиции, и работы у нее хватало. Имелась и другая задача. Полицейские участвовали в реквизициях у населения продуктов - муки, сахара, жиров, зерна, мебели и другого имущества, в карательных акциях. Бойцов таких формирований принято у нас чуть ли не поголовно изображать как ретивых прислужников оккупантов. Слов нет - таких хватало, и с такими потом не церемонились: скорый суд и приговор - виселица, расстрел перед односельчанами, горожанами. Но, к чести соответствующих органов, подход был дифференцированным; кто, служа в полиции, не запятнал себя, ограждая сограждан от хулиганья, бандитов, охранял мосты, другие важные объекты и личную (частную) собственность горожан, а уж тем более - направлялся в полицию антифашистским подпольем, наказанию не подвергался. Вот вам и нравственная теорема.

Или еще один ракурс. Извещение от 23 августа 1942 года: «Всем членам семей работников, выехавших из г. Сталино и районов городской черты на работу в Германию, а также членам семей украинцев, добровольно служащих в частях германской армии, кроме хлебных карточек выдаются продовольственные карточки II категории в том числе, если они не работают и не получают продовольствие на себя и своих иждивенцев по месту работы». За работающего в Германии членам семьи выдавалось «ежемесячное пособие не свыше 130 рублей» (щедро! - десяток яиц или 350 грамм растительного масла). «В Сталинской области хозяйственным командованием выдано с февраля 1942 года по февраль 1943 года семьям украинских рабочих 20.246.460 рублей».

Итак, поощрение за работу в Германии, поощрение за военную службу на стороне врага. Кто-то пошел в германскую армию из стремления как-то перебыть смутное время, а кого-то туда толкнула память о пережитых при советской власти незаслуженных обидах, притеснениях, понесенных потерях... Осудить или рассудить?

Кто-то нашел упоение и смысл существования в безоглядной борьбе против оккупантов и своих же земляков, сознательно и вынужденно работавших в административных или правоохранительных органах, против всего, что исходило от оккупационных или муниципальных властей. Подвергал смертельной опасности себя и своих близких, не жалел собственной жизни. Это был их выбор. На территории города действовало семь подпольных организаций, объединивших около пятисот человек. Подпольщиков Калининского района (40 членов) возглавлял А. А. Верноболь, Кировского (15) - А. Д. Власов, Буденовского (48) - С. Г. Матякин и С. В. Скоблов. Существенное значение для активизации антифашистской борьбы имела подпольно-диверсионная группа, принявшая наименование отряда имени Сталина и насчитывавшая 172 бойца, которую возглавлял заброшенный в Сталино чекист В. Д. Авдеев. При приближении советских войск подпольщики совершили 4 крушения поездов, подорвали 2 танка, 8 грузовых автомашин, уничтожили несколько складов боеприпасов. Их подвижничество запечатлено во множестве страниц. Перед их жертвой мы склоняем голову.

Гибли не на жизнь, а на смерть боровшиеся против немцев, гибли попавшие под горячую руку тихие обыватели, спасались от гибели кто как мог. Общий счет потерь горек: к 8 сентября 1943 года, когда в Сталино вступили советские войска, от 400 тысяч на 1 января 1942 года осталось только 150 (по другим оценкам - 175) тысяч горожан.

Немало тех, кто работал в органах управления жизнью города, районов городской черты, обеспечивал правопорядок, при приближении Красной Армии ушли на Запад. Они обоснованно опасались за свою жизнь и свои семьи. А сколько «ostarbeiter»ов, граждан СССР (Украины) не пожелали вернуться в родные места и заканчивают (закончили) жизненный путь в странах Европы и Азии, Америки и Австралии?

На десятый день освобождения Сталино от оккупантов статистика НКВД фиксировала: «по ряду районов задержано и арестовано:

начальник полиции 1, бургомистр 1, старост 30, полицейских 211, старших следователей 1, жандармов 5, шпионов 1, переводчиков 1, служивших во власовской армии 15, дезертиров 7, мародеров 1, прочих немецких пособников и изменников Родины 238 чел.».

Любопытен (для сравнения) список по одному из районов городской черты Сталино - Буденновскому. Датирован он, как и упомянутый в самом начале, тем же 11 марта 1944 года. В число виновников злодеяний, наряду с предателями, зверствовавшими полициями, здесь попали заведующая, врач и другие сотрудники биржи труда, старосты земельных обществ, бургомистр Калининской сельской управы, переводчик со стандартным обвинением в угоне и способствовании угону советских граждан в Германию. Не очень отрадный, побуждающий задуматься факт.

Навстречу многим из них и многим другим, оставшимся в родном краю и обвиненным в антисоветской деятельности, в сотрудничестве с оккупантами, пособничестве, в саботаже, предательстве, шпионаже, украинском национализме распахнет свои объятия ГУЛаг. Да и тот «Список... по г. Сталино» оказался не окончательным. Некоторые бывшие сотрудники Юзовской городской управы не избежали советского суда и заключения, некоторые из осужденных были потом реабилитированы. И это - тоже факт... Для многих профессиональный путь будет закрыт навсегда. Отметка в документах «был на оккупированной территории» ляжет позорным клеймом и станет тяжким моральным грузом для миллионов советских людей на многие годы...

Трагедия имеет свойство повторяться.

Под натиском Красной Армии немцы покидали Донбасс. 2 сентября 1943 года по германской армейской группе «Юг» издается секретная инструкция, которой армейским руководителям и руководителям хозяйственных команд предписывалось:

«Всякое производство в Донецком бассейне... прекращается. Эти районы в хозяйственном отношении должны быть эвакуированы, насколько это возможно... Наряду с вывозом ценных машин и ценного имущества следует обратить внимание, главным образом, на вывоз зерна... Все, что не может быть эвакуировано, подлежит разрушению, в особенности: водонапорные и электрические станции, шахты, заводские сооружения, средства производства всех видов, урожай,

который не может быть вывезен, деревни и дома. Разрушения следует произвести не в последний момент, когда войска будут уже вести бой или отступать, а своевременно... Запрещается выдача местному населению продовольствия, предметов ширпотреба и горючего».

Что и было сделано беспощадно.

Как видим, трагедия повторилась.

А вот из справки об экономическом состоянии города на момент изгнания немецких оккупантов от 11 сентября 1943 года:

«При отступлении немцами... взорвано и сожжено по г. Сталино 3761 дом, 91 административное здание., 51 школа, в которых обучалось 72.000 человек, 25 больниц и поликлиник, 86 детяслей, 23 театров, клубов и кинотеатров, 390 магазинов. Разрушены все фабрики, заводы, шахты, подорваны водопроводные и электрические сети».

Все это снова надо будет восстанавливать.

Предстояло пройти новые круги надрывных трудовых усилий, ограничений, лишений.

Снова без света, без воды, без хлеба.

И надо было как-то жить...

Дописывая эти строки, я все острее осознавал глубинный смысл мудрого вопроса «тети Клавы»:

- А ты, Лёвушка, кушать хочешь?

* * *

Изложенное выше надо воспринимать как некоторые дополнительные штрихи к традиционно изображаемой оккупационной действительности Юзовки-Сталино, где были геноцид и террор фашистов, физические, нравственные, духовные страдания наших земляков.

Но жизнь неостановима.

«Всюду жизнь» - так озаглавила свою книгу воспоминаний (Иерусалим, 1998) Шешана Фишер о своем многолетнем пребывании в советских тюрьмах, лагерях, ссылке, на поселении. Честную книгу о горестях и радостях, тяжких страданиях и победах, о любви и счастье. Да-да, такова многомерность человеческого бытия вообще, всегда и везде.

Столь же многомерной была жизнь и наших земляков - жителей Юзовки-Сталино под немцем. Несмотря ни на что, люди влюблялись, женились, рожали детей; находили утешение, радость, счастье в простом и обыденном...

Можно подчинить, покорить страну как территорию, сменить государственную машину.

Жизнь непобедима. Она - превыше всего.

БЕЛЫЕ ФЛАГИ СНИМИТЕ!

*Над мраморной на
стене доской памяти
организатора и
руководителя подпольно-
партизанской борьбы в
Ростове-на-Дону,
Сталино и Одессе
В.Д.Авдеева, погибшего
5 марта 1944 года,
бессильно склонились
побелевшие от времени
флаги.*

Ветер задумчиво
серые стены гладит.
Серые стены,
не помнят о давней утрате...
Ну-ка!- снимите
эти белые флаги.
Им здесь не место!
Они здесь некстати!
Белые флаги -
это признание бессилья.
Он же был сильным,
упорным, упрямым.
А позади простиралась Россия -
Родина-матерь
и старая добрая мама....
Здесь вот,
на пыльном и злом перекрестке,
Принял он бой,
смертный бой свой последний...

Красные флаги над мрамором
 словно бы звезды.
Только их цвет стал не красный,
 а бледный.
Мимо машины плывут
 равнодушной походкой,
Катятся люди
 и ветры бегут бестолково.
Дышит подвал на прохожих
 ржавой селедкой -
Знать, не нашлось
 для селедки места другого...
Выцвели красные флаги.
 Время - оно беспощадно.
Сушит и память,
 и камни лишает влаги.
Все это верно.
 Да только неладно,
Что в этом месте
 сегодня белые флаги...
Белые флаги снимите!..
 И - станьте в безмолвье...
Кровь свою отдал
 он ведь совсем не напрасно...
Кровь - не белеет.
 Даже при белокровьи
Кровь остается красной.
Красные
 флаги поставьте на место белых!
Красного
 цвета сюда и цветы принесите.
Не забывайте же, люди,
 павших и смелых.
Память о них берегите!
 Честь берегите...

***НЕВЫЧЕРКНУТЫЙ
АБЗАЦ***

Из записок
старого
газетчика

Память

На Аллее Славы у памятника
Неизвестному матросу.
Одесса. 1968 г.

-Что вспомнилось тебе,
старый солдат – освободитель
Донбасса?
2003 г.

Э тот абзац я почти что уже совсем вычеркнул. «Собственно говоря, какая разница, кто здесь присутствовал и кто не присутствовал», - подумал я и опустил ручку на бумагу. Но что-то удержало меня, абзац остался и вышел в газете.

Минуло несколько дней.

И вот в моих дверях - женщина. Немолодая, опрятная. Скорее всего, работница, а может бухгалтер.;

- У меня к вам дело, - как-то очень уж робко говорит она. Мне кажется, она не в меру волнуется, впервые, видимо, придя в газету.

- Заходите, - успокаивающе говорю я. - Садитесь.

Она продолжает стоять, будто не слышит. Потом спохватывается, нервно открывает тащу - мягкую хозяйственную сумку, достает оттуда газету, кладет на стол.

- Вот.. Заметка... об... открытии... памятника... - говорит она, перед каждым словом захватывая, как рыба на берегу, воздух и очевидно теряя силы. Я гляжу на газету: это та самая сорокастрочная заметка на четвертой полосе, последний абзац которой я едва не вычеркнул перед сдачей в набор.

- Садитесь же, - настаиваю я, и она поспешно садится. Но тут же встает:

- Вот мой паспорт. Вот видите? - моя фамилия Мозисова.

Мне чудится что-то знакомое.

- Я слушаю вас.

- Мой муж не был военнообязанным, - говорит она быстро-быстро. - Врачи нашли, что у него одна нога короче на два сантиметра другой. Десять лет мы прожили с ним, я и не знала. А как началась война, его назначили комиссаром - он был ответственный работник, член партии. Он уехал во Львов. Мы остались... - Она замолкает, делает глубокий вдох и медленно-медленно выдыхает - Это долго и трудно вспоминать. И не надо... Гитлер взял двух моих сыновей. Они в лагере остались, в Богдановке... Потом я писала в Бугуруслан, чтоб помогли

мне мужа разыскать. Пришел ответ: такого нет... И вдруг в газете читаю: «На открытии памятника присутствовал друг и боевой товарищ героя подполковник И. Мозисов». - Она встает к указывает пальцем на тот самый последний, невычеркнутый абзац. - Скажите, а вы знаете: кто он? где он?!

- Не знаю, - говорю я, - но сейчас приглашу коллегу, автора заметки. - Я набираю номер телефона. - А вы в городе живете? - подготавливаю почву для следующего вопроса, осторожно спрашиваю я Мозисову.

- Да.

- И у вас здесь - семья?

- Нет, я одна! - подчеркнуто, даже горделиво сказала она. И после паузы: - Я понимаю, у него, наверное, новая семья. Ведь мы с сорок первого так и не знаем ничего друг о друге...

Приходит автор заметки.

- Вот какое дело тут, - говорю я ему. А женщина уже спешит к репортеру с вопросом:

- Вы знаете его? Какой он? Не нахрамывает:

- Я не говорил с ним, - сказал репортер.

- А зовут? Илья Яковлевич?... - она замирает.

- Да,... - не слишком уверенно говорит он, но женщина не замечает этого. Шумный, исполненный тоски и облегчения выдох. Собравшись с силами: - Правильно, Илья Яковлевич... Вы не знаете - он не комиссар?

- Был комиссаром полка, - уверенно подтверждает репортер.

Снова выдох, снова короткое молчание. Она хорошо держится, эта немало повидавшая на веку женщина. Хорошо держится в труднейшую для нее минуту.

- Я могу помочь вам, - говорит репортер. - Я знаю людей, сыну которых открывали памятник - он дружен с ними.

- Я нашла их, была у них, - говорит женщина. - Их нет, они в отъезде.

- Да?! - вездесущий репортер поражен, сражен.

- Да-да. Они в отъезде. Я вчера была у них, - торопится она. И вдруг, то ли с надеждой, то ли с испугом, - А он, Илюша, здесь?

- Конечно здесь! - уверенно подтверждает старый газетчик, и сам удивляется: - И как это вы до сих пор не встретились? Действительно, проще простого - звонок в адресный стол: Илья Яковлевич Мозисов, 1903 года рождения. Военный, подполковник. Идемте.

Предвкушая волнующий репортаж, он едва не потирал от возбуждения руки. Но стал почти картинно вежлив, даже галантен. Пропуская женщину в дверях, уверенно сказал,

- Мы это дело в пять минут.

Они ушли. А мы в секретариате, комнате редакционного паломничества, ибо в этот кабинет из всех отделов редакции стекаются материалы прежде, чем попасть в номер - обсуждали событие.

Вот ведь как бывает в газете: случайно не вычеркнутый абзац - и такое дело. Я и мои помощники строим планы: как здорово будет рассказать про случай, что помог найти друг друга давно потерявшимся людям. Какой будет их встреча и как нарасхват пойдет номер с этим материалом...

Минут через пятнадцать я увидел женщину в коридоре. Она счастливо улыбалась. И я улыбнулся ей. «Вот хорошо, - подумал я, - что она через двадцать пять с лишним лет все же нашла потерявшегося своего мужа».

- Спасибо, большое спасибо вам! - сказала она.

- Я рад за вас, - ответил я. - А далеко ли живет ваш муж?

Она была переполнена счастьем, эта пожилая одинокая женщина .

- Да нет! - радостно сказала она, - нет же! Это не он. Это другой, молодой. Иван Яковлевич Мозисов. Это не он!

Она пожала мне руку и ушла. Опрятная, подтянутая, для него, нестареющего, сберегающая себя, ушла вместе со своим мужем.

Если бы он сейчас нашелся здесь, оказался жив, - ей грозило непоправимое одиночество. Теперь же они продолжали оставаться вместе.

Она шла по спускающейся круто вниз лестнице так, будто легкокрыло взмывала ввысь, навстречу своей, едва не рухнувшей надежде. Она улыбалась и ничего и никого, кроме верного спутника своей жизни не видела.

В глубине коридора остановился старый репортер. Он замер с разведенными в стороны руками, всем своим видом давая понять, что хоть репортаж и сорвался, он ничуть не жалеет о том.

ВETERАНОВ ПОМНИТЕ ЮНЫМИ И СТРОЙНЫМИ

Ветеранов помните
не седыми, с планками.
Помните - распятыми
вражескими танками.
Помните - прожженными
вражескими пулями.
Помните - прибитыми
вражескими дулами
На лицо Земли.
Помните:
воспрявшими
из могил некопанных,
вражескими танками
вовсе не растоптанных,
не прожженных намертво
вражескими пулями,
не прибитых намертво
вражескими дулами
На лицо Земли.
Помните:
рассветами, голубыми ливнями,
тополями юными,
стройными к сильным,
и домами новыми,
и полями тучными...
Помните их юными,
помните их лучшими
В мирный день и час.
С орденами помните,
в серебре и золоте,
На серпе - с колосьями,
и с огнем - на молоте.

Незабутно помните:
 надолго сработано
Дело их победное,
 дело их добротное
На лице Земли.
Помните их - звуками,
 сильными и стройными,
Маршей, не загубленных
 мировыми войнами,
Горестными песнями,
 песнями веселыми -
Теми,
 позабытыми
 городами – селами
В мирный день и час.

1995 Херсон

На снимке: Участники освобождения Донбасса от немецко-фашистских оккупантов у памятника жертвам нацизма. Донецк. 2003 г.

Содержание

От автора	5
- Маяк строчит во чью-то память	11
Оружием стало слово	13
- Ответ подполковнику	29
С винкилем “SU”	33
- Про расстрелянных женщин	56
Рифмы боя	59
Я стихом винтовку заменил	75
Песни над колючей проволокой	85
Танго смерти	95
- Еще жив!	103
Бухенвальдский урок	105
- Один за троих	113
Гроздь гнева	115
Главный артиллерист Маутхаузена	131
- Золотая свадьба	139
Вдова партизана	141
- Бабий яр	150
Жизнь под немцем	153
- Белые флаги снимите!	173
Невычеркнутый абзац	175
- Ветеранов помните юными и стройными	180

Публіцистичне,
літературно-художнє видання

Георгій Мефодійович Лункін

ВИЩІ ЗА СТРАХ І СМЕРТЬ
Нариси, вірші

Редактор О. В. Новіков
Дизайн автора за участю
М. М. Федоріна,
О.Ю. Філіна
Комп'ютерна верстка
О.Ю. Філіна

В книзі використані фотороботи А. Альперта, Я. Вельця, М.
Полтавського, М. Рібака, в'язня Янівського табору
Штрайсберга, документальні матеріали державних архівів і
приватних зібрань, вітчизняних та закордонних видань.

22. Fahrtstag
 meine Befreiung
 8. April 1967

Die nächste Verknüpfung
 sind Antimenschlichkeit
 gehört zu den größten und
 schrecklichsten Verbrechen
 des Imperialismus.
 Egonwitt Müller Berlin 10787

Я узница Равенбрюка - призван
 все народ земного
 шара бороться за
 мир и счастье на
 всей земле и за
 все народы.
 Томасова А. 17199

Kampf für den Frieden
 garantiert die wieder Faschismus.
 41/42 66. Einung Handke
 Werdet glücklich,
 das Leben siegt!
 Barbara Reimann -
 Nr. 3736 Dollwetz 1
 Clara Clasen - Dollwetz 37300

Die internationale
 Solidarität rettet uns das
 Leben!
 Klaus Heidemann, Ravensbrück
 1383
 Hans Heidemann, Sachalin
 877

1945 im Block 11 haben 50 Rotarmisten
 uns eine unorganische Wächter mit
 sogglichendiehem geschend
 Gustav Bumsenart Pedersen
 25693 auf Dänemark

1945 im Block 11 haben 50 Rotarmisten
 uns eine unorganische Wächter mit
 sogglichendiehem geschend
 Gustav Bumsenart Pedersen
 25693 auf Dänemark

Die internationale
 Solidarität rettet uns das
 Leben!
 Klaus Heidemann, Ravensbrück
 1383
 Hans Heidemann, Sachalin
 877

1945 im Block 11 haben 50 Rotarmisten
 uns eine unorganische Wächter mit
 sogglichendiehem geschend
 Gustav Bumsenart Pedersen
 25693 auf Dänemark

Встреча советских и немецких бывших узниц Равенбрюка в Одесском аэропорту. На вопросы автора отвечает немецкая антифашистка Эрика Бухман. Август 1967 г.

Михаил Савицкий - народный художник СССР. Узник № 32.835. Автопортрет. Поющие... (на последней странице обложки)

Из цикла "Цифры на сердце".

Бывшие советские узники концлагеря Маутхаузен у памятника своим погибшим боевым товарищам на городском кладбище Маутхаузена. Слева от венка - М. А. Шамшеев. Ноябрь 1965 г.

Плат верности антифашистской солидарности, дружбе между народами и делу мира. 1967 г.